

85500-Д

И. Х. УРУСБИЕВ

РЕПОЗ. ТАК. И

**СПРЯЖЕНИЕ
ГЛАГОЛА
В КАРАЧАЕВО-
БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

**КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕРКЕССК—1963**

И. Х. УРУСБИЕВ

СПРЯЖЕНИЕ
ГЛАГОЛА
В КАРАЧАЕВО-
БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕРКЕССК — 1963

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Н. А. Баскаков.** Каракалпакский—Каракалпакский язык, т. II, ч. I, М., язык 1952.
- В. А. Богородицкий.** Введение— Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд. II, Казань, 1953.
- Н. Ф. Катанов.** Опыт —Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903.
- Г. И. Рамstedт.** Введение —Введение в алтайское языкознание. Морфология, М., 1957.
- М. Рясенен.** Материалы —Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
- А. А. Юлдашев.** Система —Система словообразования и спряжение глагола в башкирском языке. М., 1958.
- ВГИВЯ** —Вопросы грамматики и истории восточных языков. М.—Л., 1958.
- ВЯ** —Вопросы языкознания.
- Изв. А. Н.** —Известия Академии наук.
- ИСГТЯ** —Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков; ч. I, Фонетика, М., 1955; ч. II, Морфология, М., 1956; ч. III, Синтаксис, М., 1961.
- М.** —Москва.
- М.—Л.** —Москва—Ленинград.
- НИИ** —Научно-исследовательский институт.
- СМОМПК** —Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа, вып. 42, Тифлис, 1912.
- Х. Аппаев** —Х. Аппаланы. Къара кюбур, I эмда 2 китабы. Черкесск, 1958.
- Дж 2** —Джюрек джырлайды, Черкесск, 1957.
- МЖ** —Малкъар жомакъла, нарт сёзле, элберле, Нальчик, 1959.
- МПА** —Малкъар поэзияны антологиясы, Нальчик, 1959.

ПОМЕТЫ

- А. д. д.** —автореферат докторской диссертации.
- А. к. д.** —автореферат кандидатской диссертации.
- алт.** — алтайский язык. **мн. ч.** — множественное число.
- башк.** — башкирский язык. **напр.** — например.

буд. вр. — будущее время.

букв. — буквально.

вм. — вместо.

вып. — выпуск.

дат. п. — дательный падеж.

досл. — дословно, дословный.

др. — другие.

ед. ч. — единственное число.

изд. — издание

исх. п. — исходный падеж.

каракалп. — каракалпакский язык.

каз. — казахский язык.

кар.-балк. — карачаево-балкарский язык.

л. — лицо.

наст. вр. — настоящее время.

род. п. — родительный падеж.

примеч. — примечание.

см. — смотрите.

ср. — сравните.

тат. — татарский.

тур. — турецкий.

тюрк. яз. — тюркские языки.

узб. — узбекский язык.

уйг. — уйгурский язык.

указ. соч. — указанное сочинение.

уч. зап. — ученые записки.

фольк. — фольклор.

хак. — хакасский язык.

чув. — чувашский язык.

як. — якутский язык.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

| — начало последующих строк в стихах.

|| — варианты аффиксов, параллельно употребляющиеся формы, сочетания.

< — развилось из ..., возникло из ...

> — превратилось в ..., перешло в ...

= — равняется, соответствует.

: — чередование, соответствие звуков.

() — в круглых скобках даются дословные переводы, транскрипция и пояснения.

[] — для фонетической транскрипции.

ВОПРОС О СПРЯЖЕНИИ В ТЮРКОЛОГИИ

Спряжение представляет обширную систему словоизменения глагола. В нём наиболее полно выявляются категории глагола: наклонение, время, лицо, число.

Обычно глагольному спряжению отводится в грамматиках тюркских языков особое место. Спряжению или отдельным вопросам, связанным с ним, посвящён ряд монографий и статей.

Одна часть тюркологов в спряжении усматривает изменение глагола по лицам, числам, временам и наклонениям; другая же—только изменение по лицам. При этом те и другие в подавляющем большинстве признают единый тип спряжения глагола в тюркских языках.

Ещё И. Гиганов писал: „Спряжение есть, когда глагол через наклонение, времена и лица переменяется.“¹ И далее: „Спряжение в татарском языке одно для всех родов глагола; но разделяется: на прямое, возможное и желательное.“²

Отстаивая мысль о едином типе тюркского спряжения, А. Казембек отмечает, что первые грамматики „придумали два класса турецких глаголов, а, следовательно, и два спряжения. Более поздние довели число спряжений до десяти и даже до двенадцати.“³ В примечании он ссылается на сочинение французского тюрколога Вигье, где имеется двенадцать склонений и десять спряжений.“⁴

¹ И. Гиганов. Грамматика татарского языка. СПб., 1801 стр. 171.

² Там же, стр. 71—72.

³ А. Казембек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Изд. II. Казань, 1846, стр. 152.

⁴ Там же, стр. 153.

Н. Н. Ильминский отмечает, что „спряжение в турецко-татарском языке есть самая главная часть, в которой наречия этого языка грамматически отступают одно от другого.“¹

Тюркологи второй половины XIX и начала XX столетий, исследуя спряжение глагола в тюркских языках, приводят его парадигмы, сравнивают и сопоставляют их с соответствующими моделями языков других семей, глубоко интересуются происхождением отдельных форм.

О Бётлингк, В. В. Радлов, Ф. Е. Корш, П. М. Мелиоранский, Н. Ф. Қатанов, В. А. Богородицкий, В. А. Гордлевский и др. на большом фактическом материале различных тюркских языков вскрыли и показали грамматические категории глагола. Зарубежные лингвисты В. Шотт, А. Вамбери, Н. В. Банг, Ж. Дени, Ю. Немет, В. Прёле, К. Грёнбек, Г. И. Рамstedт, М. Рясенен и др. осветили ряд важных моментов тюркского спряжения. Общим для большинства тюркологов является признание именного характера тюркского спряжения.

Поссесивные формы имён *бала-м* „мой ребёнок“, *бала-нь* „твой ребёнок“, *бала-гъыз* „ваш ребёнок“, с одной стороны, глагольные формы *ал-ды-м* „я взял“, *ал-ды-нь* „ты взял“, *ал-ды-гъыз* „вы взяли“—с другой, оформлены одинаковыми аффиксами одного типа; предикативные же формы имён *адам-ма* „я (есть) человек“, *адам-са* „ты (есть) человек“, *адам-ды* „он (есть) человек“, *адамла-быз* „мы (есть) люди“, *адамла-сыз* „вы (есть) люди“, *адамла-дыла* „они (есть) люди“—с одной стороны, и глагольные формы *алгъан-ма* „я (уже) взял“, *алгъан-са* „ты (уже) взял“, *алгъан-ды* „он (уже) взял“, *алгъан-быз* „мы (уже) взяли“, *алгъан-сыз* „вы (уже) взяли“, *алгъан-дыла* „они (уже) взяли“—с другой, также оформлены одинаковыми аффиксами, но уже другого типа. Казалось бы, употребление однотипных аффиксов для имён и глаголов свидетельствует о единстве морфологической функции этих формантов. Но однотипность поссесивных аффиксов, присоединяемых к именам, и личных окончаний, присоединяемых к глаголу, является мнимой. Столь же мнимой оказывается и однотипность предикативных аффиксов, присоединяемых к именам, и соответствующих им личных показателей глаголов.

Принимая в расчет их функциональные признаки, лингвисты именуют эти аффиксы следующими терминами: „личные аффиксы“, „предикативные (или „лично-предикативные“)

¹ Н. Н. Ильминский. Материалы для джагатайского спряжения из Бабер-Намэ.—Уч. зап. Казанского ун-та. Казань, 1865, стр. 381.

аффиксы“, „притяжательные (или „поссесивные“) аффиксы“, „аффиксы сказуемости“, „аффиксы спряжения“; а принимая во внимание их структуру,—„аффиксы полного типа“, „аффиксы сокращённого типа“, „усечённые аффиксы лица“, „полные аффиксы лица“ и т. д. Например, П. М. Мелиоранский отмечает, как удачный, термин О. Бётлингга „предикативные местоимённые аффиксы“, ¹это: *-мин, -син, -дыр, -миз, -сиз, -дыр*. Аффиксы 1 и 2 лиц он возводит к личным местоимениям, а аффикс *-дыр*—к глагольному корню *тур*: „Окончания *-мин, -миз* и *-син, -сиз* суть не что иное, как личные местоимения, утратившие своё первоначальное самостоятельное значение и вместе с тем подчинившиеся закону сингармонизма, тогда как „*-дыр*“ или „*-ды*“ образовалось от корня „*тур*“—„стоять“.² Как видим, П. М. Мелиоранский, принимая термин О. Бётлингга „предикативные местоимённые аффиксы“, продолжает употребление термина „окончание“.

В. А. Богородицкий также употребляет термин „личные окончания“, ставя знак равенства между этими формантами в тюркских языках и соответствующими флексиями индоевропейских языков: „Спряжение в тюркских языках, как и в индоевропейских, заключается в присоединении к основе личных окончаний“.³ При этом он делит личные окончания на 2 типа: окончания настоящего-будущего времени, с одной стороны, окончания прошедшего времени и косвенных наклонений—с другой; окончания второго рода В. А. Богородицкий называет „личными притяжательными аффиксами“.⁴ Он признаёт „именное спряжение“: формы *укучы-мын, бай-мын* он считает формой спряжения имени.⁵

А. К. Боровков к именному спряжению относит предикативные формы имен, где „личные местоимения превращаются в предикативные *-ма, -ме, -са, -се...*“⁶

И. А. Батманов различает два типа показателей лица (он называет их и личными окончаниями, и аффиксами спряжения): 1) „полный, представляющий из себя незначительные отклонения от личных местоимений, из которых и возник сам этот тип аффиксов спряжения“; 2) „сокращён-

¹ П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. 1—2. Фонетика и этимология. СПб., 1894, стр. 44.

² Там же, стр. 45.

³ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд. II, Казань, 1953, стр. 170.

⁴ Там же, стр. 171.

⁵ Там же.

⁶ А. К. Боровков. Очерки карачаево-балкарской грамматики.— Языки Северного Кавказа и Дагестана. М.—Л., 1935, стр. 27.

ный тип, восходящий в значительной своей части к притяжательным аффиксам".¹

Об именованном характере спряжения на материале башкирского языка говорит и Н. К. Дмитриев: „Спряжение в башкирском языке (как и в других тюркских языках) носит ярко выраженный именной характер: формы лиц глагола характеризуются теми же аффиксами (формантами), которые образуют так называемую форму сказуемости 1-го, 2-го, 3-го лица обоих чисел от любого имени“.²

Подобное понимание спряжения разделяется и оправдывается Н. К. Дмитриевым потому, что „формальное... различие между „спряжением имен“ (форма сказуемости) и спряжением собственно глагола довольно незначительно, и с этой стороны грамматики тюркских языков по-своему правы, когда они употребляют обозначения: „форма сказуемости“ и „категория сказуемости“ (вообще), а не „форма сказуемости имен“ и „категория сказуемости имен“. Н. К. Дмитриев здесь, повидимому, проводит параллель между глагольным и именным спряжением, с одной стороны, и между грамматической категорией спряжения и синтаксической категорией предикативности—с другой.

Н. А. Баскаков в термин „спряжение“ вкладывает широкое понятие, вытекающее из форм словоизменения и функций глагольных и неглагольных слов: „Система спряжения в тюркских языках представляет собой систему словоизменения не только глагола, как это принято в обычных описательных грамматиках, но всех других частей речи в соответствующих формах словоизменения“.⁴

Двойственный характер „общих“ категорий для имен и глаголов отмечается в работах и других тюркологов. При этом пути развития этих категорий многими учеными исследовались в исторической перспективе. Например, у В. М. Насилова читаем: „Соотносимость глагола с субъектом способствовала образованию категории спряжения, где глагол слагается как *verbum finitum*. Мы называем это „категорией сказуемости“ и устанавливаем аналогию между выражением предикативности именными и глагольными категориями в их внешнем сходстве“.⁵ Отмечая внешнее сход-

¹ И. А. Батманов. Грамматика киргизского языка, вып. 3. Фрунзе, 1940, стр. 14.

² Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 137—138.

³ Там же, стр. 138.

⁴ Н. А. Баскаков. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы.—ИСГТЯ, М., 1956, стр. 263.

⁵ В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960,

ство“ предикативных форм имен и глаголов, В. М. Насилов подчеркивает и то, что их разделяет, т. е.: категории времени, наклонения, залога, свойственные только глаголу, и категорию принадлежности, свойственную только имени.

В предикативной позиции категория лица глагола и имени сливаются в единую функционально-синтаксическую категорию предикативности. А. Н. Кононов по этому поводу пишет следующее: „Категория лица выражается с помощью особых личных аффиксов, которые в единой форме обозначают субъект и предикат; в силу этого категория лица неотделима от категории сказуемости“.¹ В зависимости от вида спряжения, он для формантов лица употребляет разные термины. В системе личных аффиксов А. Н. Кононов усматривает следующие разновидности: а) аффиксы, общие для имён и глаголов— „местоименные личные аффиксы“; б) аффиксы, свойственные только глаголу— „притяжательные личные аффиксы“; в) аффиксы 1 л. желательного наклонения (-ай)-й+показатель лица, -ай(-й+лик)².

А. А. Юлдашев также усматривает три разновидности в выражении категории лица: 1) аффиксы сказуемости; 2) аффиксы притяжательности; 3) специальные аффиксы, обозначающие одновременно и данную категорию и категорию определенного наклонения.³ Он тем не менее приходит к мысли о том, что „в глаголе аффиксы, различающие лицо, несмотря на свою внешнюю разновидность, унифицированы и переосмыслены именно как выразители категории лица (и аффиксы принадлежности, и аффиксы сказуемости выражают здесь одну и ту же категорию и в этом смысле совершенно равнозначны), тогда как в именах, помимо категории лица, они выражают также и другие категории, как принадлежность, предикативность, из которых на первом плане находится отнюдь не значение лица“.⁴

Аналогичные высказывания об именной природе спряжения глагола в тюркских языках, разумеется, отнюдь не исчерпываются приведенными нами данными. Однако в этой связи нам представляется не лишним уточнить ряд аспектов, касающихся существа спряжения вообще, спряжения глагола—в частности. Это—1) категории, общие для имен и

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 203.

² Там же, стр. 203.

³ А. А. Юлдашев. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958, стр. 117.

⁴ Там же, стр. 118—119.

глаголов; 2) сущность так называемого „именного спряжения“; 3) сущность и категории глагольного спряжения; 4) терминология, связанная с спряжением вообще.

1. Общая для имен и глаголов категория предикативности выражается аффиксами лица. Например:

Глаголы:

1. алгъан- <i>ма</i> „я брал“	алгъан- <i>быз</i> „мы брали“
2. алгъан- <i>са</i> „ты брал“	алгъан- <i>сыз</i> „вы брали“
3. алгъан- <i>ды</i> „он брал“	алгъан- <i>дыла</i> „они брали“

Имена:

1. адам- <i>ма</i> „я (есть) человек“	адам- <i>быз</i> „мы (есть) люди“
2. адам- <i>са</i> „ты (есть) человек“	адам- <i>сыз</i> „вы (есть) люди“
3. адам- <i>ды</i> „он (есть) человек“	адам- <i>дыла</i> „они (есть) люди“

(Здесь и далее дается один вариант вместо двух вариантов 1 и 2 л. ед. ч. *-ма* || *-ме*, *-са* || *-се* и 4-х вариантов остальных форм лица *-ды* || *-ди* || *-ду* || *-дю* и т. д.).

Здесь глагол и имя оформлены совершенно одинаковыми формантами, тождественными звуковыми комплексами. В этих примерах глагольная и именная основы оформлены полным типом аффиксов.

Другой тип личных аффиксов, т. е. усеченные аффиксы лица, также одинаково обслуживают имена и некоторые глагольные формы. Например:

Имя:

1. ата- <i>м</i> „мой отец“	ата- <i>быз</i> „наш отец“
2. ата- <i>нъ</i> „твой отец“	ата- <i>гъыз</i> „ваш отец“
3. ата- <i>сы</i> „его отец“	ата- <i>лары</i> „их отец“

Глагол:

1. ат- <i>ды-м</i> „я выстрелил“	ат- <i>ды-къ</i> „мы выстрелили“
2. ат- <i>ды-нъ</i> „ты выстрелил“	ат- <i>ды-гъыз</i> „вы выстрелили“
3. ат- <i>ды</i> „он выстрелил“	ат- <i>ды-ла</i> „они выстрелили“

Как видим, оформление 3 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч. у имен и глаголов в приведенных парадигмах совершенно различно, что свидетельствует о различной природе данных аффиксов.

Помимо этих аффиксов, к имени никогда не присоединяется и такой показатель лица в глаголе, как *-сын || -сун || -син || -сюн*.

Кроме лица и числа, имена и глаголы общих категорий не имеют.

Именное спряжение поэтому представляет словоизменение именных основ с помощью лица.

Именные основы, оформленные показателями лица, синтаксически обусловлены. В одном случае это—имена в позиции сказуемого. Они всегда оформляются предикативными аффиксами (аффиксами полного типа), всегда „личны“, т. е. связаны с конкретным субъектом. Именной предикат выражает свойства субъекта в плане настоящего длительного времени: *Мен ишчиме*. „Я рабочий“. *Сен чалкычыларыбызданса*. „Ты (есть) из наших косарей“. Отнесение именного предиката в план прошедшего или будущего времени выражается соответствующими формами вспомогательных глаголов *бол-* и *э-*. В некоторых случаях такое отнесение подсказывается контекстом: *Тамбла аны джеталсань, джигитсе*. „Если завтра ты сможешь его догнать, то ты джигит“.

Аффиксы лица, тесно связанные с категориями времени и наклонения в глагольных формах, не имеют этой связи в предикативных формах имени. В отличие от многих тюркских языков (например, татарского, туркменского, кумыкского и др.), в карачаево-балкарском языке 3 л. ед. и мн. ч. всегда оформляется аффиксом *-ды* (<турур): *ол темирчиди* „он есть кузнец“. *Хасан алкын джашды*. „Хасан еще молод“. Исклучение составляет незначительная часть пословиц, поговорок и афористических выражений, представляющих в большинстве своем эллиптические конструкции.

Показатели лица, сочетаясь с именными формами, выражают притяжательные (или possessивные) отношения. Притяжательная форма имен указывает на отношения принадлежности в пределах одной именной лексемы, которая может быть любым членом предложения и сочетаться с аффиксами именного словоизменения и словообразования. Синтаксическая обусловленность притяжательных форм выражается наличием или предполагаемым определением, выраженным именем в родительном падеже. *Мени китабым* „моя книга“; *совхозну мюлкю* „хозяйство совхоза“.

Основная цель данной работы—описание системы спряжения глагола карачаево-балкарского языка.

Исходный материал для спряжения, т. е. исходные основы в карачаево-балкарском языке представляют богатую систему форм, „разных по структуре—от кратчайших форм 2 л. ед. ч. повелительного наклонения до производных форм причастий, деепричастий, основ с *-rɣʒa* || *-rɣe*, глагольно-именных конструкций“.¹

В связи с именным спряжением следует выяснить сущность глагольного спряжения.

Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке представляет присоединение аффиксов формообразования (приметы наклонений и времен) и словоизменения (приметы лица и числа) к основе глагола. Особенностью глагольной основы, сочетающейся при спряжении с аффиксами лица, является ее производный характер. Если именные основы представляют собой для словоизменения вполне „готовый материал“ с четко выраженным семантико-функциональным содержанием, то глагольные основы, не осложненные специальными аффиксами, представляют для него лишь исходный материал. Это является результатом того, что в отличие от именных основ, собственной сущностью выражающих конкретное значение предмета, понятия или качества, глагольные основы вне словоизменения не бытуют в языке. Для выражения идеи действия и соотнесения его с субъектом, т. е. для выражения субъектно-предикативных отношений, морфологическое оформление для глагольной основы совершенно необходимо. Это отмечено А. А. Юлдашевым: „Своеобразие глагольного корня заключается в том, что он не может стоять вне условий словоизменения, не имеет значения самостоятельного слова, никогда не равняется слову, хотя исторически каждый глагольный корень и представляет собой, как правило, самостоятельное слово. Правда, во 2 л. ед. ч. повелительного наклонения границы корня и слова совпадают. Но это совпадение по существу является омографическим“.² И далее: „Для обозначения единичного конкретного действия общий типовой вид глагола может быть использован только после соответствующего дополнительного уточнения, вносимого спряжением, вне которого основа глагола в системе языка существует только теоретически“.³

¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II, ч. I. М., 1952, стр. 424.

² А. А. Юлдашев. Система ..., стр. 37.

³ Там же, стр. 115.

Синтаксические функции глагола и формы его словоизменения взаимосвязаны и взаимообусловлены. Только морфологически оформленная соответствующим образом глагольная основа получает возможность выражения синтаксических отношений. Личные формы глагола Н. А. Баскаков называет неизолированными функциональными формами.¹ Таким образом, глагольная основа без показателей спряжения выражает самую общую, абстрактную идею действия или состояния.² Исключение в этом отношении составляет основа 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения, формально совпадающая с первичной основой глагола. Спряжение, следовательно, придает глаголу морфологически завершённую форму, выражающую субъектно-предикативные отношения.

В понятие „словоизменение глагола“, или „спряжение“, разные ученые вкладывают разное содержание. Различие взглядов на спряжение проистекает из различной оценки словообразовательных и формообразующих морфем в составе глагольной основы, точнее, из ответов на вопросы о том, что относить конкретно к глагольному словоизменению, с какими категориями связано его спряжение.

Большинство тюркологов обычно связывает спряжение с четырьмя категориями: лица, числа, наклонения и времени.

Н. К. Дмитриев пишет: „Общая схема словоизменения башкирского глагола, или словоизменение, слагается из следующих величин, которые мы перечисляем в нисходящем порядке, идя от категорий более широкого объема к категориям более узкого объема: наклонение, время, лицо, число“.³ Кроме указанных категорий, он предлагает ввести в спряжение аспекты глагола, „игнорируемые грамматистами“;⁴ это — аспекты положительный, отрицательный, возможности и невозможности.

Другие тюркологи понимают спряжение еще шире, соотнося его даже с категорией падежа. У Н. П. Дыренковой читаем: „Глагол изменяется по лицам, числам, временам и наклонениям, а в форме причастия (т. е. именно-глагольной форме) изменяется и по падежам (т. е. склоняется)“.⁵ На

¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, ч. 1, т. II. М., стр. 414.

² См. Грамматика русского языка, т. 1, М., 1952, стр. 409: „При изложении системы глагола достаточно указать, что глагол выражает действие, не повторяя каждый раз „и состояние“.

³ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 135.

⁴ Там же.

⁵ Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948, стр. 167.

наш взгляд, спряжение и склонение противопоставлены друг другу как разные системы словоизменения: спряжение—как система словоизменения глагола, а склонение—как система словоизменения именных форм. Что касается изменения „именно-глагольных форм“ (причастий) по падежам, то мы имеем дело с субстантивацией причастий, когда причастие не только функционально выступает в роли имени, но и приобретает многие формы его словоизменения. Например, возьмем причастие *алгъан* „взявший“, „бравший“, „взятый“ в позиции определения; в случае его субстантивации оно может изменяться и по падежам: *алгъанны*—род. п., *алгъанньа*—дат. п., *алгъандан*—исх. п. и т. д. и сочетаться с аффиксами принадлежности: *алгъаным* „моё взятие“, „мною взятое“; *алгъанларына* „их взятию“, „их взятиям“, „его взятиям“ (букв. „тем, которые он взял“).

В некоторых работах, посвященных спряжению глагола в тюркских языках, к сфере спряжения отнесены и словообразовательные категории—категории залога и вида. „Спряжение башкирского глагола,—пишет А. А. Юлдашев,—равно как и в других тюркских языках, выражается в осложнении общего типового вида глагола основы показателями грамматических категорий, присущих только глаголу, и категории лица“.¹ Он эти категории делит на 2 группы: 1) категории, общие для всей системы глагола—категории залога, отрицания и модальности; 2) категории, свойственные только личным формам глагола—категории времени и склонения.² (См. рецензию Н. А. Баскакова на книгу А. А. Юлдашева „Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке“. ВЯ., № 4, 1959 г.).

В. Г. Гафаров в систему спряжения вводит, помимо основных 4-х категорий—наклонения, времени, лица и числа,—залог, вид, аспекты и вопросительную форму.³

В затронутом вопросе в отношении категорий залога и вида интересно мнение таких тюркологов, как Н. К. Дмитриев и Н. А. Баскаков. „Глагол в башкирском языке изменяется по следующим категориям: наклонение, время, лицо и число. Все эти категории относятся к словоизменению глаголов. Категории видов и залогов в башкирском языке (да и вообще в тюркских) должны быть отнесены к отделу словообразования“,⁴—находим у Н. К. Дмитриева.

¹ А. А. Юлдашев. Система ..., стр. 115.

² Там же.

³ В. Г. Гафаров. Система спряжения в гагаузском языке. А. к. д. М., 1955.

⁴ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 132.

Аналогично высказался в отношении категорий залога и вида и Н. А. Баскаков.¹

Относительно форм отрицания (у А. А. Юлдашева — „категория отрицания“), вопросительной, возможности-невозможности (у Н. К. Дмитриева, у А. Н. Кононова и некоторых др. — „аспекты“) следует сказать, что они пронизывают всю систему глагольного спряжения. Авторы во многих случаях о их наличии и непреходящем присутствии в системе спряжения в теоретической части своих работ обычно не упоминают („игнорируют их“, как заметил Н. К. Дмитриев). Последнее особенно касается вопросительной формы. Практически же без этих форм не обходятся парадигмы спряжения.

Итак, в тюркологической литературе спряжение глагола предстает как обширная система словоизменения, связанная с различными грамматическими категориями (наклонения, времени, лица, числа) и формами (отрицания, возможности-невозможности, вопросительной).

Аналогичных взглядов на спряжение придерживается и В. В. Виноградов: „Все формы лица, числа, времени и наклонения какого-нибудь глагола являются формами спряжения одного глагола“.² И в другом месте: „С системой спряжения связаны все основные категории глагола — категории лица, числа..., времени, наклонения, вида и залога“.³ Этот же взгляд на спряжение отражен в грамматике русского языка: „В систему изменения глаголов входят изменения по наклонениям, а внутри наклонений — изменения по временам (в изъявительном наклонении), по лицам (в изъявительном наклонении и частью — в повелительном наклонении) и по числам“. И далее: „Формы наклонения, времени, лица и числа, взятые вместе, образуют спряжение глагола“.⁴ Следовательно, содержание и специфика глагольной основы более чётко проявляются в спряжении, основные категории глагола, выражающие его сущность, связаны с спряжением.

Компоненты производной глагольной основы в карачаево-балкарском языке сочетаются в строгой морфологической последовательности, подчиняясь фонетическим закономерностям. Таким образом, спряжение как бы цементирует эти компоненты в единое целое.

¹ Н. А. Баскаков. Рецензия на книгу А. А. Юлдашева. Система словообразования и спряжение глагола в башкирском языке. М., 1958.—ВЯ, № 4, 1959.

² В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М. 1947, стр. 428.

³ Там же, стр. 452.

⁴ Грамматика русского языка. М., 1960, стр. 463.

Однако, по мнению некоторых тюркологов, не все категории глагольного спряжения равноценны. Иногда в конкретных формах спряжения проявляются только основные глагольи е категории, и даже лишь одна из них — категория лица. В силу этого некоторые авторы сводят спряжение к изменению формантов лица при основе. „Спряжение в тюркских языках, — писал, например, В. А. Богородицкий, — как и в индоевропейских, состоит в присоединении к основе личных окончаний“.¹ В „Грамматике современного турецкого литературного языка“ А. Н. Кононова читаем: „Изменение по лицам и числам, т. е. спряжение, имён и глагольных форм происходит с помощью личных аффиксов 1-го, 2-го, 3-го лица ед. и мн. числа“.² Спряжение он относит к сфере формообразования глагола, наряду с залогом, видами, модальными и неличными формами“.³ В. И. Филоненко также считает, что „спряжение происходит при помощи аффиксов притяжательных и аффиксов предикативных...“⁴

Оригинально в этой связи мнение Н. А. Баскакова в отношении спряжения как на субъектно-предикативную связь, выраженную формой лица: „Спряжение, как система изменения слов, является формой выражения синтаксической связи субъекта или подлежащего, с одной стороны, и предиката или сказуемого, с другой, т. е. субъектно-предикативной связи, которая выражается в согласовании того и другого главных членов предложения в лице“.⁵ Здесь спрягаемая форма оценена с точки зрения ее синтаксической функции, а из категорий спряжения выделена категория лица как самая основная категория в этом отношении.

Итак, на спряжение в тюркских языках существуют различные точки зрения, которые можно свести к следующему:

- 1) система спряжения в тюркских языках охватывает в равной мере именные и глагольные формы, следовательно, именное спряжение является, наряду с глагольным, формой спряжения имени;

¹ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд. II, Казань, 1953, стр. 170.

² А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 218.

³ Там же, стр. 190.

⁴ В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940, стр. 58.

⁵ Н. А. Баскаков. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. ИСГТЯ, ч. II, 1956, стр. 263.

- 2) спряжение представляет собой словоизменение глагола в формах его основных категорий;
- 3) спряжение охватывает все основные категории глагола — наклонения, времена, лица, числа (некоторые авторы включают сюда же залого, виды, модальность), а также аспекты (положительный, отрицательный, возможности и невозможности) и вопросительную форму;
- 4) спряжение представляет собой изменение глагола по лицам;
- 5) спряжение выражает субъектно-предикативные отношения в форме лица;
- 6) спряжение представляет единый тип словоизменения;
- 7) существуют разные типы спряжения.¹

Различие точек зрения на спряжение, с одной стороны, несомненно является следствием сложности самой системы спряжения в тюркских языках, а с другой — различием подхода ученых к категориям глагола. Однако при наличии различных взглядов на спряжение, всех авторов объединяет признание того, что спряжение представляет собою систему словоизменения, которая неразрывно связана с категорией лица.

Глагольная лексема в личной форме, как правило, состоит из двух частей: 1) основа,² 2) аффиксы лица (и числа). В целях наглядности обратимся к схеме:

Наклонения	О с н о в а					Спрягаемая часть
	Корень	Словообразоват. форманты	Формы отриц. возможн. и невозможн.	Форманты пакл. и вр.	Вопр. форма	Форманты лица и числа
Повелит.	джаз	дыр	ма	—	—	гъыз
Изъявит.	джаз	дыр	ал-ма	гъан	мы	сыз
Условн.	джаз	дыр	ал-ма	са	—	гъыз-мы
Желат.	джаз	дыр	ма	й	—	ык ь-мы

¹ В. А. Богородицкий. Введение..., стр. 172. А. А. Юлдашев. Система..., стр. 121.

«Основой» здесь и далее мы называем спрягаемую (т. е. сочетающуюся с аффиксами лица) основу глагола, что следует отличать от утвердившихся понятий «глагольная основа» (противопоставляемая «именной основе»), «производная основа» (противопоставляемая «первичной основе»). Так, в слове «башлатмагъанма» «я не понудил пачать» баш- первичная основа, баш+ла и баш+ла+т—производные глагольные основы, баш-ла-т-ма-гъан—спрягаемая основа, для краткости именуемая нами «основой».

Из этой схемы видно, что, с одной стороны, спряжение базируется на определенном готовом материале, на глагольной основе, являющейся исходным материалом для спряжения. Сюда входит первичный глагольный корень, осложнённый аффиксами залога (или без них в прямом, основном залоге) или производная глагольная основа, представляющая сочетание: неглагольная основа+глаголообразующий формант+залоговый показатель (в форме прямого залога—без него). Это неизменяемая, наиболее стабильная часть основы. Далее следует более подвижная часть основы, включающая 2 группы формантов: 1) форманты основных категорий глагола—наклонения и времени; 2) аффиксы форм глагола—отрицательной, возможности, невозможности и вопросительной. Наконец, глагольная лексема заключается формантами спряжения—лица (и числа).

В итоге—такая последовательность морфем глагольной лексемы: корень+глаголообразующий формант+показатель залога+показатель формы возможности+показатель формы отрицания+показатель наклонения или времени+показатель лица+показатель числа+показатель вопросительной формы.

Примечание. 1. В карачаево-балкарском языке вопросительная форма представлена частицей *-мы* || *-му* || *-ми* || *-мю*; в большинстве случаев этот формант ставится в конце глагольной основы: *алайыкъмы?* „взять ли нам?“; *алсаммы?* „если взять мне, то... что?“; *аламамы?* „беру ли я?“; *алдынъмы?* „взял ли ты?“; *алаллыкъбызмы?* „сможем ли мы взять (братъ)? и т. д.; однако в изъявительном наклонении во 2 и 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени, прошедшего времени на *-гъан*, будущего времени на *-ар* || *-ыр* и *-лыкъ* || *рыкъ* || *-ныкъ* (в отрицательной форме на *-мазыкъ* || *-мезлик*) вопросительная частица ставится перед аффиксом лица: *барамыса?* „поедешь ли?“; *барамыды?*, *баргъанмысыз?*, *барлыкъмыдыла?*¹ и т. д. (в других тюркских языках в большинстве случаев употребляются соответственно „барсамы?“ , „келгенсеми?“).

2. Форма *-лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ* в отрицательной форме чаще употребляется с отрицательной частицей *тюл* || *түйюл*-.: *барлыкъ түйюлма* „я не пойду“.

Эта схема дает возможность сделать следующие предварительные замечания. 1. Об основе:

¹ Ср. Э. Н. Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1960. стр. 54.

а) основа представляет собою сформированный в сфере словообразования компонент спрягаемой глагольной лексемы;

б) основа—неизменяемая при спряжении часть глагольной лексемы;

в) основа вне спряжения не реализуется в языке (исключая форму 2 л. ед. ч. повелительного наклонения);

г) специальными формантами выражаются только условное и желательное наклонения; специальные форманты времени употребительны только в изъявительном наклонении (и в составных формах условного наклонения с „эсе“);

д) форманты отрицания, возможности, невозможности и вопроса в соответствии с собственной семантикой не влияют на спряжение и включаются в состав не всякой спрягаемой основы; из них только отрицательная частица *-ма* || *-ме* присоединяется ко всем спрягаемым формам, остальные же—главным образом к формам изъявительного и отчасти условного наклонений.

2) О спрягаемой части:

а) спрягаемая часть глагольной лексемы—форманты лица и числа;

б) специальными показателями оформляются 1 и 2 л.;

в) показатель числа *-ла* || *-ме* употребителен только в 3 л. мн. ч., в остальных случаях категория числа выражается показателем лица (нулевым или материальным).

3. Для спрягаемой глагольной формы совершенно обязательно наличие одного из 3-х показателей: или показателя лица, или показателя наклонения, или показателя времени; возможно наличие двух показателей: наклонения и лица или времени и лица, но совершенно невозможно наличие всех трех указанных формантов вместе. Таким образом, спрягаемая глагольная форма всегда имеет формант лица.

Итак, под спряжением мы понимаем словоизменение глагола в лице и числе, неразрывно связанное с проявлением категорий наклонения и времени и выражающее субъектно-предикативные отношения.

В этой связи следовало бы упомянуть о бытующем в литературе термине—„положительная форма“, „утвердительная форма“, „аспект положительный“, коррелирующий понятию отрицания. Формы, собственно, такой нет (аналогично положительной степени сравнения у прилагательных и наречий многих языков в сопоставлении с другими степенями); она, как исходная форма, не выражена грамматически, и подобная исходная нулевая форма выявляется лексически при наличии своего антонима—отрицательной формы, про-

являемой материально—аффиксом—частицей *-ма* || *ме*. Другой термин—„аспект невозможности“, „форма невозможности“—представляет сложную форму сочетания аффикса возможности с отрицанием *-ал+ма-*, выражающих отрицание возможности идеи основы, т. е. возможность в отрицательной форме. Здесь закономерна грамматическая корреляция форм возможности *-ал-* и невозможности *-ал+ма-*.

Сложный аффикс *-ал+ма-* широко распространен в карачаево-балкарском языке, и *-ал-ма* в современном языке воспринимается как единый компактный формант. Поэтому термин „форма невозможности“ вполне соответствует своему назначению в спряжении глагола.

Наряду с категорией лица, существенную роль в спряжении играют наклонение и время.

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА

I. Категория лица и числа

1. Лицо

Категория лица выражает отношение субъекта к действию. Личные формы глагола всегда указывают на лицо субъекта. Поэтому всякая такая форма в плане синтаксиса является всегда полным личным предложением. „Личные формы (*verbum finitum*) глагола те, которые изменяются по лицам, значит, все формы изъявительного, желательного, условного и повелительного наклонений. (Отсюда, спряжение имеет дело в основном только с личными формами, ибо безличные почти не употребляются в других глагольных категориях, кроме категории времени.)“,—пишет Н. К. Дмитриев.¹ Здесь подчеркнуто, что: 1) все формы наклонений личны, 2) спрягаемые глаголы—это личные формы. „Наклонение и время... в полной мере,—пишет Н. А. Баскаков,—вскрываются только в связи с категорией лица, т. е. в сфере словоизменения“.²

В карачаево-балкарском языке личная форма глагола непременно обусловлена проявлением категории наклонения: последняя выражается грамматически (условное и желательное наклонения), лексически (повелительное наклонение) и синкретически (т. е. в формантах времен—изъявительное наклонение).

Некоторые тюркологи рассматривают личные формы в синтаксическом плане и расценивают их в качестве показа-

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 134.

² Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II, стр. 414.

телей логической законченности предложения. У финского тюрколога Г. И. Рамстедта читаем: „Глагольные формы, выражающие понятие лица („я“, „ты“, „он“ и т. д.), в индоевропейских языках именуются личными формами (*verba finita*). В алтайских же языках это определение, в широком смысле слова, может быть применено ко всем тем глагольным формам, которые указывают на законченность предложения“.¹ В своих примечаниях к книге Г. И. Рамстедта Н. А. Баскаков уточняет: „Термин *verba finita*... может быть использован только для названия глагольных форм, которые указывают на законченность предложения“.²

Мнению Г. И. Рамстедта о личных формах по сути аналогичны высказывания о том, что „лицо в тюркских языках — категория, синтаксически обусловленная“³, что „...исходной синтаксической позицией глагола является сказуемое“,⁴ что „глагол — всегда сказуемое“.⁶

Однако следует помнить, что лицо в первую очередь — морфологическая категория и что „категория лица из всех категорий, свойственных только личным формам, является обязательной для любого построения личного глагола“.⁶

Разумеется, личные формы глагола функционально ни в какой другой позиции не выступают, кроме как в позиции сказуемого. И поэтому личные показатели выражают синтаксическую связь предиката с субъектом.⁷ Но личные формы глагола — это прежде всего формы его спряжения, т. е. словоизменения. Здесь нельзя не упомянуть о безличных глаголах; противостоящих личным формам. Утвердившееся в тюркологии мнение об отсутствии безличных глаголов справедливо лишь в отношении их грамматической формы, но не их семантики. А. А. Юлдашев, отмечая ограниченную изменяемость некоторых глаголов в лице (напр., ёшёттёрэ „мерзнуть“), не называет их безличными, хотя и говорит, что это — „неизвестно кем совершенное действие“.⁸ Субъект в карачаево-балкарском языке в подобных глагольных кон-

¹ Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание, М., 1957 стр. 81.

² Там же, стр. 23, примеч. 79.

³ А. А. Юлдашев. Система ..., стр. 112.

⁴ П. И. Кузнецов. Происхождение прошедшего времени на *ды* и имени действия в тюркских языках. — Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика, М., 1960, стр. 54.

⁵ Н. Т. Сауранбаев. О категории лица повелительного наклонения. Изв. АН Каз. ССР, вып. 1—2. Алма-Ата, 1954, стр. 81.

⁶ А. А. Юлдашев. Система ..., стр. 117.

⁷ Н. А. Баскаков. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. — ИСГТЯ, ч. II, М., 1956, стр. 26.

⁸ А. А. Юлдашев. Система ..., стр. 119.

струкциях, будучи грамматически выраженным (3 л. ед. ч.), семантически „обезличен“. Вероятно, в прошлом во всех подобных конструкциях грамматический субъект являлся отражением логического субъекта. Впоследствии модель с формантом лица сохранилась, а логический субъект исчез.

В карачаево-балкарском языке имеется немногочисленная группа безличных глаголов, обозначающих действия из области психики или явлений объективного мира; напр.: *кӟалтыратады* „знобит“, „трясет“; *кӟюдюреди* „палит“ (зноем); *сууукъдан кырады* „морозит“; *аязыгъанды* „прояснилось“ (о погоде) и т. д. Аналитические конструкции типа „*кетерге керекди*“ „нужно уйти“ („уехать“), „*этмей кӟояргъа джарарыкъ тӟююлдю*“ „нельзя не сделать“ лишены логического субъекта.

Безличные конструкции в карачаево-балкарском языке всегда оформлены в соответствии с моделями 3 л. ед. ч. Выражая непосредственные восприятия или представления говорящего, безличные глаголы реализуются в сфере изъявительного наклонения, чаще в плане настоящего—будущего времени, хотя встречаются и в формах других наклонений и времен. Например: *аязыгъан болур* „должно быть (вероятно), прояснилось“; *аязыса* „если прояснится“, *аязыгъай эди* „хотя бы прояснилось“; *аязысын* „да прояснится“ (желание, а не повеление). Безличные глаголы всегда имеют только форму 3 л. ед. ч., во всех прочих случаях те же основы дают только личные формы; формы 3 л. ед. ч., при наличии логического субъекта, также являются только личными: *кӟалтыратыйкъ* „потрясемте-ка“; *безгек кӟалтыратса...* „если затрясет лихорадка...“; *безгек кӟалтыратады* „трясет лихорадка“.

Личные аффиксы глагола по своей фонетической структуре делятся на полные и краткие:

Число	Лицо	Полные аффиксы	Краткие аффиксы
ед.	I	-ма -ме	-м -ым -ум -им = юм
	II	-са се	-нъ
	III	-ды -ду -ди дю	—
	I	-быз -буз -биз -бюз	-къ -к -ыкъ -укъ -ик -юк

Число	Лицо	Полные аффиксы	Краткие аффиксы
мн.	II	-сыз -суз -сиз -сюз	-гъыз -гъуз -гиз -гюз; ыгъыз -угъуз -игиз -югюз
	III	(-ды -ду -ди -ою)	(-дыла -дула -диле -дюле)

Полные аффиксы лица присоединяются к основам:

- 1) прошедшего неопределенного времени на *-гъан*;
- 2) всех форм настоящего времени (*-а || -е || й, -ыб || -б, -ыучу || -ыучан*);
- 3) будущего неопределенного (*-ар || -ыр*) и категорического (*-лыкъ || -рыкъ || -ныкъ*) времен.

Краткие аффиксы лица присоединяются к основам:

- 1) прошедшего категорического времени на *-ды*;
- 2) условного, желательного и повелительного наклонений.

Эти аффиксы присоединяются и к формам недостаточного глагола *э-—эди* (прошедшее категорическое время: *э+ди*), *эсе* (условное наклонение: *э+се*): *келген э-ди-м* „я приходил (тогда)“, *келген э-се-нь* „если ты пришел“.

Особенностью полных личных аффиксов карачаево-балкарского глагола является выпадение конечного „н“ в 1-м и 2-м л. ед. ч. Известно, что личные аффиксы 1-го и 2-го лица восходят соответственно к личным местоимениям *мен, сен*. Естественно предположить, что в карачаево-балкарском языке (как и в подавляющем большинстве тюркских языков) глагольные и именные основы прежде оформлялись полными формами *-ман || -мен, -сан || -сен*. Еще совсем недавно (в начале XX века) исследователи языка карачаевцев и балкарцев (В. Прёле, Н. А. Караулов) отмечали факультативное употребление *-ман || -мен, -сан || -сен*, и *-ма || ме, -са || се*. Позднейшие исследования подтвердили это. Например, Н. К. Дмитриев приводит пример „*мен чабакъчыман*“.¹ А. М. Аппаев приводит примеры из хуламо-безенгийского диалекта: „...*эмегенни алдаб келемен*“² „обманул я эмегена“; баксанского диалекта: *бермейсен* „ты не отдаешь“.

¹ Н. К. Дмитриев. К истории аффиксов сказуемости.—ИСГТЯ, ч. II, М., 1955, стр. 7—8.

² А. М. Аппаев. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960, стр. 33.

этемен „я делаю“, *ауруйман* „я болею“ и др.¹ Из уст стариков-карачаевцев иногда можно слышать: *джаздыргъанман* „попросил написать“; *келгенмисен?* „пришел ли ты?“.

В Балкарии чаще встречается форма *-ман* || *-мен*, особенно в языке старшего поколения. Эту форму можно встретить в фольклоре, отчасти в балкарской художественной литературе. Например: *Мен къарайман къая башы туурадан*. (МПА, 86). „Я смотрю с вершины скалы“.

В отличие от формы 1 л. ед. ч. с конечным *-н*, полные аффиксы 2 л. ед. ч. употребляются главным образом в форме *-са* || *-се* (т. е. без конечного *-н*).

В современном языке, особенно в художественной литературе, употребляются полные аффиксы 1-го и 2-го лица ед. ч. без конечного *-н*: *джазгъанма* „писал“ („записал“, „написал“ и т. д.), *аллыкъса* „возьмешь“, „получишь“ и т. д. Выпадение конечного *н* в этих случаях вытекает из общей закономерности неустойчивости сонорных *н, л, р*.² Слабой позицией этих сонорных в карачаево-балкарском языке является позиция перед согласными или позиция абсолютного конца: *илы(р)* „возьмет“; *бары(р)* „сходит“; *джазарла(р)* „напишут“; *ол* || „он“, „тот“; *о* || „тот“; *кё(л)-тюр-* „поднимать“, „поднять“, карач.-балк. *олтур-* || др. тюрк. яз. *отур-*..., „сесть“, „сидеть“, факультативно употребляется конечный *-н* во многих именных и глагольных формах; например: *дерици(н)* — послелог, соответствующий предлогу „до“; *башлагъынчы(н)* „прежде чем начать“ и т. д. В *-лар* || *-лер р* всегда вынадает перед согласными и в конце слова.

Личные аффиксы 1-го и 2-го лица мн. ч. наиболее полно соответствуют своим прототипам, личным местоимениям. Здесь аффиксы, в отличие от местоимений, подчинились законам гармонии гласных, в результате чего они употребляются в 4-х вариантах, каждый из которых обусловлен качеством последнего гласного спрягаемой основы: *ала-быз* „берем“, *алыр-быз* „(возможно) возьмем“; *солур-буз* „(возможно) отдохнем“; *бере-биз* „даем“; *берир-биз* „(возможно) дадим“; *кёрюр-бюз* „(возможно) увидим“; во 2 л. мн. ч. соответственно: *ала-сыз*, *алыр-сыз*, *солур-суз*, *бере-сиз*; *кёрюр-суз*. Начальный согласный аффикс 1 л. мн. ч. *-быз* || *-буз* || *-биз* || *-бюз* после глухих орфоэпически оглушается: *аллыкъбыз* произносится *аллыкъпыз*.

¹ А. М. Аппасв. Диалекты..., стр. 49

² Н. К. Дмитриев. Неустойчивое положение сонорных Л, Н, Р в тюркских языках.—ИСГТЯ, М., 1955, стр. 279—280.

В карачаево-балкарском языке спрягаемые основы, за исключением основ условного наклонения на *-са* || *-се*, будущего предположительного на *-ар* || *-ыр* и прошедшего категорического на *-ды*, в 3 л. ед. и мн. ч. оформляются показателем *-ды* || *-ду* || *-ди* || *-дю* (<туруп).

Наряду с оформленным 3-м лицом настоящего времени существует и неоформленное, употребление которого ограничено однако фольклором и предложениями, являющимися следствиями предшествующих действий; например: *Биреу къатын келтире, биреу атын ёлтюре* (параллельно с вариантом: *Биреу къатын келтирет, биреу атын ёлтюрет*), (Фольк.) „Один невесту привезет, другой коня своего загонит“, *Къайгы тьюб—тенъиз, таукел тьюб—къайыкъ* (вм.—*тенъизди, къайыкъды*). (Фольк.). (букв. „Дно горя—море, основа решительности—лодка“). „Горе—море, решимость—ладья“. *Суугъа кирсе минъ бола, суудан чыкъса бир бола* (вм. „*болады*“). „В воду—тысяча, из воды—один“ (загадка о конском хвосте). ...*Трезеден къарагъанымда, тутмакъли къораб, джасауай да ичине тенъереб тура* (вм. „*турады*“). (Х. Аппаев, 274) „Посмотрел я в окно—арестованных нет, а часовой (связанный) валяется внутри“.

Вероятно, отсутствие *-ды* в этих случаях может быть объяснено семантикой подобных конструкций, имеющих дуративное значение, а формант *-ды* указывает на настоящее время.

Относительно показателя 3 л. интересно мнение Н. К. Дмитриева: „В карачаево-балкарском, ногайском, казахском и др. языках этот аффикс, сохранившийся в форме *-ды* || *-ди* || *-ду* || *-дю*, является необходимым признаком 3 л. ед.ч.; в казанско-татарском и башкирском, как и в кумыкском, 3 л. ед. ч. сходно с основой времени, исторически деепричастием на *-а* || *-е* (после согласных) и *-и* (после гласных)“.¹

Таким образом, 3 л. ед. ч. в карачаево-балкарском языке, прежде не имевшее своего показателя, ныне в одних случаях остается неоформленным (т. е. имеет нулевой показатель), в других—получает показатель неличного происхождения *-ды* (туруп).

От показателя 3 л. *-ды* || *-ду* || *-ди* || *-дю* необходимо отличать омонимичный формант прошедшего категорического времени, который даже в форме 3 л. ни в коей мере не является личным показателем (в последнем случае показателем лица является нуль аффикса). Ср:

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка, М.—Л., 1910, стр. 94.

Формы с показателем 3 л. Формы с показателем прошедшего категорического времени

<i>баргъанды</i> „ходил ездил“	<i>бардым</i> „я ходил ездил“
<i>барады</i> „идет едет“	<i>бардынъ</i> „ты ” ” ”“
<i>бара турады</i> „идет едет“	<i>барды</i> „он ” ” ”“
(в момент речи или обычно)	<i>бардыкъ</i> „мы ходили ездили“
<i>барыбды</i> „он сходил съездил“	<i>бардыгъыз</i> „вы ходили ездили“
<i>бырыучуду</i> <i>барыучанды</i>	
„(обыкновенно) ходит ездит“	<i>бардыла</i> „они ходили ездили“
<i>барлыкъды</i> „(непременно) пойдет поедет“	

Происхождение кратких аффиксов лица еще недостаточно исследовано. По мнению Н. К. Дмитриева, аффиксы 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. „имеют отношение к личным местоимениям; однако эти местоимения отражены здесь в несколько ином виде, чем это наблюдается в категории сказуемости (в используемой нами терминологии—„полные аффиксы лица“—И. У.). Таким образом, *-ым* и т. д. восходят к „мен“ < „бен“ „я“ через какие-то посредствующие звенья, нам пока неизвестные, *-ынъ* и т. д. „сен“ „ты“, может быть через звено *-ен* (ср. якутское *эн* „ты“). Аффикс... *-ынъыз* и т. д. разлагается на *-ынъ* и т. д. (как во 2 л. ед. ч.) + *ыз* и т. д. (архаичный показатель множественности)“.¹ Н. К. Дмитриев считает идентичными карачаево-балкарского *-ыгъыз* с *-ынъыз* других тюркских языков.² Э. В. Севортян считает, что „все эти соображения“ уже высказывавшиеся в науке, остаются догадками и нуждаются в серьезном обосновании“.³

Труднее всего с генезисом показателя 1 л. мн. ч. *-ыкъ* || *-ик* || *-къ* || *к*, параллельно существующего с полными личными аффиксами *-быз* || *-биз*. Справедливо замечание Н. К. Дмитриева об отсутствии достоверных данных касательно происхождения форманта *-ыкъ* || *-къ* || *-к*.⁴

В отношении краткого аффикса 1 л. мн. ч. *-къ* || *к* Э. В. Севортян предполагает, что *-ыкъ* развилась из формы двой-

¹ Н. К. Дмитриев. Категория принадлежности.—ИСГТЯ, М., 1956, стр. 32.

² Там же.

³ Э. В. Севортян. Категория принадлежности.—ИСГТЯ, П. М., 1959, стр. 43.

⁴ Н. К. Дмитриев. К истории аффиксов сказуемости.—ИСГТЯ, П. М., 1956, стр. 12.

ственного числа *-ынъ* в хакасском (путем выделения *-к* из *-нъ*), т. е. переосмысление древней формы двойственного числа.¹

Н. А. Баскаков, на большом материале убедительно обосновав коренное различие между аффиксами принадлежности и краткими аффиксами лица, „которые... в историческом плане являются смежными и генетически общими формами“², устанавливает внутреннюю закономерность — „определенный процесс развития аффиксов лица от более полной их формы к более усеченным формам“³, поясняет „общую тенденцию фонетической редукции, ослабления и стирания звуков в аффиксах лица в тюркских языках и переход так называемых полных личных окончаний в усеченные“.⁴ В этой связи карачаево-балкарский язык, наряду с казахским, каракалпакским, ногайским, уйгурским и другими языками, относится к группе тюркских языков „с минимальным наличием усеченных аффиксов лица“.⁵

Аффикс 2 л. мн. ч. *-гъыз* || *-гъуз* || *-гиз* || *-гюз* сложился, вероятно, из форманта краткого аффикса 2 л. ед. ч. *-нъ* и архаичного показателя множественности *-ыз*. Это подтверждается тем, что во всех случаях, где в других тюркских языках нормативны формы „бардынъыз“, „келдинъыз“, „барынъыз“, „келинъыз“, „барсанъыз“, „келсенъыз“, в карачаево-балкарском соответствуют формы с *-гъыз*: *бардыгъыз*, *келдигиз*, *барыгъыз*, *келигиз*, *барсагъыз*, *келсегиз*.

3 л. оформляется нулевым показателем. Форма 3 л. мн. ч. непременно оформляется показателем множественности *-ла* || *-ле*: *ол барды* „он сходил“, *ала бардыла* „они ходили“; *ол барса* „если он пойдет“, *ала барсала* „если они пойдут“; *ол келди* „он пришел“, *ала ке идиле* „они пришли“; *ол келсе* „если он придет“, *ала келселе* „если они придут“.

Полные и краткие аффиксы лица различаются и по структуре, и по способу присоединения к основе. Полные аффиксы структурно представляют собою открытые (*-ма* || *ме*, *-са* || *се*, *-ды* || *ду* || *-ди* || *-дю*) или закрытые слогги (*-быз* || *-буз* || *-биз* || *-бюз*, *-сыз* || *-суз* || *-сиз* || *-сюз*). Они следуют за показателями времени *-ар* || *-ыр*, *-лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ*,

¹ Э. В. Севортян. Категория сказуемости.—ИСГТЯ, П, 1956, стр. 19.

² Н. А. Баскаков. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы, стр. 268.

³ Там же, стр. 270.

⁴ Там же, стр. 272.

⁵ Там же, стр. 270.

-а || -е || -й, -ыб || -б, -ыучу || -ыучан, -гъан || -ген или за вопросительной частицей -мы || -му || -ми || -мю, являющимися также закрытыми или открытыми слогами. В силу этого полные аффиксы лица присоединяются к основе без протетического гласного: алгъан-ма „взял“, ал-ыр-са „возьмешь“, ал-лыкъ-ды „возьмет“ и т. д.

Краткие аффиксы -м, -къ || к и -гъыз || -гъуз || -гиз || -гюз, в отличие от полных, к основам, оканчивающимся на согласный, присоединяются в протезированных узкими гласными вариантах: (-ым || -ум || -им || -юм, -ыкъ || -укъ || -ик || -юк, -ыгъыз || -угъуз || -игиз || -югюз: ал-ай-ым „возьму-ка“, солу-й-ум „отдохну-ка“, эт-ей-им „сделаю-ка“, джюлю-й-юм „побрею-ка“, ал-ай-ыкъ „возьмете-ка“, солу-й-укъ „отдохнете-ка“, эт-ей-ик „сделаете-ка“, джюлю-и-юк „побреете-ка“; ал-ыгъыз „берите“, тут-угъуз „держите“, эт-игиз „сделайте“, сюз-югюз „цедите“.

3 л. повелительного наклонения оформляется особыми аффиксами — -сын || -сун || -син || -сюн: барсын „пусть сходит“, билесин „пусть наточит“, сорсун „пусть спросит“, кюлсюн „пусть посмеется“.

2. Число

Категория числа непосредственно связана с категорией лица; она количественно определяет субъект действия. Идея единичности субъекта лица в глагольных формах выражается без особых показателей числа, т. е. личные аффиксы 1-го и 2-го лица ед. числа -ма || -ме, -м || -ым || -ум || -им || -юм, -са || се, -нъ, -сын || -сун || -син || -сюн, синкретически выражают и идею единичности. Идея множественности 1-го и 2-го лица выражается, аналогично с единственным числом, формами самих личных аффиксов -быз || -буз || -биз || -бюз, -къ || -к, -ыкъ || -укъ || -ик || -юк, -сыз || -суз || -сиз || -сюз, -гъыз || -гъуз || -гиз || -гюз, -ыгъыз || -угъуз || -игиз || -югюз. Иначе говоря: „В тех... формах, где аффиксы лица и числа исторически слиты в один, мы по существу, с точки зрения современного языка, имеем один показатель... однако иногда здесь возможно историческим путем произвести выделение составных частей (-ыгъыз || -егез -ыгъ || -ег+ -ыз || -из).¹ Архаичный показатель множественности -з || -ыз || -уз || из || -юз в карачаево-балкарском языке ныне не осознается как признак множественности.

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 133. См. также С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л. 1951, стр. 52; Г. И. Рамstedt. Введение... стр. 57—58.

Итак, личные показатели глаголов, за исключением показателей 3 л., могут быть охарактеризованы как лично-числовые показатели. В отличие от синкретичности выражения категорий лица и числа этими лично-числовыми показателями, в формах 3 лица идеи лица и числа выражаются аналитически, т. е. каждая из них—своим собственным аффиксом: идея лица аффиксом *-ды || -ду || -ди || -дю*; идея единственного числа—нулевым аффиксом, идея множественного числа—аффиксом *-ла || -ле*.¹

Оформление 3 л. глагола аффиксом множественного числа в карачаево-балкарском языке проводится более последовательно, чем в некоторых других тюркских языках (напр., киргизском, казахском и др). Аффикс мн. ч. *-ла || -ле* в карачаево-балкарском языке следует за: 1) аффиксами 3 л. (*-ды+ла, -ду+ла, -ди+ле, -дю+ле, -сын+ла, -сун+ла, -син+ле, -сюн+ле*); 2) формантами наклонения (*-са+ла, -се+ле*); 3) аффиксами времени (*-ды+ла, -ду+ла, -ди+ле, -дю+ле; -р+ла, -р+ле, -ар+ла, -ер+ле, -ыр+ла, -ур+ла, -ир+ле, -юр+ле*).

-ла || -ле, как и аффиксы лица (за исключением императива), никогда не присоединяются к исходной основе глагола. Аффикс *-ла || -ле* в глаголах присоединяется только к формам 3 л. Присоединение аффиксов множественного числа в глаголах после других формантов коренным образом отличает глаголы от имен, к которым аффикс множественного числа присоединяется непосредственно. Показатель множественности *-ла || -ле* в именных основах может агглютинироваться несколько раз в одном слове: *чал-кыбы-чы-лар-кыбыз-ныкы-ла -дан-ды-ла*. *Чалкычы* „косарь“, *чалкычыла* „косари“: *чалкычыла-рыбызыкы* „то, что принадлежит нашим косарям“; *чалкычыларыбызыкыла* „те

¹ В современном карачаево-балкарском языке употребление *-ла || -ле* является нормой в позиции перед согласными или абсолютного конца слова. По этому поводу Н. К. Дмитриев писал: „Гораздо реже встречаются трансформации конечного „р“ (в *-лар || -лер* И. У.), которые (очевидно, через ступень постепенной количественной редукции) доходят до полного выпадения этого звука. Это наблюдается полностью в карачаево-балкарском языке, где аффикс множественности звучит как *-ла || -ле*, например: *тау-ла* „горы“, *джер-ле* „земли“. (Н. К. Дмитриев. Категория числа. ИСГТЯ ч. II, 1956, стр. 65). „Р“ восстанавливается только в позиции перед гласным: *алгъанла* „взявшие“, но: *алгъанларыбыз* „взятые нами“. В личных формах глагола *-ла || -ле*—всегда замыкающий формант; правда, в вопросительной форме (единственный случай) *-ла || -ле* факультативно может оказаться в позиции предпоследнего форманта перед согласным: *барамдыла* „барамыла?“ „идут ли они?“ *барадыламы?* „(ты сказал, что) они идут?“ Таким образом, никогда „Р“ в личных формах глагола не восстанавливается.

что принадлежат нашим косарям“; *чалкычыларыбызныкыладанды* „оно из тех, что принадлежат нашим косарям“; *чалкычыларыбызныкыладандыла* „они из тех, что принадлежат нашим косарям“. В глагольной основе возможен только один показатель числа, как и лица, помещаемый в спрягаемой части основы, что также относится к специфике глагольного словоизменения.

II Категория наклонения.

Категория наклонения в карачаево-балкарском языке, как и в других языках, „выражает устанавливаемое говорящим лицом отношение действия к действительности“. (Грамматика русского языка, стр. 473). Аналогичная трактовка категории наклонения встречается в трудах многих языковедов.¹

Почти единодушные в определении категорий наклонения, грамматисты существенно расходятся в вопросе о выделении конкретных наклонений в тюркских языках.

Все авторы тюркских грамматик согласны друг с другом относительно наличия 3-х наклонений: изъявительного, повелительного, условного: их разногласия касаются желательного, „долженствовательного наклонения“, „наклонения намерения“, „неопределенного“, „согласительного“ и „предельного“ наклонений. Взгляды тюркологов касательно выделения наклонений в конкретных языках можно свести к двум направлениям: 1) семантическому и 2) семантико-генетическому. Первое устанавливает границы между наклонениями, исходя из значения их грамматических форм. Сторонники этой точки зрения обычно выделяют 4—6 наклонений: изъявительное, повелительное, условное, желательное, долженствовательное (Н. К. Дмитриев² в башкирском—5, А. Н. Кононов³ в турецком—5, А. А. Юлдашев⁴ в башкирском—6, Н. Т. Сауранбаев⁵ в казахском—4 и т. д.) При этом в одном и том же языке один автор выделяет одни наклонения другой автор—другие. Например, для башкирского языка

¹ В. В. Виноградов. Русск. яз., 581; Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка,—132. А. Н. Кононов. Грамм. совр. тур. лит. яз. стр. 218; Г. Д. Санжеев. Наклонение в монгольских языках. В сб. „Вопросы грамматики...“, стр. 17; Ф. Г. Исаков, А. А. Пальмбах. Гр. тувинск. яз. М., 1961. стр. 364.

² Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 132.
³ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. М.—Л., 1956 218.

⁴ А. А. Юлдашев. Система..., раздел о спряжении.

⁵ Н. Т. Сауранбаев. Указ. соч., стр. 5.

Н. К. Дмитриев указывает следующие наклонения: изъявительное, условное, желательное, повелительное и инфинитив; А. А. Юлдашев в том же языке находит, помимо указанных Н. К. Дмитриевым первых четырех, долженствовательное и наклонение намерения. А. А. Юлдашев башкирский инфинитив не трактует как наклонение, в свою очередь, Н. К. Дмитриев не выделяет желательного наклонения.

Иногда один и тот же автор в разных языках выделяет различные наклонения. Так, А. Н. Кононов в турецком языке выделяет повелительное, изъявительное, условное, долженствовательное и желательное наклонения,¹ а в узбекском—повелительное, изъявительное, условное и желательное наклонения.² Ф. Г. Исхаков и А. А. Пальмбах для тувинского языка устанавливают „нестандартные наклонения“.³

Представители семантико-генетического направления указывают не только на различия, но и на связь наклонений друг с другом, на то, что значения и форма различных наклонений перекрещиваются, в результате чего границы между наклонениями теряют свою резкость. Н. А. Баскаков в каракалпакском языке выделяет 4 наклонения: изъявительное, условно-уступительно-сослагательное, желательное, и побудительно-повелительное.⁴ Э. Н. Наджип в уйгурском языке отмечает 3 наклонения: повелительно-желательное, изъявительное и условное⁵ и т. д.

Представители семантико-генетического направления обычно объединяют в одном наклонении формы с семантикой побуждения и желания, с одной стороны, и формы условные, уступительные и сослагательные—с другой. Выделение желательного наклонения как самостоятельного составляет взгляд подавляющего большинства ученых. Долженствовательное наклонение выделяется только отдельными авторами. Что касается „неопределенного наклонения“, то его трактовка как особого наклонения не разделяется многими тюркологами.

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 218.

² А. Н. Кононов. Грамматика совр. узб. литерат. яз. М.—Л., 1960, стр. 202.

³ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка, М., 1961, стр. 64 (кроме обычных, названы наклонения согласительное и предельное; второе—специфика тувинского языка).

⁴ Н. А. Баскаков. Краткий очерк каракалпакского языка.—Каракалпакско-русский словарь под ред. Н. А. Баскакова, М., 1958, стр. 845.

⁵ Э. Н. Наджип. Указ. соч., стр. 92—103.

Специалисты по карачаево-балкарскому языку, как и все тюркологи, единодушно выделяют 3 наклонения, однако расходятся в трактовке этих наклонений и в вопросе о желательном и „неопределенном“. В „Кратком очерке грамматики языка „болкар“ Н. К. Караулов указывает 3 наклонения: изъявительное (сюда же он относит „долженствительную форму“), повелительное, условное. У. Д. Алиев устанавливает 4 наклонения: повелительное, желательное, изъявительное и условное (оно же — „сослагательное“ и „предположительное“). В. З. Филоненко и В. Прёле отмечают изъявительное, повелительное, условное и желательное наклонения. В школьных грамматиках У. Б. Алиев выделяет 5 наклонений, при этом желательное наклонение он именуется „алгышычы туруш“ — „доброжелательное наклонение“: неопределенную форму автор причисляет к наклонениям.¹ А. М. Байрамкулов выделяет 3 наклонения: повелительное, изъявительное и условное.²

Таким образом, основные воззрения на категорию наклонения тюркского глагола нашли свое отражение и во взглядах авторов карачаево-балкарских грамматик. Однако у большинства из них мы не находим желательного наклонения. Некоторые вводят его в состав изъявительного наклонения, именуя желательной формой. Отдельные авторы ошибочно причисляют к изъявительному наклонению и модальности долженствования (-ргъа || -рге + керек). Так поступает Н. А. Караулов, называя форму модальности долженствования „алыргъа керек.ле“ (у автора ошибочно „алга керекмин“) „будущим 3-им долженствительным“ временем.

Разумеется, авторы школьных грамматик не затрагивают сущности категории наклонения как основной глагольной категории. Но и в исследованиях Н. А. Караулова, В. Прёле, У. Д. Алиева, В. И. Филоненко и др. вопрос о категории наклонения, как и многие другие вопросы грамматики, не нашел своего разрешения.

Анализ фактов языка и мнения специалистов позволяют выделить в карачаево-балкарском языке следующие наклонения: повелительное, изъявительное, желательное, условно-уступительно-сослагательное и долженствительную модальность.

Определяя наклонение, следует уточнить его сущность и признаки, в которых она проявляется. Под категорией

¹ У. Б. Алиев. Малкъар тилини грамматикасы. Фонетика бла морфология. 5—6 класслагъа. Налъчик, 1958, стр. 121—122.

² А. М. Байрамкулов. Къарачай тилини грамматикасы. Фонетика бла морфология. Черкесск, 1958, стр. 86—87.

наклонения принято понимать отношения действия к действительности. В этой связи следует различать реальность совершения действия, повеление, разрешение, допущение совершить действие, обусловленность совершения одного действия другим, желательность совершения действия. Каждое наклонение противопоставляется в языке другим наклонениям и своими четко выходящимися семантическими и морфологическими свойствами.

Систему наклонений карачаево-балкарского глагола представим в следующей таблице:

Наклонения	Значение наклонений	Грамматическая структура наклонений
1 Изъявительное	реальное действие	основа времени + форманты лица и числа;
2 Повелительное	повеление, приказание, просьба	исходная основа + особые лично-числ. аффиксы 2 и 3 л.;
3 Условное	действие, являющееся условием для совершения другого действия	исходная основа + формат наклонен. + аффиксы лица и числа
4 Желательное	действие, совершение которого желательно для говорящего	исходная основа + формат наклонен. + лично-числовые аффиксы

Категория наклонения проявляется с закономерной неизбежностью при спряжении любой глагольной основы. Категория наклонения сравнительно бедна специальными показателями. Только условное и желательное наклонения имеют специальные форманты: первое *-са* || *-се*, второе *-гъай* || *-гей*. Идея наклонения передается формантами лица и времени. „Категория наклонения и времени слабо дифференцированы между собой и поэтому они не имеют специальных дифференцированных между собою формантов, образующих отдельно формы наклонения и времени.“¹ И далее: „Наклонение и время, являясь грамматическими категориями субъективной оценки реальности или нереальности действия, а также протекания процесса действия во времени с точки зрения говорящего, в полной мере

¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 414—415.

вскрываются только в связи с категорией лица, т. е. в сфере словоизменения".¹ В этом проявляется теснейшая взаимосвязь категорий.

Общим грамматическим признаком для всех наклонений является наличие лично-числового форманта. К системе наклонений тесно примыкает должноствительная модальность, выражающаяся аналитическими конструкциями типа *-ргъа !! рге+керек* + форманты лица и числа. Эти конструкции, однако, не могут быть причислены к наклонениям, поскольку в них выражается не отношение действия к действительности, а отношение субъекта к самому действию, заключающееся в том, что данное действие, по его мнению, необходимо совершить.

Следует также отметить, что трактовка „инфинитива“ в качестве особого (Н. К. Дмитриев) или неопределенного (В. Гордлевский, Н. Т. Сауранбаев и др.) наклонения едва ли правомерна, поскольку „неопределенное наклонение“ несоотносимо с категориями времени и лица и поэтому не „выражает устанавливаемое говорящим лицом отношение действия к действительности“.

III Категория времени

Время—одна из специфических категорий глагола, ограничивающая его от именных частей речи.

Система временных форм карачаево-балкарского глагола отличается своеобразием грамматической структуры и оттенков. В карачаево-балкарском языке нет ряда временных форм, характерных для многих тюркских языков (преимущественно языков огузской группы); например, нет форм на *-ажак* || *-ежек*, *-макъда* || *-мекде* и др. С другой стороны, в карачаево-балкарском языке имеются формы, не характерные для других тюркских языков вообще или для подавляющего большинства из них. Например: *-лык* || *-рыкъ* || *-ныкъ*: *барлыкма*—„схожу“, „съезжу“ (непрерывно, обязательно); *-ыучу* || *-ыучан*: *барыучанма* „бываю“, „езжу“ (часто).

Эти и ряд других особенностей карачаево-балкарского языка представляют значительный научный интерес как в разрешении вопроса о происхождении карачаевцев и балкарцев, так и в разрешении вопроса о месте этого языка в аспекте развития и формирования тюркских языков.

¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 414.

Известные трудности, связанные с категорией времени глагола в тюркских языках, связаны с сложностью самой системы глагола в этих языках, многогранностью этой системы, с аспектами, неизбежно возникающими при анализе той или иной глагольной категории.

Категория времени не проявляется без грамматического показателя, без форманта. В этом отношении она полнее и последовательнее других категорий глагола выражается как грамматическая категория. Если категория залога, наклонения, лица и числа в некоторых случаях выражаются опосредованно, наличие которых, при отсутствии грамматического показателя, устанавливается семантико-лингвистическим анализом или косвенно—через наличные в глагольной основе показатели других категорий, то категория времени в современных тюркских языках всегда выражается через свои форманты. Такая грамматическая непосредственность отличает эту категорию глагола от других его основных категорий.

Категория времени выражает соотношение между временем действия и моментом речи или соотношение между двумя временными планами.¹ Говорящий или субъект действия производит учет времени, исходя из определенного момента. Время, таким образом, представляет оценку говорящим „своих“ и „чужих“ действий в их отношении к определенному периоду. Различные же формы времени глагола и временные по своей семантике слова (в большинстве наречия) представляют собою условные обозначения, употребляемые говорящим для уточнения отношения времени действия к моменту речи. Исходные моменты отсчета времени у разных лиц могут быть различными. Момент речи говорящего может соотноситься с любым отрезком в потоке времени и в соответствии с этим иметь свое прошлое, настоящее и будущее. Это—субъективная сторона оценки и учета времени. Употребление форм на *-гбан*, *-гбан-эди*—и соответственно временных слов *тюнене* „вчера“, *былтыр* „в прошлом году“ и т. д., форм на *-ар* || *-ыр*, *-лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ* и соответственно *тамбла* „завтра“, *бюрсюкюн* „послезавтра“ и др.—субъективно и условно. Об одном и том же действии можно говорить в прошедшем, будущем и настоящем временах в зависимости от того, предшествует момент речи этому действию, совпадает с ним или следует за ним. Например, говорящий в отношении предстоящего действия в карачаево-балкарском языке упот-

¹ Ср. Грамматика русского языка, 1. М., 1952, стр. 474.

ребит форму на *-ар* || *-ыр* (будущее неопределенное) или *-лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ* (будущее категорическое): *алырма* „я (возможно) возьму“, *аллыкъма* „я (непременно) возьму“; после реализации этого же действия то же лицо в отношении к нему употребит одну из форм прошедшего времени: *алдым* „я взял“, *алгъанма* „я брал“, *алгъан эдим* „я (тогда) брал“.

С другой стороны, время—категория объективного мира, не зависящая от сознания говорящего, и характеристика действия в отношении его протекания во времени в этом смысле оказывается объективной.

Категория времени глагола, в сравнении с другими способами хронологизации действия в языке, отличается своей неконкретностью и неточностью. Время глагола только хронологически соотносит действие с моментом речи, т. е. указывает на то, предшествует действие моменту речи или следует за ним или происходит одновременно с ним. Для большей чёткости и конкретности хронологизации действия в языке существуют временные слова, способные не только отнести какой-либо факт к определенному промежутку времени, но указать и на длительность протекания действия. Например: *бюгюн* „сегодня“, *бюгече* „сегодня ночью“, *былтыр* „в прошлом году“; *беш сагъатны тохтамай къарджауду* „целых пять часов шел снег“: *инъирде биз киногъа барлыкъбыз* „вечером мы (непременно) пойдем в кино“. Традиционная трактовка форм прошедшего или будущего времен в карачаево-балкарском языке как их хронологический, последовательный порядок расположения вглубь прошедшего (или будущего) от момента речи не выясняет основного содержания категории времени глагола. Согласно этому взгляду, формы прошедшего времени „выстраиваются“ вглубь прошлого от момента речи в порядке *-ды* (*озгъан заман* „прошедшее время“), *-гъан* (*узайгъан заман* „прежде прошедшее время“), *-гъан эди* („давно прошедшее время“). Попытку также расположить формы будущего времени мы находим в школьном учебнике А. М. Байрамкулова, где приближенным к моменту речи будущим временем оказывается форма на *-лыкъ*, а удаленным—форма на *-ар* || *-ыр*. В карачаево-балкарском языке все эти формы могут употребляться в рамках одного временного отрезка, в котором находится и момент речи: *мен бусагъатда баргъан эдим* „я сейчас сходил“ (на фоне каких-либо известных говорящему событий); *мен бусагъатда баргъан эдим* „я (уже) сходил“; *мен бусагъатда бардым* „я сейчас сходил“, *мен бусагъатда барама* „я сейчас иду“:

мен бусагъатда бара турама „я сейчас (в данный момент) иду (букв: „я сейчас идя пребываю“); *мен бусагъатда барырма* „я сейчас (возможно) пойду“; *мен бусагъатда барлыкъма* „я сейчас (непрерывно) пойду“.

В подобных случаях временные оттенки действия заключены во временных формах глагола.

Здесь нельзя не учитывать и того, что та или иная форма чаще передает время, более близкое к моменту высказывания (форма на *-ды*), или, наоборот, более отдаленное или весьма отдаленное от него (форма на *-гъан эди*). В сфере будущего времени категоричность предполагаемого в будущем действия включает сравнительную конкретность, и поэтому временная форма на *-лыкъ || -рыкъ || -ныкъ* может, вероятно, восприниматься как более близкая по времени к моменту речи, нежели форма неопределенного будущего на *-ар || -ыр*. Однако хронологическая последовательность временных форм уточняется чаще контекстом, ситуацией и т. п.

Категория времени в карачаево-балкарском языке по своим грамматическим формам и значению дифференцируется в трех временных планах: в плане прошедшего, настоящего и будущего времён. Каждое из этих времен представлено несколькими формами. По традиции авторами выделяются три формы прошедшего времени: форма на *-ды*, форма на *-гъан*, форма на *-гъан эди*; сюда же мы относим прошедшее продолжающееся время на *-ыб || -б*; в будущем— две формы: форма на *-ар || -ыр* и форма на *-лыкъ || -рыкъ || -ныкъ*. Настоящее время выступает в формах на *-а || -е || -й, -ыучу || -ыучан, -а || -е || -й тура, -ыб || -б тура*.

Естественно, в школьных грамматиках семантика каждой временной формы не раскрывается полно и всесторонне. Некоторые формы времени вообще не нашли места ни в одной из работ, посвященных карачаево-балкарскому языку.

В семантике временных форм карачаево-балкарского глагола существенное значение имеют определенность, конкретность, категоричность действия; этим семантическим оттенкам временных форм, естественно, противопоставляются неопределенность, неконкретность, несоотнесенность действия с определенным моментом. Эта корреляция пронизывает все времена карачаево-балкарского глагола. В прошедшем времени это— прошедшее категорическое, с одной стороны, и прочие формы— с другой. В настоящем времени— настоящее данного момента и другие формы. В будущем времени— будущее категорическое и будущее неопределенное.

Времена карачаево-балкарского глагола по своей структуре бывают простые, составные или сложные. Простые формы, как первичные, служат для образования сложных и составных аналитическим способом.

Многообразие временных форм характерно для изъявительного наклонения. Временные формы свойственны также сложным конструкциям условного наклонения с *эди* и *эсе*.

Повелительное и желательное наклонения, а также простая форма условного наклонения обычно соотносятся с настоящим-будущим временем. Деепричастия соотнесены по времени с действием основного глагола, точнее, обозначают действие, предшествующее или одновременное действию основного глагола, и, таким образом, характеризуются относительным временем.

В карачаево-балкарском языке проявляется тесная связь категорий наклонения и времени. Категория времени не может проявляться в отрыве от категории наклонения. Показатель времени вместе с тем является и признаком изъявительного наклонения. Синкретизм этих категорий находит свое признание у многих ученых. По мнению Н. Т. Сауранбаева, „признаки времени глагола со своими специфическими особенностями и формами входят в общее понятие в определении наклонения, и, значит, не следует противопоставлять наклонение и время, а, наоборот, следует рассматривать наклонение с точки зрения временных признаков и их грамматического оформления“, равно и при рассмотрении категории наклонения следует учитывать специфику каждого наклонения с точки зрения различия временных признаков, присущих данному наклонению.¹

Глагольная основа никогда не содержит одновременно форманты наклонения и времени, „налицо бывает что-нибудь одно“²—или формант наклонения, или формант времени.

В сфере аффиксов, сопряженных с образованием личных форм глагола, таким образом, следует усмотреть два центра: наклонение-время и лицо-число. Аффиксы первого из них создают основу, аффиксы второго—личную форму глагола.

¹ Н. Т. Сауранбаев. О категории лица повелительного наклонения.—Изв. АН Каз. ССР, вып. 1—2, Алма-Ата, 1954, стр. 81.

² Н. К. Дмитриев. Грамм. башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 133.

Формы возможности, невозможности, отрицания и вопросительная

Все эти формы, за исключением вопросительной, специфичны только для глаголов. Для спрягаемой основы они факультативны. Формант возможности, невозможности и отрицания предшествуют аффиксам наклонения и времени.

Некоторые учёные эти формы, наряду с залоговыми и видовыми, относят к производным. А. Казембек все эти формы называет „второобразными основами.“¹

Формант возможности *-ал-* восходит к глаголу *ал-* „брать || взять“. Аффикс возможности *-ал-* присоединяется к глагольной основе (к производной или непроизводной). Как известно, в других тюркских языках (киргизском, казахском, татарском и др.) *-ал-*, сохраняя свою лексическую самостоятельность, выступает на правах вспомогательного глагола: например, в киргизском языке: *келе албады* „он не смог приехать“, *жаза албаймын* „я не смогу написать“.

В карачаево-балкарском языке вспомогательный глагол полностью грамматикализовался, обратившись в аффикс *-ал*. Формант деепричастия *-а || -е*, предшествовавший прежде глаголу *-ал*, выпал, что и дает право говорить ныне о присоединении аффикса *-ал-* непосредственно к глагольной основе. Например: *джаз-а -ал > джаз-ал > джазал-* „быть в состоянии написать“, *келтирт-е -ал > келтирт-ал > келтиртал-* „сможь заставить привести“ и т. д. Здесь *-а || -е + а* стянулись в *а*, но не долгое. (Мнение В. И. Филоненко и О. Притцака о наличии долгих гласных в карачаево-балкарском языке нами не разделяется: наличие долгих гласных не отмечено ни в работах первых, ни в работах последующих исследователей карачаево-балкарского языка). Что касается деепричастий на *-й*, то последний всегда сохраняется перед аффиксом *-ал-* во всех случаях: *сана-й-ал- > санаял- [санайал-]*² „сможь сосчитать“, *тиле-й-ал- > тилеял- [тилейал-]* „сможь попросить“.

В карачаево-балкарском языке (чаще в речи карачаевцев) встречаются фонетические варианты аффикса *-ал-* в форме *-ял*, *-эл*, *-ел*: *кеялды || келялды [келэлды]* „он смог прибыть“: *бералды || берелди* „он смог отдать“; *тилеялды [тилейэлды] || тилеелди [тилейэлди]* „он смог попросить“ и т. д. В речи жителей Баксанского ущелья

¹ А. Казембек. Общая грамматика турецко-татарского языка, изд. II, Казань, 1846, стр. 156.

² Здесь и далее в квадратных скобках дается фонетическая транскрипция.

вариант *-ел* не употребляется. Эта форма обозначает как объективную, так и субъективную возможность совершить действие.¹

Форма возможности употребляется в тех случаях, когда глагол обозначает действие, интенсивность которого подвержена изменениям, которое количественно модифицируется, иначе говоря, характеризуется напряжением и ослаблением. Форма возможности свойственна также глаголам, обозначающим действия, характеризующие явления неживой природы и прочих предметов.

Терек кышха чыдаяды. „Дерево перенесло (букв. „смогло выдержать“) зиму“. *Джсер джылыналды.* „Земля отогрелась“ (букв. „смогла нагреться“). *Кёпюр он тоннаны кёлтюралды.* „Мост сможет выдержать (нагрузку в) десять тонн“.

Формы возможности лишены глаголы, обозначающие действия, нежелательные для субъекта: *ауру-* „болеть“, *ёл-* „умирать“ и др.

Форма возможности предполагает напряжение сил субъекта, совершающего действие. Форма возможности не употребляется в повелительном и желательном наклонениях.

Форма невозможности образуется путем присоединения аффикса *-ма* || *-ме*² к глагольной основе, осложненной формантом возможности *-ал* || *-ял* || *-ел*: *джаз+ал+ма-* „быть не в состоянии написать“, *бер-ел-ме* „быть не в состоянии дать“ и т. д..

Эта форма обозначает невозможность совершить действие по субъективным или объективным причинам. *Айталмадым.* „Я не смог сказать“. *Аллмадыла.* „Они не смогли получить“. *Кёрилмадыгъыз.* „Вы не смогли увидеть“. *Тынчялмадыкъ.* „Мы не сумели отдохнуть“. *Этелмеген-биз* „Мы не смогли сделать“.

Отрицательная форма глагола образуется морфологически (синтетически) и синтаксически (аналитически). Для образования отрицательной формы глагола морфологическим способом употребляется частица *-ма* || *-ме*, присоединяемая, как правило, к глагольной основе. Отрицанию *-ма* || *-ме*, кроме глагольной основы, может предшествовать только формант возможности *-ал* || *-ял* || *-ел*: *ал-ма-* „не брать“; *бар-ма-* „не ходить“; *квэй-ма-* „не оставлять“; *кюл-ме-* „не смеяться“. *Умар бизге урушмасын.* „Пусть Умар нас не бранит“. *Ашыкъгъан суу тенъизге джетмез* (фольк.).

¹ Ср. А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 201.

² Подробнее об отрицательной форме см. ниже.

„Торопливая речка моря не достигнет“. Как видно из примеров, начальный сонорный отрицательной частицы *-ма* || *ме* в карачаево-балкарском языке не ассимилируется и поэтому не имеет вариантов *б*, *п*, как в некоторых тюркских языках.

Иначе образуется отрицательная форма причастия на *-лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ*, сочетающегося с именным отрицанием *тюл* || *түйюл*.

Именное отрицание *тюл* || *түйюл* — всегда употребляется при предикатах и перенимает их аффиксы сказуемости: *барлыкъ түйюлме* „я (ни за что) не пойду“ (букв. „я не тот, который непременно пойдет“); *барлыкъ тюлме* „ты (ни за что) не пойдешь“ (букв. „ты не тот, который непременно пойдет“); *биз барлыкъ тюлбюз* „мы (ни за что) не пойдем“ (букв. „мы не те, которые непременно пойдут“).

В других тюркских языках в качестве именного отрицания употребляются *эмес* || *имас* || *эмас*, *дегил* || *тюгюл* || *түвүл* || *төгел* и т. д. Сочетание причастия на *-лыкъ* может осложняться формами недостаточного глагола *э—эди*, *эсе*: *барлыкъ тюл эдинъ* „ты не должен был ходить“. *Кетерик тюл эсе...* „Если он не должен уехать...“

Вариант „*түйюл*“ сохранился у балкарцев; в Карачае параллельно употребляются оба варианта — полный *түйюл* редуцированный *тюл*. ... *Андан башхагъа барлыкъ түйюлме*, *Тыбырда къалыб кетсем да...* (фолькл.). „Ни за кого другого, кроме него, не выйду, если даже суждено мне остаться у очага“. *Ала быйыл бошайлыкъ тюлдюле*. „Они в этом году не смогут закончить“.

Слово *джокъ*, употребляемое в других тюркских языках как именное отрицание, в карачаево-балкарском языке не сочетается с глагольными формами, за исключением субстантивированных причастий. Оно преимущественно употребляется как самостоятельное сказуемое, где подлежащее выражено исключительно именем или субстантивированными причастиями на *-лыкъ* и *-ар* || *-ыр* в притяжательной форме: *мени заманим джокъду* „у меня нет времени“; *барлыгъынъ джокъду* „ты (ни за что) не пойдешь“ (букв. „нет твоей предназначенности пойти“); *сени айтырынъ джокъду* „ты (ни в коем случае) не скажешь“ (букв. „ты не обладаешь ничем, что позволило бы тебе сказать“).

За редкими исключениями, *джокъ* употребляется в форме 3 л. ед. ч.; *джокъ* в форме ед. ч. способно согласоваться с подлежащими как в единственном, так и во множественном числе: *Терс Къолда кёгет терек джокъду*. „В Терс Коле плодовых деревьев нет“. *Бу таулада джу-*

гзутур джокъду. „В этих горах тура нет“. Бу таулада джугзутурла джокъду. „В этих горах туров нет“. Форма мн. ч. слова *джокъ-* является семантическим дериватом, привнося оттенок недавнего наличия в прошлом того, что ею отрицается: *Сабийле джокъдула*. „Детей нет“ (а ведь только что они были здесь!).

Вопросительная форма обслуживает почти все части речи. Она образуется формантом *-мы* || *-му* || *-ми* || *-мю*, семантически тождественным русской вопросительной частице *ли*.

Во всех формах 1 л., 3 л. с нулевым личным показателем прошедшего категорического времени изъявительного склонения, а также в условном, повелительном и желательном склонениях вопросительная частица *-мы* || *-му* || *-ми* || *-мю* — замыкающий формант: *аламамы?* „беру ли я?“; *барайкъмы*, „(уж) не пойти ли нам?“; *бардынъмы?* „сходил ли ты?“; *алгъанбызмы?* „взяли ли мы?“; *сорурмамы?* „спросить ли мне?“; *кёрлюкбюзмю?* „увидим ли мы (непрерывно)?“; *джойсамы?* „если он истратит?“; *берсинми?* „пусть отдаст, да?“ и т. д.

В формах 2 и 3 л. настоящих и будущих времен, а также прошедшего неопределенного на *-гъан* вопросительная частица *-мы* || *-му* || *-ми* || *-мю* предшествует аффиксу лиц: *аламыса?* „берешь ли ты?“; *барыучумусуз?* „вы те, которые постоянно ходят?“; *джаза турамыдыла?* „пишут ли они (в данный момент)?“; *сорурмуса?* „ты (возможно) спросишь?“; *келликмидиле?* „они (непрерывно) придут?“; *кёргенмисиз?* „видали ли вы?“

Если данным формам предшествует глагол с „де-“ (а это бывает при переспрашивании), то вопросительная частица помещается после личных аффиксов: *аласамы дейдиле?* „так они говорят, что ты берешь?“; *барыучусузму дейсе?* „так ты говоришь, что вы время от (времени) ездите?“; *джаза турадыламы дегенме?* „разве я сказал, что они (в данный момент) пишут?“; *сорурсамы дейсе?* „так ты говоришь, что я спрошу?“ и т. д.

Помещение вопросительной частицы после показателя в формах 2 и 3 лица вне условий сочетания с глаголом *де-* уже не связано с переспрашиванием и, по-видимому, объясняется исключительно метатезой, которая высвободается уподоблением форм первого лица: *барамыса~барасамы?* „пойдешь ли ты?“; *сатамыдыла~сатадыламы?* „продают ли они?“; *барыучумусуз~барыучусузму?* „вы (обычно) ходите?“.

О СТРУКТУРЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ОСНОВЫ

Глагольные основы в карачаево-балкарском языке бывают непроеводные и производные. Непроизводные основы равнозначны корню. Производные основы состоят из корня и глаголообразующего или залогового аффикса.

1. Непроизводные основы по своей структуре бывают односложными, реже—двух- и многосложными.

Односложные представлены почти исключительно закрытыми слогами типа $g+c$; $c+g+c$, $g+c+c$, $c+g+c+c$ (g —гласный, c —согласный). Тип $g+c$: *ал-* „взять“, *ич-* „пить“, *ур-* „бить“, *юр-* „дуть“, *юз-* „отрывать“, *ёт-* „переходить“, *ий-* „отпускать“, *эт-* „делать“, *ат-* „бросать“. Характерной особенностью этого типа является отсутствие глагольных корней с начальным *ы*, встречающимся в аналогичных по структуре именных основах, как, например, *ыз* „след“, *ыр-хы* „горный дождевой поток, сила“, *ындыр* „ток“. При этом некоторые гласные сочетаются только с определенными согласными. Так, имеются сочетания *аз-* „отощать“, *оз-* „обгонять“, *юз-* „оторвать“, *эз-* „раздавить“, но отсутствуют сочетания *ёз*, *из*, *уз*, *из* или *ил*, *ут* и т. д., тогда как эти сочетания в именах наличествуют, что является сопутствующим признаком дифференциации лексики на имя и глагол.

Глагольные корни типа $c+g+c$ гораздо более многочисленны, чем основы типа $g+c$: *сам-* „продать“, *бер-* „дать“, *кел-* „приходить“, *тут-* „держать“, *бёл-* „делить“, *квач-* „бежать“, *синь-* „проникать“, *кёр-* „видеть“, *кыыр-* „соскобрить“ и т. д. В отношении начального согласного эти ограничения сравнительно менее выражены. В корнях типа $c+g+c$ встречаются все гласные.

Тип глагольных корней $g+c+c$ встречается крайне ред-

ко (в башкирском языке—всего 4 глагола¹): *элт-* („отнести“, *айт-* „сказать“, „говорить“, *юрк-* „шарахнуться“; в составе таких корней, как видно из примеров, первый согласный или сонорный, или *й*.

Значительно чаще встречаются корни типа *c+g+c+c* *тарт-* „тянуть“, *тюрт-* „толкнуть || толкать“, *джырт-* „порвать“, „разорвать“, *бёрк-* „клокотать“, *саркь-* „стекать“, *кьоркь-* „побояться“, *джорт-* „побежать“, „поскакать“ (галопом), *кьайт-* „вернуться“. *черт-* „подчеркнуть“, *джулкь-* „вырвать“, *кьыркь-* „остричь“ и др. Принцип строения конца слога и здесь такой же: предпоследний согласный чаще—сонорный, реже—*й*.

Характерной особенностью односложных глагольных корней карачаево-балкарского языка является отсутствие открытых слогов.

Двусложные корни охватывают наибольшую часть простых глагольных корней. Например: *абын-* „спотыкнуться“, *эле-* „просеять“ (муку), *олтур-* „сесть“, „садиться“, *джала-* „лизать“, *ауру-* „болеть“, *тала-* „смыть“ (водой смыло берег), „искусать“ (о хищниках), *серме-* „хватать“, *сарна-* „причитать“ (плач), *урун-* „трудиться“, *тюбе-* „встречать“, „встретить, повидаться“, *эри-* „оттаивать“ (лед, масло, сердце), *кьарма-* „ворошить“, „щупать“, *туура-* „резать“ (на мелкие куски), *уйу-* „свертываться“ (о молоке, крови), *джара-* „пригодиться“, *кьалкьы-* „вздремнуть“, „всплыть“, *ышы-* „потереть“, *тёле-* „уплатить“, *сайла-* „выбрать“, *чырма-* „свернуть“, *кьыдыр-* „исходить“, *джубан-* „заняться“ (чем-нибудь, проводить время), *кьубул-* „потупиться“ (о невесте, девушке—при стеснении) и т. д.

Нетрудно заметить, что многие корни этого типа имеют словообразовательный формант, но для современного языка они неразложимы. Например, в корнях *абын-*, *джубан-*, *кьубул-*, *ын-*, *-н*, *-ул-* аффиксы возвратно-страдательного залога; в „*джубан*“ выделяется „*джуба*“; *джуба-т*, *джуба-н*, однако в языке нет форм *аб-*, *джуба-*, *кьуб-* и т. д. Заметны и другие словообразовательные форманты *-ма* || *-м* || *-ме*, *-ла* || *-ле*, гласные и пр., но часть корня за вычетом этих формантов не составляет самостоятельной морфемы. Подобные явления других тюркских языков неоднократно наводили ученых на мысль, что дву- и многосложные основы—результат сложения односложных корней, хотя во многих случаях почти не удается проследить этот процесс.

В отличие от односложных корней, где не встречаются

¹ А. А. Ю л д а ш е в. Система..., стр. 28.

открытые слоги, здесь, в двухсложных корнях, преобладают открытые слоги в конце. Конечный гласный в корнях типа *джара-*, *эле*, *эри-*, *тёле-* и др. представляет, вероятно, тот же словообразовательный формант, что и в современных производных основах типа *аш-а-* „съесть“, *сан-а-* „посчитать“, *эн-е-* „ставить метку на ухо животного“ и др.

Редко встречаются непронизводные, вернее, неразложимые многосложные корни типа *тёнъере-* „катиться“, *сокъуран-* „раздумать“, *сымарла-* „рассматривать пристально“, *титире-* „вздоргнуть“, *тентире-* „зашататься“ и др. В них еще более четки форманты *-ере*, *-ур+ан*, *-ла*, но для современного языка подобные корни представляют неразложимые сочетания. По линии гласных двух- и многосложных глагольных корней следует отметить специфику карачаево-балкарского вокализма, заключающуюся в отсутствии губных широких *о* и *ё* (*о-ё*) в последующих слогах, кроме первого. ~ Исключение составляют единичные имена типа *оюу* „совет“, **тоноу* „грабёж“, *джолоучу* „путник“, *маймёз* „бязь“.

2. **Производные основы.** Производные глагольные основы представлены двумя типами: а) основы, производные аффиксацией из неглагольных слов, б) залоговые формы, формы глагола (внутриглагольное словообразование).

Производные основы из именных частей речи широко распространены в глагольном словообразовании. Этот тип основ охватывает большое количество разнообразных словообразовательных моделей от единичных, архаизирующих до распространеннейших продуктивных форм. При этом одни модели применительны почти ко всем частям речи, тогда как другие связаны только с определенной частью речи или с определенной семантической группой слов. Многие именные основы не образуют глаголы, например: *адам* „человек“, *тау* „гора“, *къынъыр* „кривой“, *джашил* „зеленый“, *алты* „шесть“, *бу* „этот“, *анча* „столько“, *былтыр* „в прошлом году“ и т. д. По этому поводу Э. В. Севортян пишет: „Для образования отыменного глагола пригодны не всякие основы, но лишь такие, которые по отношению к действию, выраженному производным глаголом, обозначают орудие или средство действия, предмет действия, название и результат действия или их признак, форму (способ, вид), место, время и субъект действия.“¹

-ла || *ле-*. Производные основы с этим формантом, известным во всех тюркских языках, занимают значительное место в глагольной лексике карачаево-балкарского языка.

¹ Э. В. Севортян. Аффиксальное глаголообразование в азербайджанском литературном языке. А. д. д., М., 1957, стр. 4.

Этот формант является высокопродуктивным во всех тюркских языках. Исходным материалом служат почти все части речи (что отмечено А. Н. Кононовым, Э. В. Севортьяном, Л. Н. Харитоновым и др.). Структурной особенностью этого форманта в карачаево-балкарском языке является отсутствие других вариантов (например, таких фонетических вариантов, как в тувинском языке; *-та* || *-те*, *-да* || *-де*, *-на* || *-не*).¹

В большинстве своем производные основы образованы из имен и обозначают реализацию семантики именной основы в действии, реже — в состоянии. Например: *баш-ла* — «начинать», *сыйла-* — «угостить», «почитать», *джырла-* — «спеть», *джер-ле-* — «оседлать», *акъ-ла-* — «побелить», *ариула-* — «очистить», «убрать». *джоргъа-ла* — «проскакать иноходью», *чюй-ле* — «пригвоздить», «прибить гвоздями», *эки-ле* — «делить на двое». Некоторые основы переосмыслены и не выражают значения, содержащегося в именной основе; например: *таш* — «камень», *ташла-* — «бросать», *чибин* — «муха», *чибин-ле-* — «рассердиться», «выйти из себя», «обижаться», *темирчи* — «кузнец», *темирчи-ле-* — «угрожать» (жестами, осанкой). В отдельных случаях глаголы образуются из наречий (*эртде-ле* — «поторопиться», «выйти пораньше») и даже из послелогов (*таба-ла* — «торжествовать»; *таба* — послелог основного или родительного падежа со значением «в направлении», «в сторону».) Состав многих основ *-ла* || *-ле* для современного языка неразложим, напр.: *бай-ла-* — «свяжи», «перевяжи» (древнетюркск. *ба*, карач.-балк.-*бау*), *туракъ-ла-* — «подождать», «приотстать», *сызлаб* (употребляется только в сочетании *ауруб-сызлаб*) — «приболеть», «захворать», *хорла-* — «одолеть», «победить», *осмакъла-* — «узнать стороной», *табла-* — «обить» (косу, тяпку), *тебле-* — «топтать» и т. д.

Как было отмечено выше, основы с *-ла* || *-ле* представляют продуктивный способ глагольного словообразования. Сюда же следует отнести крайне редкие (в сравнении с другими тюркскими языками) учащательно-усилительные формы типа *къууа-ала* — «подгонять» (о животных), *хайда-ла-* — «погонять», «торопить» и др.

-сын || *-сун* || *-син* | *-сюн*. Этот аффикс встречается во многих тюркских языках, например, в алтайском *-зын* — «считать, признать таковым»: *йокшызын*, *кушсин*, *кемзин*.² В киргизском языке *-сын* — форме притворства.³

¹ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмах. Грамматика тувинского языка, М., 1961, стр. 257.

² Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 48.

³ И. А. Батманов. Грамматика киргизского языка, ч. III, Фрунзе, 1940.

Исходными основами для этого форманта служат имена существительные и прилагательные; например, от существительных: *таш-сын-* „отбить копыта о камни“, *джерсин-* „осесть на одном месте“, *уят-сын-* „постесняться“, *юйюр-сюн-* „привыкнуть“, „прижиться“, *джюрек-син-* „сильно расстроиться“, „ожесточиться“. Глагольные основы от прилагательных выражают нежелательное восприятие субъектом выраженного именной основой значения (т. е. выражают субъективную оценку деятеля): *аман-сын-* „признать плохим“, *багъа-сын-* „считать слишком дорогим“, *джаш-сын-* „признать слишком молодым“, *ауур-сун-* „тяготиться“ и т. д. Иногда такая основа обозначает достаточно благожелательное отношение субъекта, напр., *таб-сын-* „признать достаточно удобным, приемлемым“, *джазыкъ-сын-* „пожалеть от души“, „сочувствовать“. В русском языке соответственно употребляются безличные обороты типа „ему (ей) показалось...“, „ему (ей) пришлось (не пришлось) по вкусу, по душе...“; например: *кёбсюндю* „ему показалось слишком много“; *азсындыла* „им показалось слишком мало“. Отдельные производные основы с этим формантом выражают ослабленное действие: *аурукъ-сун* „приболеть (слегка)“, „прихворнуть“. Единичные случаи образования глагольных основ имеются и не из именных частей речи: *ах-сын-* „вздыхать (*ах*—междометие), *кюйсюн-* „считать достойным себя“, *турсун-* „соизволить“, „считаться“ (в последних двух глаголах морфемы не различаются).

У балкарцев употребляется самостоятельный глагол *сун-* в позиции сказуемого. *Сун-* употребляется там со значением „принял“, „подумал“, т. е. выражает субъективное восприятие, однако, как оказывается, ошибочное; например: *О келген Ахмат сундум.* „Я того идущего сюда принял за Ахмата“ (а, оказывается, не Ахмат). *Сен сундум.* „Я подумал, что это ты“ (но тот был другой). Карачаевский вариант *-сын || -сун || -син || -сюн*, вероятно, представляет более позднее явление и восходит к древнему самостоятельному слову *сун-*, который сохранился в балкарском диалекте карачаево-балкарского языка, а у карачаевцев оно грамматализовалось и, превратившись в формант, приобрело фонетические варианты. За генетическую связь этих двух формантов говорит и их семантическое сходство: карач. *азсынды* „ему показалось мало“, балк. *аз сунду* „он подумал, что мало“.

Редкие производные формы встречаются на *-сы*: *кан-сы-* „визжать“; подобные основы чаще встречаются в форме *-сыт*. Большинство из них для современного языка нераз-

ложимо: *джарсы-т-* „затянуть“, „не сделать“ (своевременно), „причинить помеху“, *бал-сыт-* „признать очень вкусным“, „выражать свою привязанность“.

-ар || *-ер* || *-ур* || *-ыр* || *-ир*. Основы с этим формантом представляют непродуктивный и немногочисленный разряд слов, выражающих в основном усиление обозначенного именем признака в действии. Например: *джангы-р-* „обновиться“, *кбайгы-р-* „обеспокоиться“, *кбыз-ар* „(по)краснеть“, *агъ-ар-* „побелеть“, *кэг-ер-* „посинеть“, *кысса-р-* „укорачиваться“, *джый-ыр-* „собрать в складки“, *кзуу-ур-* „поджарить“, *семи-р-* „стать жирным“ (семиз „жирный“, $p > з$).

Многие основы не обнаруживают компонентов, т. е. не разлагаются, например: *джашыр-* „спрятать“, *ашыр-* „проводить“, *секир-* „прыгать“, *макыыр-* „мяукать“, „блеять“ (овцы), *кекир-* „отрыгивать“, *чакыыр-* „пригласить“, „позвать“. Отдельные основы сохранили древний тип форманта, например: *су-гъар-* „оросить“, *эс-гер-* „запомнить“, „вспомнить“. Здесь возможна и другая этимология. В карачаево-балкарском древнему *г* соответствует *у*: *суг-суу*, *таг* || *даг-тау*, *баг-бау* и т. д. Следовательно, *сугъ-ар*, а не *су-гъар*, как обычно принято в литературе ссылаться на *-гар* || *-гер*.

-л || *ал*. Основы с этими аффиксами единичны: *къара-л-* „почернеть“, *саргъ-ал-* (< *сарыгъ* + *ал*) „пожелтеть“, *ара-л-* „установиться“, *тири-л-* „ожить“ и др. Учитывая закономерность выпадения гласного при стечении двух гласных на стыке слов, возможно предположить грамматикализацию некогда самостоятельного второго корня *ал-* т. е. *къара* + *ал*, *сарыгъ* + *ал*, *ары* + *ал*, затем выпадение конечного гласного первой основы (а в „*сарыгъ*“ — выпадение и среднего узкого гласного „*ы*“), таким образом, образовались *къарал-*, *соргъал-*, *арал-* и им подобные.

-сыра || *-сура* || *-сире* || *-сюре*. Основы с данным формантом представляют небольшую группу глаголов с семантикой ослабленного действия или состояния: *джылам-сыра-* „всплакнуть“ (с оттенком притворства), *джукъу-сура-* „пребывать в сонливом состоянии“, *кюлюм-сюре-* „посмеиваться сдержанно“, *джауум-сура-* „накрапывать“ (о дожде), *бокъ-сура-* „клубиться“ (о дыме), *сууукъ-сура* „озябнуть“.

Характерно сочетание этого аффикса не с первичными корнями *кюл-*, *джау-*, *джыла-* и не с обычными их формами имени действия *кюлюу*, *джаууу*, *джылау*, а с формами на *-ым* || *-ум* || *-им* || *-юм* || *-м*; в итоге имеем сложный аффикс *-ым* || *-м* + *сыра* || *-сире*: *кюл-юм-сюре-*, *джау-ум-сура-*, *джыла-м-сыра-*. Составители алтайской грамматики

выделяют формант *-мзра*: *ыйламзра-* „прослезиться“, *кю-люмзре-* „улыбаться“ и т. д.¹ В киргизском языке, например, как и в карачаево-балкарском языке, выделяется формант *-сыра-* со значением желания: *кван-сыра-* „желать крови“.² В карачаево-балкарской глагольной лексике встречаются единичные неразложимые основы с этим формантом: *симсире-* „стать“ (о человеке — безмолвно, как изваяние), *бюсюре-* „одобрить“, „оценить“ и др.

-ылда || *-урда* || *-илде* || *-юлде*, *-ырда* || *-урда* || *-ирде* || *-юрде*. Глагольные основы с этим формантом представлены значительно шире. Трудно судить в подобных основах о компонентах, так как первый без второго вообще не встречается. Для современного языка большинство подобных основ неразложимо. Однако единая модель форманта *-ылда* || *-ырда-* позволяет усмотреть в нем некогда продуктивный словообразовательный элемент. Все эти основы представляют звукоподражания (мимемы) людей, животных, явлений природы как их действия. Характерной особенностью глагольных основ из мимем является специфика их первого компонента. В большинстве случаев он не представляет самостоятельной мимемы, т. е. не является самостоятельным словом, как, например, *чыркъ-* звук, когда ломается ветка, иголка, *тарх-* „бах“ — о выстреле из ружья, *тарс-* звук при лопании чего-либо и т. д. Этот первый компонент представляет закрытый слог чаще с узким средним гласным. Примеры: *кымылда-* „шевелиться“, *гырылда-* „болтать“, „много говорить“, *гюрюлде-* „гудеть“, *дууулда-* „шуметь“, „гудеть“, *хурулда-* „храпеть“, *мушулда-* „сопеть“, *кванкыылда-* „кудахтать“, *боркзулда-* „клокотать“, „кипеть“, „течь“, *джююлде-* „просвистеть“, *тюбджилде* „переминаясь с ноги на ногу“, *тыпырда-* „биться“ (руками, ногами, крыльями и проч.), *дынзырда-* „тарахтеть“, *тыкзырда-* „скребать“, *чыкзырда-* „скрипеть“, *дюньюрде-* „загреметь“. Сюда же следует отнести основы типа *манзыра-* „блеять“, *кюкюре-* „греметь“, в которых словообразовательный компонент представляет сокращенный вариант, т. е. *-ыра* || *-юре* вместо полных *-ырда* || *-юрде*.

-а || *-е* || *-у* || *-и* || *-ы* || *-ю*. Производные основы, образованные данными гласными, весьма редки; например: *аш-а-* „покупать“, *сан-а-* „считать“, *сын-а-* „наблюдать“, „присмотреться“, *джаш-а-* „жить“, *сарн-а-* „причитать“ (от *сарын* — „плач“, „причитание“), *кыйн-а-* „мучать“, „беспокоить“)

¹ Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 48.

² И. А. Б а т м а н о в. Грамматика киргизского языка, ч. III. Фрунзе, 1940.

(от „къыйн“ — „трудный“, „трудно“), *бай-ы-* „богатеть“, *суу-у-* „остыть“, *эн-е-* „ставить метку“ (на уши животных) и др.

-сы, -са, -се. Образования с этими формантами единичны: *къак-сы-* „стать прогорклым“ (о продуктах), *къургъакъ-сы-* „рассыхаться“, *къан-сы-* „визжать“ (о собаке), *суу-са-* „испытывать жажду“, *джар-сы-* „беспокоиться“, „жалеть“, *теп-се-* „танцевать“. Следует отметить, что желательностолженствовательное значение *-сы || -си* других тюркских языков (*барасы, келеси*) не получило своего развития в карачаево-балкарском языке. В этом значении употребляется форма на *-лыкъ || -ныкъ* в сочетании с различными вспомогательными глаголами.

-ай. Небольшая группа глаголов с этим аффиксом образована от существительных, прилагательных, наречий и выражает развитие признака основы в действии; например: *къарт-ай-* „стареть“, „дожить до старости“, *улл-ай-* „стать большим“, „быть в возрасте“ (от „уллу“ — большой), *тынч-ай-* „отдохнуть“ и др. Некоторые неразложимые основы с *-ай* выражают насмешливо-сатирическую оценку состояния субъекта; например: *чончай-* „усесться, взгромоздившись“, *чомпай-* „усесться торчком“ (вызвать пренебрежение присутствующих своей сидячей позой), *сымпай-* „стоять в важной, надменно вызывающей позе“, *къыйсай-* „окинуть косям взглядом“.

-ыкъ || -укъ || -ик || -юк. Основы с данным формантом единичны и в некоторых случаях представлены неразложимыми сочетаниями. Например: *кеч-ик-* „опоздать“, *бир-ик-* „объединиться“, *сор-укъ-* „уствовать“, „утихнуть“, *ашыкъ-* „торопиться“, *тарыкъ-* „жаловаться“ и др.

* * *

Разумеется, этим перечнем не исчерпывается раздел простых производных основ. Имеется еще много моделей глагольного словопроизводства, например, типа „*тюзет-*“ „выпрямить“, „расправить“ („*тюз*“ — „прямой“ и „*эт*“ — „делать“, где вспомогательный глагол *-эт-* грамматикализовался, превратившись в словообразовательный формант) или *джылы-т-* „согреть“, „обогреть“ (из прилагательного *джылы* „тёплый“). Незученность этого интересного раздела, отсутствие исследований по глагольному словообразованию карачаево-балкарского языка, недостаточность работ по лексике вообще, естественно, и отношение этой темы к данной работе ограничивают возможность более детального описания аффиксального словообразования глагола.

Залоговые формы. Залоговые формы в основном интересуют нас здесь с точки зрения их морфологической структуры, как форма внутриглагольного словообразования. В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, залоговые формы представляют грамматическую дифференциацию. Обычно различается 5 таких форм: прямой залог, взаимно-совместный залог, возвратный залог, страдательный залог и понудительный залог.

Н. А. Караулов, У. Д. Алиев и др. выделяют эти же залоговые формы; У. Б. Алиев выделяет 6 залогов—страдательный, нестрадательный, побудительный, возвратный, взаимный и понудительный.

В карачаево-балкарском языке в большинстве случаев различные отношения субъекта и объекта к процессу действия выражаются различием залоговых показателей. Все залоговые формы, кроме прямого залога, имеют свои морфологические показатели. Категория залога в прямом залоге выражается лексически, семантикой самой первичной основы. Формальный показатель не всегда выражает категорию залога. В этом случае формант в данной основе является не залоговым, а словообразовательным или даже словоизменительным аффиксом. Формант залога обычно замыкает первичную основу. Категория залога, как общая для всей системы глагола, выражается во всех глагольных основах. При этом, если залоговый формант не выражает значения залога или обслуживает разные залоговые формы (например, возвратный и страдательный залоговые формы имеют единый тип форманта *-л, -н*), то категория залога определяется лексически.

1. Взаимно-совместный залог образуется формантом *-ш* || *-ыш* || *-уш* || *-иш* || *-юш*: *сана-ш* „считать совместно“ (соревноваться в скорости, в точности счета), *къара-ш-* „посмотреть друг на друга“, *серме-ш-* „схватиться“, „сразиться“, *ат-ыш-* „стрелять друг в друга“ (или соревноваться), *чаб-ыш-* „бегать совместно“, *тут-уш-* „бороться“, *кёр-юш-* „повидаться“, *кел-иш-* „сойтись“, „согласиться взаимно“ и т. д.

Наряду с значениями совместности и взаимности, в семантике этого залога отчетливо выражается значение соревнования.

Залоговое значение в некоторых основах с залоговым показателем выражается иногда через лексико-грамматические признаки (т. е. для выявления залогового значения одного показателя недостаточно); например: *ур-уш-* „сразиться“, „ругать“, *тюй-юш-* „драться“. Подобные явления представляют переходную ступень стирания залогового значения форманта.

По структуре основы *с-ш* || *-ыш-* делятся на 2 группы: 1) основы, в которых выделяется этот аффикс, 2) основы неразложимые, которые обычно не выражают данного залогового значения; например: *сёлеш-* „говорить“, „ёчеш-“ „спорить“, „держатъ пари“, *эриш-* „соревноваться“, „упорствовать“, *къарыш-* „вцепиться мертвой хваткой“, *джабыш-* „прислаться“, „приклеиться“, *юлеш-* „делить“, *тиллеш-* „сговориться тайно“, *илеш-* „привыкнуть“, *демлеш-* „спорить“, *юйюш-* „сделать кровоподтек“, *кюреш-* „добиваться“, „стараться“ и т. д. В современном языке нет форм *сёле-* (как и в других тюркских яз.), *эри-* *къары-*, *демле-*; формы *эри* „таять“, *къары-* „мера длиной в локоть“, *джаб-* „укрыть“, „покрыть“, *иле-* „мять“, *юйю-* „быть опаленным“, *кюре-* „сгребать“ и т. д. выделились, потеряв связь с сходными залоговыми формами глагольных основ; в „ёчешь-“, „юлеш-“, „тиллешь-“ выделяются *ёч* „спор“, *юлюш* „часть“, „най“, *тил* „язык“, что указывает на явно словообразовательный характер *-ш* || *-ыш-*. Некоторые основы переосмыслены: *ал-* „брать“, *алыш-* „крепко ругаться“, *сал-* „положить“, *салыш-* „яростно драться“.

Многие основы, выражающие сугубо индивидуальные свойства людей или предметов, редкие, единичные явления, а также основы, семантически не выражающие идею взаимности или совместности, не образуют взаимно-совместного залога. Например, от *джаша-* „жить“, *туу-* „родиться“, *термил-* „страдать“, *джау-* „итти“ (о дожде, снеге), *джары-* „светать“ и др. нельзя образовать формы взаимно-совместного залога.

2. Возвратный залог в основном выражается аффиксом *-н* || *-ын* || *-ун* || *-ин* || *-юн*: *кий-ин-* „одеваться“, *джуу-ун-* „купаться“, *бугъ-ун-* „спрятаться“, *кёр-юн-* „показаться“, *бекле-н-* „застрять“, *тебре-н-* „начинаться“, *-ил-ин-* „зацепиться“ от (древне-тюркского *ил-*, карачаево-балк. *ил-гик* „крючок для застегивания“).

Другой формой возвратного залога является *-л* || *-ыл* || *-ул* || *-ил* || *-юл*; *джар-ыл-* „расколоться“, „потрескаться“, *ач-ыл-* „открыться“, *джыгъ-ыл-* „упасть“, „свалиться“, *джагъ-ыл-* „пачкаться“, *къош-ул-* „прибавиться“, „присоединиться“, „быть вместе“, *уя-л* (ср. *уя-т* „совесть“) „постесняться“, *сюз-юл-* „кинуться“, „очиститься“, *чанч-ыл-* „колоться“, „вонзиться“, „лихо станцовать“, *сугъ-ул-* „соваться“ (везде), *джаз-ыл-* „успокоиться“, *бас-ыл-* в том же значении и др.

В основах *тири-л-* „ожить“ (*тири* „живой“) *джылы-н-* „согреться“, (*жылы* „теплый“), *сагъ-ын-* „вспомнить“ (*сагъ-*

„настороженный“; впрочем, (*сагъын*-не имеет значения возвратного залога) и др. *-т*, *-н*- одновременно являются словообразовательными формантами.

Основы типа *тарал*- „страдать по ком-либо“ (*тари*- „чесать“), алын „взбеситься“, „сойти с ума“, (*ал*- „брат“), *кьоркун*- „обморозиться слегка“ (*кьоркь*- „бояться“), *илген*- „испугаться“, *джалын*- „заискивать“, *сокьран*- „раздумать“, *абын*- „спотыкнуться“ и др. для современного языка неразложимы.

Залоговое значение основ с *-л* || *-ыл*, *-н* || *-ын* в отдельных случаях уточняется контекстом; так, например, *джарыл*- „расколоться“, „потрескаться“, может иметь как значение возвратного, так и значение страдательного залога: *кьанъа кьургъакъсыды да джарылды* „доска рассохлась и потрескалась“ (сама, вообще) — возвратное значение; *отун балта бла джарылады* „дрова (обычно) колются топором“ — страдательное значение.

3. Страдательный залог образуется теми же формантами *-л* || *-ыл* || *-ул* || *-ыл* || *-юл* и *-н* || *-ын* || *-ун* || *-ин* || *-юн*, что и возвратный залог, т. е. нет внешних структурных различий в этих залоговых формах. В возвратном залоге действие как бы совершает круговорот: действие исходит от субъекта и возвращается к нему же. В начале действия субъект во втором периоде действия становится его объектом. В страдательном обороте действие исходит от грамматического объекта (т. е. чаще логического субъекта), объектом же этого действия становится грамматический субъект, который испытывает на себе это действие, „страдает“ от него. Общим для обеих залоговых форм является то, что один и тот же субъект становится объектом действия — в возвратном залоге — „своего“, в страдательном же — „чужого“ действия. Эта общность в значениях данных залогов обусловила и общность их формальных показателей.

Особенностью карачаево-балкарского языка является структура страдательных оборотов. В трехчленных страдательных оборотах типа грамматический субъект — предикат — грамматический объект („задание выполнено рабочими“) грамматический объект (дополнение), если выражен деятелем — лицом, никогда не употребляется; нет в языке средств передать объект „сестрою“ в обороте „письмо написано сестрою“. Аналогичное явление отмечается по материалам других тюркских языков, например, П. М. Мелиоранским в его „Краткой грамматике“: „Страдательный залог употребляется, вообще говоря, не часто и преимущественно в тех случаях, когда говорящий не знает и даже не имеет ника-

ких предположений относительно того, кто совершил действие, о котором идет речь".¹ Сходное мнение высказывают авторы „Граматики тувинского языка“, которые отмечают, что „страдательному залогу так же, как и возвратному, несвойственно сочетаться с именем реального производителя действия“.² В некоторых тюркских языках уже употребляется эквивалент русского страдательного оборота, например, в киргизском: *Юй ишчилс тарабындан иштелет*. „Дом строится рабочими“ (букв. „дом строится со стороны рабочих“).

В карачаево-балкарском языке в этих случаях употребляется или действительный оборот: „сестра написала письмо“ *эгечим письмо джазгъанды*, или двучленная страдательная конструкция—грамматический субъект—предикат: *письмо джазылгъанды* „письмо написано“. В карачаево-балкарском страдательном обороте, таким образом, нет подлинного (логического) субъекта—лица, оно „обезличено“, а действие представляется, как само собой произведенное, как действие, неизвестно кем совершенное. На первый план выдвигается факт действия, а не его производитель.

Если же грамматический объект не лицо, а предмет с орудийным значением, то появляется трехчленная страдательная конструкция, где объект обычно выражается именем в форме основного падежа с послелогом *бла*: *мюрзеу мешина бла ташылады* „зерно перевозится машинами“, *чабакъ къвармакъ бла тутулады* „рыба ловится удочкой“ и др.

Примеры на страдательный залог: *сайлан-* „быть избранным“, *къаланъ-* „быть сложенным в кучу“, *билин-* „быть признанным“, *джюлюн-* „быть выбритым“, *ишлен-* „быть изготовленным“, „сделанным, построенным“, *билен-* „быть начтенным“, *этил-* „быть сделанным“, *табыл-* „быть найденным“, *къорул-* „быть защищенным“, „стереженным“, *баджарыл-* „быть устроенным“, „обеспеченным“, *ашал-* „быть съеденным“, *берил-* „быть отданным“, „награжденным“, и др.

4. Понудительный залог. Данная залоговая форма в отношении своих формантов представлена значительно богаче и разнообразнее. Если первые три залоговые формы сводились к 2-м типам—согласные *ш, н, л* после основ на гласный или сочетанию узкого гласного с *ш, л, н*, то форманты понудительного залога представляют 5 типов:

¹ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология, М., 1961, стр. 297.

² И. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. , СПб. 1897, стр. 29.

1) *-дыр* || *-дир* = *-дур* || *-дюр*. Залоговые формы с этим формантом образуются от основ на согласный: *ал-дыр* — „заставить взять“, „допустить“, *ач-дыр* — „заставить открыть“, *квал-дыр* — „оставить у себя“, *бит-дир* — „кончать“, *мин-дир* — „посадить“, *ёт-дюр* — „перевести“, „переправить“, *сор-дур* — „заставить спросить“ и т. д.

2) *-ар* || *-ер* || *-ыр* | *-ур* || *-ир* || *-юр*. Эти форманты чаще всего встречаются в основах на *ч*, *ш*, реже — на другие согласные; например: *квач-ыр* — „умчать“, „дать убежать“, *тюш-юр* — „опустить“, „уронить“, *биш-ир* — „сварить“, *кёч-юр* — „перевести“, *кет-ер* — „убрать“, *ич-ир* — „напоить“, *кий-ир* — „ввести“, *уч-ур* — „заставить (дать) улететь“, *кёоб-ар* — „поднимать“, „отколоть“, *кзайт-ар* — „вернуть“, *чыгь-ар* — „вывести“ и др. (В этой связи любопытно сопоставление форм *чыгарыкыды* „он сам выйдет“ с *чыггар-л-ыкыды* „он выведет“, формант *-л-* во втором случае связан, помимо залогового, со значением переходности).

3) *-т* || *-ыт* || *-ут* || *-ит* || *-ют*. Основы с этими формантами составляют небольшую группу глагольных основ с своеобразной звуковой структурой. После гласных и сонорных *л*, *р*, чаще в двух- и многосложных основах встречается формант *-т*: *аша-т* — „покормить“, *тиле-т* — „заставить, попросить“, *семир-т* — „откармливать“, *кзул-т* — „спасти“, *макыр-т* — „заставить блеять“, „мяукать“, *олтур-т* — „усадить“, *урла-т* — „допустить украсть“; немногочисленная группа основ образована на *-ыт* || *-ут* || *-ют*: *саркь-ыт* — „заставить (дать) стечь“, *кзоркь-ут* — „испугать“, *юрк-ют* — „заставить шарахнуться“ и т. д. Характерным признаком этих основ является сочетание *ркь*, *рк*, хотя в других подобных основах встречается обычно аффикс *-дыр*: *кзыркь-дыр* — „заставить (допустить) остричь“, *керк-дир* — „заставить сделать зарубку“, *бёрк-дюр* — „заставить клокотать“.

4) *-тир* || *-тур* || *-тюр*. Небольшая группа односложных основ на *л* форму понудительного залога образует с помощью указанных формантов: *кел-тир* — „заставить принести“, *ёл-тюр* — „убить“, *тол-тур* — „наполнить“, *кёл-тюр* — „поднимать“. У балкарцев и в языке части карачаевцев употребляется форма „кётюр“; для современного языка в этой основе не различаются компоненты, т. е. она неразложима. В основах этой группы значение понуждения сведено почти на нет; значение же переходности в них, в свою очередь, выражено ярко.

5) *-гъыз* || *-гъуз* || *-гиз* || *-гюз*, *-ыз* || *-уз* || *-из* || *-юз*. Основы, считающиеся с этими залоговыми формантами, составляют небольшую группу на *р*, *м*, *к*: *тур-гъуз* — „заста-

вить встать“, *кёр-гюз-* „показать“, *кийир* „ввести“, *там-ыз-* „капнуть“, *эм-из-* „дать сосать“, *агъ-ыз-* „пролить“, „капнуть“ и др.

Производная глагольная основа может включать и сочетание залоговых форм. В подобной сложной залоговой конструкции более четко появляется значение последнего залогового форманта. В карачаево-балкарском языке сложные залоговые конструкции представлены в большом разнообразии и являются продуктивным способом внутриглагольного словообразования современного литературного языка. Основные модели следующие:

1. Сочетания с аффиксом взаимно-совместного залога *-ш* || *-ыш*: *кбыс-ыл-ыш-* „прижаться друг к другу“, *ат-ыл-ыш-* „опрометью броситься наперегонки“, *бугъ-ун-уш-* „прятаться“ (многим или соревнуйся), *чаб-дыр-ыш-* „пустить галопом вскачь“; возможны сочетания с двумя аффиксами *-ш* || *-ыш*: *чаб-ыш-дыр-ыш-* с тем же значением скакать наперегонки, *арала-ш-дыр-ыл-ыш-* „смешаться“ (или соединиться) чередуясь“.

2. Сочетания с аффиксами возвратного залога: *таб-ыл-ын-* „найтись“ (через содействие), *джараш-дыр-ыл-ын-* „быть устроенным“ (через кого-либо), *анъыла-ш-ын-* „стать понятным“, *кёр-юн-юш-* „показываться, соревнуйся“.

3. Сочетания с аффиксами понудительного залога: *чаб-дыр-ыш-дыр-* „заставить бегать наперегонки“, *тюбе-т-дир-* „заставить встретиться“, „содействовать встретиться“, *ат-ыл-т-* „заставить стрелять“, *таб-дыр-ыл-* „заставить быть найденным“, „содействовать быть доставленным“, *теб-индир-* „сдвинуть с места“, *махтан-дыр-* „допустить хвастаться“, *джаз-дыр-т-* „заставить написать“, *биш-ир-т-* „заставить сварить“ и др.; основы с залоговым аффиксом *-гъыз* || *-ыз* обычно сочетаются с *-т*: *кёр-гюз-т-* „позволить посмотреть“, „заставить показать“, *агъ-ыз-т-* „дать пролиться“, „рассыпаться“.

4. Сочетания с аффиксами страдательного залога: *кёр-гюз-юл-* „быть показанным“ (кем-то), *биш-ир-ил-* „быть сваренным (кем-то)“, *джара-ш-дыр-ыл-* „быть устроенным (кем-то)“ и др.

Некоторые залоговые формы от одних и тех же основ имеют разные варианты: *кийир-киргиз-* „ввести“, *ашалт-ашалдыр-* „заставить сточить“, *атылт-атылдыр-* „выстрелить“, „быть причиной выстрела“. В литературном языке первые варианты предпочтительны.

Значение понудительного залога градируется от прямого понуждения к действию до содействия совершаемому дей-

ствию. Например: *джаз* „пиши“, *джаздыр* „вели написать“, *кийиндир* „одевай“, „помоги одеться“, *теблет* „дать позволить топтать“ (т. е. не мешать) и др. Утверждение о том, что понудительный залог выражает волю субъекта, его приказ, но субъект не является исполнителем действия, не всегда справедливо. Исполнение воли субъекта (а не выраженного основой действия) имеет место при переходных глаголах: *къаз* „копай“, *къаздыр* „заставить другого копать“, *къаздырт* „заставить другого, чтобы тот заставил третьего“, *къаздыртдыр*—приказ субъекта передается через „инстанции“ и только четвертый, отсутствующий субъект, выполняет действие, т. е. *къаз-дыр-т-дыр-дым* „я заставил другого, чтобы тот заставил следующего, чтобы тот (в свою очередь) заставил следующего копать“. Первые субъекты являются передатчиками, а не исполнителями воли субъекта—воли говорящего, и только последний, неизвестный субъект—фактический исполнитель, хотя грамматическим субъектом является только первый.

В карачаево-балкарском языке теоретически возможна группа субъектов, практически же их число ограничивается обычно четырьмя, включая и первого.

При образовании понудительного залога от непереходных глаголов основа всегда становится переходной. Однако в большинстве случаев субъект и фактический исполнитель действия один и тот же; например: *битдирди* „закончил“ (он сам, а не заставил другого); *толтурдум* „я (сам) заполнил“; *ётдюрме* „не переправляй“ (ты сам); *джандырдыла* „они (сами) зажгли“; *ёлтюрме!* „не убивай!“

В этой связи вызывает некоторое сомнение термин „вдвойне переходные глаголы“, употребляемый в отношении залоговой формы от переходных глаголов. Здесь дело представляется таким образом, что на переходность основы накладывается переходность залога и в результате якобы получается удвоенная переходность. Ведь переходность глагола обозначает переход действия, выраженного основой, на объект полностью или частично. От того, что залоговая форма переносит исполнение уже переходного действия на другой субъект, не меняется ни интенсивность самого действия, ни его направленность на объект (объект при всех случаях остается один и тот же), ни степень охвата действием объекта. Управляемая падежная форма объекта тоже не меняется: *письмо-ну окъу* „читай письмо“, *письмону окъут* „заставь читать письмо“; *письмону окъутдур* „заставь, чтобы тот заставил читать письмо“. Изменение залога не меняет падежную форму объекта „*письмону*“. Словом, пе-

реходность остается все та же, только она по смыслу залога сопровождает действие, кочуя с ним от грамматического субъекта к фактическому исполнителю.

Сложносоставные основы

Эту группу глагольных основ обычно принято делить на 2 типа: сложные глаголы и составные глаголы. Оба типа обычно представляют сочетание основного и служебного компонентов сложносоставной основы, в чем и проявляется структурное сходство этих типов. Сложные глаголы представляют сочетание основного компонента в форме деепричастия и спрягаемой формы вспомогательного глагола. Составные глаголы представляют сочетание основного компонента, выраженного знаменательным неглагольным словом, и спрягаемой формы вспомогательного глагола. Поэтому здесь следует рассмотреть компоненты сложносоставной основы.

Общим компонентом во всех случаях является вспомогательный глагол. Однако и вспомогательные глаголы, в подавляющем большинстве своем, изменяясь по спрягаемым моделям, обычно имеют в своем составе причастные и деепричастные основы. Компонентами сложносоставной основы могут быть и другие неличные формы глагола—имена действия и неопределенная форма. В конечном счете основной компонент сложносоставной основы выражается или именем, или неличной формой глагола—основами деепричастия, реже—причастия, именем действия и неопределенной формой глагола. Поэтому необходимо описание неличных форм карачаево-балкарского глагола.

ПРИЧАСТИЕ

У авторов обычно отражается взгляд на причастие, как на синтез признаков имени и глагола. Существуют термины „глагольно-именная форма“, „глагольные имена“ (И. А. Батманов, Н. П. Дыренкова, Л. Н. Харитонов и др.), „отглагольные прилагательные“ (в школьных учебниках). Н. А. Баскаков, Е. И. Убрятова, В. М. Насилов и многие другие употребляют термин „причастие“. Определяя причастие как глагольную форму, А. Н. Кононов на материале узбекского глагола говорит, что оно „по морфологическому строению совпадает с 3 л. ед. ч. *verba finita*, а в своем синтаксическом использовании выступает в качестве подлежащего, сказуемого, определения, дополнения и обстоятель-

ства, т. е. функционально совпадает с именем существительным¹. Автор, отмечая именную природу причастия, указывает на его синтаксическую функцию в предложении. Обладая глагольными признаками залога, времени, форм возможности-невозможности, глагольного отрицания, управления падежными формами имени, причастие обладает и именными признаками—склонения, притяжательной формы, формой множественного числа; основная синтаксическая функция—функция определения. Авторы тувинской грамматики отмечают следующие глагольные признаки причастия: 1) обозначение действия, протекающего во времени; 2) наличие присущих глаголу категорий—залога и вида; 3) выражение времени совершения действия (т. е. причастие в форме одного из трех времен); 4) наличие глагольного отрицания; 5) управление падежами имён; 6) причастие в роли сказуемого выступает в форме времен, обладая всеми глагольными признаками.²

В карачаево-балкарском языке причастие, как и в других тюркских языках, обладает и именными признаками—склоняется по падежам, имеет притяжательную форму, в словосочетании выступает в функции именных частей речи.

В карачаево-балкарских учебниках высказывается мнение о субстантивации причастий, о их переходе в разряд имен существительных. Действительно, субстантивация имеет место, но не каждый раз, как только причастие приобретает именную форму словоизменения—аффиксы склонения, множественного числа, притяжательные аффиксы, как об этом трактуется в учебниках. Прачаствие выражает признак не действия и не признак предмета или лица вообще, а признак предмета или лица, производящего или испытывающего действие. Признак, выражаемый причастием, всегда связан с определенной временной формой. Именно наличие неизменного временного признака в причастии обуславливает возможность его определительной характеристики субъекта действия. Субстантивация возможна через ступень адъективации, т. е. через переход в имена прилагательные. Когда причастие теряет временной признак и форму глагольного управления, сохраняя определительную функцию, оно переходит в прилагательные. Например: *баргъан суу* „текучая вода“, *бишген эт* „варёное мясо“, *чабар ат* „скаковая лошадь“, *ёлор ауруу* „смертельная болезнь“.

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 238.

² Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, стр. 297.

сыннган тепшек „разбитая тарелка“, *кзайнагган суу* „кипяток“. Эти прилагательные показывают постоянный, статический признак предмета вообще, вне времени. Употребление уточняющих обстоятельств или управление в падеже, как при соответствующих причастиях, при прилагательных невозможно. Формы *„тюнене баргган суу“* „вчера текучая вода“, *„энишге баргган суу“* „вниз текучая вода“, уже не составляет прилагательных, так как *„баргган“* здесь сохраняет форму времени и значение управления. Если причастие, потеряв форму управления и времени, переходит в прилагательные, но при этом теряет и определительную функцию, то оно переходит в имена существительные. Например: *джаугган тохтады* „дождь (снег) перестал итти“ (букв. „дождивший || снеживший перестал“). В этом случае само *„джаугган“* становится определяемым: *кзар джаугган тохтады* „выпадение снега перестало“. Многие причастия в карачаево-балкарском языке стали именами собственными или нарицательными: *Буу ёлген*, *Токъа элтген*, *Ёлмез тюбю кзабхан* „капкан“, *кзууушхан* „подхвостник“, *алма (кертме) кзатхан* (букв. „яблоко-сушень“, „груша-сушень“) „сушеные фрукты“ (яблоки, груши). Нередки имена *Туугган*, *Кзачхан* и др.

Основным в характеристике причастия являются признаки глагольные—признаки времени (по мнению некоторых ученых—и наклонения, а также вида), залога, управления, а также общая с именами функция определения, словоизменение—падежные и притяжательные формы. Следовательно, причастие представляет форму глагола, выражающую признак субъекта или объекта действия во времени. Ставить знак равенства между именами и причастиями в форме именного словоизменения не всегда возможно. Причастие в притяжательной форме не перестает выражать свою глагольную природу. Например: *Ахматны келгени* „приезд (приход) Ахмата“, *мени келгеним* „мой приход“ могут уточняться различными обстоятельствами: *Ахматны бери келгени* „приезд Ахмата сюда“, *мени инъирде келгеним* „мой приход вечером“, *джензил келгени* „его скорый приезд“, *тынч келгенинъ* „твой благополучный приезд“ и т. д. Подобных уточнений притяжательная форма имени не допускает: *Ахматны китабы* „книга Ахмата“ *мени китабым* „моя книга“, но: *„бери китабы“* „сюда (его) книга“, *„инъирде китабы“* „вечером (его) книга“—невозможны. Формы падежа и числа причастия в равной мере не нарушают его глагольной природы, только в этом случае причастие лишается определительной функции.

Следует отметить, что причастные формы карачаево-балкарского глагола, в отличие от некоторых тюркских языков, в 3 л. ед. ч., за исключением одной формы на *-ар* || *-ыр*, оформляются формантом *-ды*, превращаясь всегда в личную форму (*verba finita*): *ал-гъан-ды* „он взял“; *ал-ыучу-ду* || *-ал-ыучан-ды* „он (обычно, всегда) берет“, „он имеет обыкновение брать“; *ал-лыкъ-ды* „он (непрерывно) возьмет“. Форма же на *-ар* || *ыр* в форме причастия 3 л. ед. ч. совпадает: *ол алыр* „он (возможно) возьмет“; *алыр адам* „человек, который возьмет“.

По своим морфологическим признакам и временному значению в карачаево-балкарском языке имеются следующие формы причастий: форма на *-гъан*—причастие прошедшего времени, форма на *-ыучу*, аналитические формы на *-а* || *-е* || *-й* + *тургъан* или *-ыб* || *-б* + *тургъан*—причастия настоящего времени, форма на *-ар* || *-ыр* и *-лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ*—причастия будущего времени.

Форма на -гъан || -хан || -къан || -нъан || -ген || -кен || -нъен. Из этих вариантов карачаево-балкарская орфография отражает 5: *-гъан*, *-хан*, *-нъан*, *-ген*, *-нъен*; *-гъан*, *-хан*, *-къан*, *-нъан* встречаются в „твёрдых“ словах после слога с гласным заднего ряда; *-гъан*—после гласных и согласных *З, Л, М, Р, Ё, Ё*: *санагъан* „счи тавший“, *ашагъан* „евший“, *джазгъан* „писавший“, *алгъан* „бравший“, *баргъан* „шедший“, *къойгъан* „оставивший“, *саугъан* „доивший“; *-хан*—после согласных *б, п, с, т, ч, ш*: *чабхан* „бежавший“, *табхан* „нашедший“, *къысхан* „сжимавший“, *тутхан* „поймавший“, „державший“, *ачхан* „открывший“, *шашхан* „лишившийся ума“; *-къан* встречается только после *къ*: *тарыкъ-къан* „пожаловавшийся“, *къоркъ-къан* „боявшийся“, *акъ-къан* „тёкший“; *-нъан*—после основ на *н, нъ*: *сын-нъан* „словавшийся“, *онъ-нъан* „вылинявший“. Фонетические варианты *-генъ*, *-кен*, *-нъен* встречаются в „мягких“ основах, после слога с гласным переднего ряда; *-ген*—в соответствующих аффиксу *-гъан* условиях, *-кен*—в соответствующих аффиксам *-хан* || *-къан* условиях и после *к*, *-нъан*—после *н* и *нъ*. Примеры: *тилеген* „просивший“, *тёзген* „выдержавший“, *кюйген* „сгоревший“, „горелый“, *эткен* „сделавший“, *ичкен* „пивший“, *кескен* „резавший“ *эриккен* „скучавший“, *къбкен* „опухший“, *бишкен* „сваренный“, *сонънъен* „ослабевший“ (о боли, холоде и т. д.), *синънъен* „проникший“, „пропитавшийся“, *минънъен* „севший“ (на что-либо или кого-либо), *эн-нъен* „спустившийся“ (с горы).

Из фонетических особенностей здесь следует отметить ассимиляцию и озвончение согласных. В конце глагольных

корней „б“ обычно не встречается и перед *-хан, -кен, п, б* сливаются в „п“: *кѡп, кѡаб-ын, кѡаб-а; кеп, кеб-ин, кеб-е;* но: *кѡпхан, кепкен*. В прочих позициях перед остальными глухими (*п, с, т, ч, ш, к*) *х* и *к* в *-хан, -кен* озвончаются до средней степени озвончения и произносятся как *х²* (*кѡысхан, атхан*) и *к²* (*эриккен, кѡчкен...*).

В основах с *-нѡан* || *-нѡен* конечный *н* перед *нѡ* ассимилируется (регрессивно) в *нѡ*: *кѡон-нѡан > кѡоннѡан* „севший“ (с полета), *мин-нѡен > миннѡен* „севший“ (верхом), *тын-нѡан > тыннѡан* „успокоившийся“, *билин-нѡен > билиннѡен* „узнанный“.

Причастная форма на *-гѡан* представляет основу прошедшего времени и в позиции определения выражает значение прошедшего времени: *джазгѡан адам* „писавший человек“, *берилген ачха* „выданные деньги“, *окѡутхан устаз* „обучавший учитель“. Употребляется, как и в других тюркских языках, форма на *-гѡан* в страдательном значении без залоговых показателей: *айтхан сѡзю* „сказанное им слово“, *баргѡан джолу* „дорога, по которой он шел“ (букв. „имиденная дорога“), *окѡугѡан школум* „школа, в которой я учился“.

Во многих случаях форма на *-гѡан* употребляется со значением настоящего длительного времени. Причастие на *-гѡан* тогда обозначает признак, имевший место в недавнем прошлом и продолжающийся сейчас. Конкретный временной план уточняется наличными обстоятельством или контекстом: *Ол тепсеген джаш кимди?* „Кто такой тот танцующий парень?“ Причастие „*тепсеген*“ может обозначать и „танцующий“ (сейчас) и „танцовавший“ (только что). Такое значение формы на *-гѡан* представляет переходную ступень от четкого временного плана к стиранию его, к переходу причастия в прилагательные.

Форма на *-гѡан* иногда обозначает признак будущего действия: *Нарсанагѡа баргѡан адам джокѡмуду былайда?* „Нет ли здесь едущего в Кисловодск человека?“ Такое употребление обусловлено контекстом, ситуацией. Предположим, некоему Хамиду необходимо передать в Кисловодск что-либо. На станции у пассажиров он выясняет нужного пассажира— „*баргѡам адам*“, но фактически пассажир еще не едет, поездка еще только предстоит. Здесь употребление формы на *-гѡан* в „*баргѡан*“ слабо выражает связь с будущим; в большей степени обнаруживается ослабление временного значения и за счет этого усиление значения постоянного признака, т. е. приближение к дуративному значе-

нию. В силу этого своего значения форму на *-гъан* в карачаево-балкарском языке следовало бы называть причастием прошедше-настоящего времени.

Причастия настоящего времени

В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, нет первичных причастий со значением настоящего времени; причастия с таким значением, т. е. причастия, выражающие значение настоящего времени, представлены двумя конструкциями: 1) синтетической—на *-ыучу* и 2) аналитической, представляющей сочетание деепричастия на *-а || -е || -й* (или *-ыб || -б*) + *тургъан*.

Деепричастие на *-а || -е || -й* (реже *-ыб || -б*) + *тур-* в форме на *-гъан*: *тебсей тургъан* „танцующий“ (сейчас), *сёлеше тургъан* „говорящий“ (сейчас), *сата тургъан* „продающий“. Эта конструкция выражает настоящее время данного момента, момента речи. С тем же значением употребляется конструкция *-ыб || -б + тургъан*: *джазыб тургъан* „пишущий“ (часто); *санаб тургъан* „считающий“. В отличие от первой конструкции, в семантике *-ыб || -б- тургъан* акцентируется действие субъекта, как обычное, постоянное.

Другим значением этих конструкций с „*тургъан*“— является выражение постоянного свойства субъекта или объекта действия, свойства, приобретенного достаточно давно, которое продолжает повторяться время от времени: *джаза тургъан адам* „пишущий“, имеющий обыкновение писать“, „часто занимающийся писанием“ (человек); *тюбей тургъан тенгим* „встречаемый (часто) мною друг мой“; *келиб тургъан* „постоянно приходящий“ и др.

Другой формой причастия настоящего времени является производная форма от имени действия на *-ыу + -чу*—конструкция, представляющая вторичное причастие.

Эта форма встречается во многих тюркских языках. Сложная конструкция *-ыу + чу*, как отмечает Н. Ф. Катанов, восходит к более полной форме второго компонента *-чы -шыл -шил*: *күрасчил*— „любящий бороться“, *уйкъушыл* (карач.-балк.—*джукъучу*)— „сонливый“.¹

Авторы по-разному определяют значение этой конструкции и употребляют разные термины. Например, П. М. Мелиоранский называет ее отглагольным име-

¹ Н. Ф. Катанов. Опыт... стр. 574.

нем;¹ составители алтайской грамматики форму на *-учы* || *аачы* именуют „отглагольным именем действующего“ и считают его „просто именем“.² Н. П. Дыренкова форму на *-аачы* || *-еечи* характеризует как глагольное имя постоянного времени,³ Э. Н. Наджип формы *йаз-гучи*, *оку-гучи* „пишущий“, „писатель“, „читающий“, „читатель“ относит к разряду отглагольных существительных;⁴ А. Н. Кононов соответствующую форму на *-(у)вчи* в узбекском языке называет глагольным прилагательным.⁵ Другие авторы эту форму считают причастием настоящего времени. К их числу относится Богородицкий В. А.,⁶ авторы тувинской грамматики,⁷ В. И. Филоненко,⁸ А. Д. Жарихин и др.⁹

В именных основах продуктивный формант *-чы* обозначает профессию, место жительства, постоянные наклонности, привычки и проч. В производных отглагольных основах этот формант выражает постоянное свойство субъекта или объекта действия: *мал алыучу Хасан* „покупающий (постоянно) скот Хасан“; *джырлаулу джаш* „поющий (имеющий обыкновение петь) парень“ и пр. Многие основы в этой форме перешли в существительные и прилагательные: *сатыучу* „продавец“, *джазыучу* „писатель“, *мараучу* „меткий стрелок“, *чабыучу ат* „скаковая лошадь“.

Причастие на *-ыучу* || *-учу* имеет и описательную форму с тур: *келиб туруучу* „часто приходящий“, *джаза туруучу* „часто пишущий“, „имеющий обыкновение писать“.

Форма на *-ыучу* || *-учу* не связана конкретно ни с одним временем. Она характеризует действие, как постоянное свойство субъекта, которое сближается с настоящим временем. Вот почему ряд авторов эту форму называет причастием настоящего времени (Н. А. Караулов, А. М. Байрамуков).

¹ П. М. Мелиоранский. Грамматика казак-киргизского языка. СПб ч. 1, стр. 64.

² Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 69 (примеч.).

³ Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948, стр. 79.

⁴ Э. Н. Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 61—92.

⁵ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М., 1960, стр. 239.

⁶ В. А. Богородицкий. Введение..., стр. 173.

⁷ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. стр. 313.

⁸ В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940, стр. 313.

⁹ А. Д. Жарихин и др. Учебник по изучению карачаевского языка. Микоян-Шахар, 1941, стр. 1941, стр. 145—147.

В форме *-ыучу* || *-учу* утрачено конкретное значение времени. Причем, в отличие от других причастных форм, она образована от именной основы на *-ыу* || *-у*. Семантика *-чы* не порвала связи с общим значением этого форманта в именных основах. Эти особенности позволяют отнести *-ыучу* || *-учу* к именам (см. выше). Однако глагольная природа основы на *-ыучу* || *-учу* — форма залога, управление падежной формой имен, формы возможности-невозможности, глагольное отрицание — достаточное основание, чтобы рассматривать эту форму в качестве причастной. (Ср. у Н. К. Дмитриева форму *-макчы* || *-мекчи*, тоже на базе имени действия на *-мак* || *-мек* + *-чы* || *-чи* с семантикой „намеревающийся“, „должный“: *гелмекчи бола эди...¹*).

Причастия будущего времени

Причастия будущего времени представлены в карачаево-балкарском языке формами на *-ар* || *-ыр* и *-лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ*.

Причастие на *-ар* || *-ыр* || *-ер* || *-ир* || *-ур* || *-юр* || *-р* составляет основу будущего неопределенного времени. *-ар* || *-ыр* является наиболее общей формой в тюркских языках. *-(а)р* восходит к древнетюркской форме *-гъар* || *-гер* || *-гъыр* || *-гир* (в карачаево-балкарском + *ур* || *-юр*).

После основ на гласный встречается *-р*: *сана-р* „могущий считать“, *тиле-р*, „желающий просить“, *ойна-р* „желающий играть“, *кьору-р* „могущий защитит“, *джюрю-р* „могущий идти“. После основ на согласный обычно встречается „*р*“ с предшествующим гласным (*а, ы, е, и, у, ю*). Причем во всех тюркских языках обнаруживается нарушение губной гармонии в основах с *-ар* || *-ыр*. Подобный „произвол“ *-ар* || *-ыр* обнаруживается и в карачаево-балкарских глаголах: *тут-ар* „могущий поймать“ (после слога с „*у*“ следует широкий негубной *а*), *къоб-ар* „могущий встать“, *джюз-ер* „могущий плавать“, *тёз-ер* „могущий терпеть“ и др. Авторы „Алтайской грамматики“ заметили, что „в отношении гласной перед „*р*“ в турецком, татарском и киргизском представляется совершенное безразличие, так что в иных глаголах стоит исключительно гласная *а*, в других исключительно *ы*, без всякой разности в значении². Там

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М. Л., 1940, стр. 138—139.

² Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 68.

же отмечается, что в „азербиджанском наречии“ *-ыр* (*ат-ыр*) обозначает настоящее время, *-ар* же (*ат-ар*)—будущее время; что у киргизов и алтайцев *-ар*, *-ыр(-ур)* различаются только в 4-х глаголах: *йадар*, *турар*, *отурар*, *йурер* и соответственно—*йадыр*, *тууур*, *олтурур*...

Н. К. Дмитриев на материале кумыкского языка приводит целый список дублетных форм, т. е. одни и те же глаголы употребляются то с *-ар*, то с *-ыр*, то с *-ер*, то с *-ур*, то с *-ур* || *-юр*, то с *-ар* || *-ер*. Например, глаголы типа *алар-алыр*, *барар—барыр*: *кълал-*, *айт-*, *ят-*, *йаз-*, *сит-*, *бат-*, *ач-*, *ян*, *кълат-*, *акъыр-*, *къыччыр*, *акълтар-*, *кълдыр-*, *бас-*, *талаш-*, *мунъай-*, *салын-* и др.; глаголы типа *берер-берир*: *гел-*, *бил-*, *гёрсет-*, *эриш-*, *бич-*, *геч-*, *гес-* и др.; глаголы типа *болур—болар*, *гёрюр—горер*: *соз-*, *бур-*, *-йолуз-*, *кзоркъ-*, *кзутол-*, *сав-*, *оз-*, *ёл-*, *ёб-*, *ёт-*, *суй-*, *тёг-* и др.¹ Далее Н. К. Дмитриев замечает, что „... в карачаево-балкарском—почти то же самое, что и в кумыкском; некоторые считают, что *-ыр* || *-ур* часто встречаются после *л*, *р*.“² В карачаево-балкарском языке, за редким исключением, употребление *-ар* или *-ыр*, *-ер* или *-ур* и т. д. нормировано, и подобного, как в кумыкском, „произвола“ нет. В редких случаях встречаются дублетные формы *кзоркъ-ар—кзоркъ-ур*, *джорт-ар—джорт-ур*, *тарт-ар—тарт-ыр*, в которых предпочтительны первые варианты, т. е. *кзоркъ-ар*, *джорт-ар*, *тарт-ар*. По мнению Н. К. Дмитриева, „в этом причастии (на *-ар* || *-ыр*—И. У.)... совпали 2 формы: собственно будущего с афф. *-ар* || *-ер* и настоящего (типа англ. I take) с афф. *-ыр* || *-ур* || *-ур* || *-юр*“.³ Автор ссылается на азербайджанский, где *-ар* || *-ер* обозначает только будущее, а *-ыр* || *-ур* || *-ур* || *-юр*—только настоящее; турецкий сходен с кумыкским, т. е. все варианты *-ар* || *-ыр* свойственны так называемому настояще-будущему, что отражает их двойственную природу.⁴ А. Н. Кононов также отмечает наличие 2-х вариантов *-ар* || *-ыр*, которые имеют разные значения и происхождение. Автор ссылается на работу Ф. Е. Корша „Происхождение форм настоящего времени в западно-турецких языках“. („Древности Восточные“, III, вып. 1, 1907, стр. 12—13: *ır< -yor< yatır*; по предпо-

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка, М.—Л., 1940, стр. 98—101.

² Там же.

³ Там же, стр. 100—101.

⁴ Там же.

ложению самого автора, *-ар* || *-ер* < *-рун* || *-рун*—*болорун* „будучи“—из монгольского деепричастия).¹

По И. Г. Рамседту, в причастии будущего времени— после согласных обычно *-ур*; когда же исконная основа на *-а*, то встречается *-ар* (*сукъ-ар*—тюркск., по монг. *сукъа-* „сжимать“; в карач.-балк.—*сыкъ*); позднее произошло распространение *-ар* по аналогии...² Однако автор признает, что в этом вопросе царит неясность.

Мнение Н. Ф. Катанова— „суфф. *-ар* и *-ёр*—обязательны для корней, оканчивающихся на твердые согласные, а остальные суффиксы чаще употребляются для корней, оканчивающихся на *у—ю*, *ы—й* или *р*, *л*“³—для карачаево-балкарского языка не всегда применимо (ср.: *айт-ыр*, *кьой-ар*, *тол-ур*).

Форма на *-ар* || *-ыр* в отношении времени рассматривается многими авторами как причастие настоящее-будущего времени (составители алтайской грамматики, А. Н. Кононов); другие авторы это причастие относят к будущему или к будущему 1-му времени.⁴ А. А. Юлдашев отмечает, что „в непредикативной форме это причастие (на *-р*) само по себе не выражает никаких временных отношений“.⁵ Здесь отражается как специфика формы на *-ар* || *-ыр* в исследуемом языке, так и степень дифференциации ее семантики в отношении времени.

В карачаево-балкарском языке причастие на *-ар* || *-ыр* обозначает потенциальный признак субъекта или объекта действия, реализация которого возможна в неопределенном будущем: *Музу бир окъур адам табсанъ*. „Нашел бы ты человека, который смог бы прочесть (сейчас или в будущем) вот это“. *Кьоян тутар ит* „собака, обладающая способностью поймать зайца“ (она проявит эту способность при наличии необходимости в ней в будущем). Признак, выражаемый основой на *-ар* || *-ыр*, представляется давниш-

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 225—226.

² И. Г. Рамседт. Введение..., стр. 84.

³ Н. Ф. Катанов. Опыт..., стр. 535—536.

⁴ В. М. Насилов по материалам древнетюркских памятников форму *-ар* || *-ыр* определяет как глагольное имя, выражающее „действие в настоящем или в неопределенном безотносительном к моменту времени: *кёрюр кёзюм*... „Язык орхоно-енисейских памятников.“ М., 1960, стр. 56; в хакасском эта форма относится к настоящему времени. В. Г. Корнев. Изъявительное наклонение в хакасском яз., А. к. д., М., 1955; Н. Ф. Катанов *-ар-ыр* относит к причастиям будущего времени.—Опыт..., стр. 533.

⁵ А. А. Юлдашев. Система..., стр. 133.

ним свойством субъекта или объекта, но оно как бы по-коится, дремлет и не проявляет до предстоящего момента необходимости в нем. Когда подобное свойство теряет свою скрытность, потенциальность, оно становится постоянным, характерным признаком предмета, т. е. причастие переходит в прилагательное: *кбайнар суу* „крутой кипяток“ (вернее, горячая вода, которая вот-вот закипит); *квачар кыыз* „зрелая девушка (... которая вот-вот „выскочит“ замуж); *ёлюр ауруу* „смертельная болезнь“; *айтыр сёз* „высказываемое слово“; *келир джыл* „будущий год“.

В отрицательной форме *-маз || -мез* (*-ма || ме + р > маз || -мез; р > з*) „з“ оглушается и слышится как „с“, особенно перед определяемыми с глухого согласного: *ачылмас кирит* „неоткрываемый замок“ (который невозможно открыть,) *айырылмас тенъ* „неразлучный друг“, *кетмез бедиш* „несмываемый позор“, *кзурумас чыкъ* „неиссушима роса“. Правда, Н. К. Дмитриев отмечает, что „карачаево-балкарский язык по образованию буд. I примыкает к южнотюркской группе языков в том отношении, что имеет *-маз || -мез* (вм. *-мас || -мес*) и в том, что теряет „з“ в 1 л. ед. и мн. ч.“¹, т. е. *кетмем* вм. *кетмезме*.

Отрицательная форма *-маз || -мез* нередко употребляется в значении постоянной характеристики предмета (*кетмез бедиш*, *кзобмаз ауруу*) или имен с этими признаками: *уял-маз* „бесстыжая“, *кбанмаз* (*кваммаз*) „ненасытная“, „бесвестная“.

Сложная форма типа *бошар-бошамаз* представляет парное сочетание, вернее, повторение положительной и отрицательной форм причастия на *-ар || -ыр*. Эта форма не выступает в определительной функции. Она всегда бывает обстоятельством времени, обозначающим конец действия, вслед за которым начинается другое действие, т. е. едва только закончившееся действие к началу другого действия, но не застигающее следующее: *Хасан юге джетер-джетмез анасын сорду*. „Как только Хасан доехал домой, справился о матери“. Форма эта синтаксически обусловлена и функционально в роли определения (причастия) не выступает, т. е. не обладает определительными признаками.

Причастие на *-лыкъ || -лукъ || -лик || -люк—-рыкъ || -рукъ || -рик || -рюк— -ныкъ || -нукъ || -ник || -нюк*, как причастие будущего времени и как основа будущего категорического времени, представлено едва ли только в карачаево-балкарском языке. Форма на *-лыкъ || -лик* встречается и в других

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка, стр. 101.

языках (напр., в уйгурском, кумыкском и узбекском). В других тюркских языках карачаево-балкарскому *-лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ* соответствуют формы *-ажакъ* || *ежек* || *-айакъ* || *ейек*. Описывая форму *-ажак* || *-ежек* в кумыкском языке, Н. К. Дмитриев замечает, что „карачаево-балкарский язык данной формы будущего II совершенно не знает“.

Форма на *-лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ* представляет сочетание *-ар* || *-ыр* + *лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ*. В современном языке это сочетание в результате редукции и ассимиляции полностью не сохранилось и наличие *-ар* || *-ыр* многими авторами не замечалось. Впервые на это обратил внимание В. Прёле.¹ Наличие *-ар* || *-ыр* в этом форманте отмечают В. И. Филоненко,² А. Т. Базиев.³ Оба автора утверждают, что *-ар-ыр* выпадают перед *л*, *р*. Редукцию сложного форманта *-ар* || *-ыр* + *лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ*, свести только к выпаданию *-ар* || *-ыр* неправомерно. *-лыкъ* || *-лукъ* || *лик* || *-люк* встречаются в основах на *л* и *р*: *бар-лык* „должностующий сходить“, *бер-лик* „обязанный дать“, *сор-лукъ* „должный спросить“, *кёр-люк* „должностующий уви-ведь“, „проведать“, *ал-лыкъ* „должный получить“, „взять“, *кел-лик* „должный прибыть“, *бол-лукъ* „должный быть“, *кюл-люк* „должный смеяться“ и проч. Варианты *-рыкъ* || *-рукъ* || *-рик* || *-рюк* встречаются во всех прочих случаях, исключая исходные основы на *н*. Например: *сана-рыкъ* „должный считать“, *эте-рик* „должный сделать“, „выполнить“, *кбору-рукъ* „обязанный защищать“, „охранять“, *джюлю-рюк* „должный побить“ и т. д. На первый взгляд кажется, что этот вариант присоединяется к основам на гласный (*сана-рыкъ*, *тиеле-рик*, *кбору-рукъ*, *джюлю-рюк*) или к основам на согласные, кроме сонорных *л*, *н*, *р* с протетическим гласным: *сат-а-рыкъ*, *эт-е-рик*, *кзуру-т-ур-рукъ*, *джюлю-т-ю-рюк* и др. В ошибочности подобного мнения легко убедиться, если обратиться к соответствующим формам на *-ар* || *-ыр*: *сана-р*, *эт-ер*, *кбору-р*, *джюлю-р*, *ти-ле-р*, *сат-ар*, *кзурут-ур*, *джюлют-юр* и др. К этим основам и присоединяется *-лыкъ* || *-лукъ* || *-лик* || *-люк*: *сатар-лыкъ*, *этер-лик*, *кзурутур-лукъ* и т. д. Что присоединялся именно формант *-лыкъ*, подтверждается отрицательной формой основы на *-ар* || *-ыр*: *сат-ма-з-зыкъ*, *эт-ме-з-лик*, *кзуру-маз-лыкъ* и т. д., а также отмеченные в языке старшего поколения балкарцев формы „*сатар-лыкъ*“, „*кзурур-*

¹ W. Pröhle, Karatschaische Studien Keleti Szemle, t. X, Budapest, 1909.

² В. И. Филоненко. Указ. соч., стр. 67.

³ А. Т. Базиев. Указ. соч., стр. 70—71.

лук" и др. (в современном—*сата-р-ыкъ*, *кзуру-рукъ*). В этой позиции закономерно выпадение сонорного *л* в *рл*, и фактически в языке употребляются *-ар* || *-ыр*+*-ыкъ* || *-ик* || *-укъ* || *-юк*: *сат-ар-ыкъ*, *эт-ер-ик*, *кзурут-ур-укъ*, *джюлю-рюк*. В противном случае, если допустить, что в „лыкъ“ начальный *л* > *р*, как можно было бы объяснить необоснованное чередование *л*: *р* в *джюлю-рюк*, почему не „джюлю-люк“? Отчетливо выделяются компоненты *-ар* || *-ыр*+*лыкъ* в основах на *и*, *у*: *той-ар-ыкъ* „имеющий наестся“, *джый-ар-ыкъ* „обязанный собирать“, *тай-ар-ыкъ* „должный остановать“, *кюй-ер-ик* „должный сгореть“, *кзуу-ар-ыкъ* „обязанный погонять“, „погнаться“, *сау-ар-ыкъ* „должный доить“ и проч.

В большинстве основ с *-ныкъ* || *-нукъ* || *-ник* || *-нюк* редукция не завершена. Эта форма встречается после первичной основы на *н*, когда промежуточные элементы между *-н* и *-ныкъ* редуцируются и выпадают. Продолжает в языке дублетное употребление с сохранившимся формантом *-ар* || *-ыр* и редуцированная форма; нормативом обычно считается более полная (с *-ар* || *-ыр*) форма. Например: *кзон-ар-ыкъ* || *кзон-нукъ* „должный сесть“ (о птицах), *джууун-ур-укъ* || *джууун-нукъ* „должный купаться“, *бёлюн-юр-юк* || *бёлюн-нюк* „должный делиться“, *джон-ар-ыкъ* || *джон-нукъ* „обязанный обтесать“, *сын-ар-ыкъ* || *сын-ныкъ* „должный сломаться“, „разбиться“, *кёрюн-юр-юк* || *кёрюн-нюк* „должный показаться“. В этих формах тоже был полный вариант *-ыкъ*: *джон-ар-лыкъ*, *джан-ар-лыкъ*, *салын-ыр-лыкъ* и др. Изредка и теперь можно встретить формы „кзон-ар-лыкъ“, „кёрюн-юр-люк“, *салын-ыр-лыкъ*“. Сначала в этих основах выпал сонорный *л*: *сын-ар-(л)ыкъ*, *алын-ыр-(л)ыкъ*, *билин-ир-(л)ик*. Затем в *-ар* || *-ыр* выпал безударный (чаще узкий) слабый гласный (*сын-р-ыкъ*), а сонорный „*р*“ регрессивно ассимилировался в носовой сонорный *н* перед конечным *н*: *сын-н(<р>-ык)* > *сын-ныкъ*.

Как было отмечено, процесс этот не завершился. Формы *джоннукъ*, *кзанникъ* (из „кзан-ар-ыкъ“ „должный утолить“), *сынникъ* еще не составляют нормы, а литературный язык потребляет полные варианты *джонарыкъ*, *кзонарыкъ*, *кзанарыкъ*, *сынарыкъ*. Некоторые формы уже вошли в литературный язык в виде *-ныкъ* || *-нюк*: *кийинник* „должный одеваться“, *джуууннукъ* „должный купаться“, *джалынникъ* „должный заискивать“, *алынникъ* „должный быть взятым (или „сойти с ума“) и др.

Теоретически предполагаемая закономерность *-ныкъ* || *-нукъ* после первичных основ на „*нъ*“ в языке не встреча-

ется вообще; например, нет вариантов *сёнъ-нюк* (из *сёнъ-* „ослабеть“, „утихнуть“), *дженъник* (из *дженъ* „перетягивать“, „переспорить“); имеются только полные формы *сёнъ-ер-ик*, *дженъ-ер-ик*.

В основах на *р*, *л* + *лыкъ* || -*лукъ* || -*лик* легко допустить выпадение -*ар* || -*ыр*: *бар* (*ыр*)-*лыкъ*, *кел*-(*ыр*)-*лик*, *сал*-(*ыр*)-*лыкъ*, *бол*(*ур*)-*лукъ*, *кюл*(*юр*)-*люк*. Но, вероятно, и здесь действовала общая с вариантами -*рыкъ* || -*ныкъ* закономерность, т. е. выпал не -*ар* || -*ыр*, а „*л*“ в -*лыкъ* и гласный в -*ар* || -*ыр*; оставшийся сонорный *р* > *л*, в одном случае ассимилируясь с предшествующим *л*: *ал*-(*ыр*)-(*л*)*ык* > *ал-л-ыкъ*, в другом случае диссимилируясь перед „*р*“: *бар*-(*ы р*-(*л*)*ыкъ* > *бар-л-ыкъ* (так как сочетание *р*+*р* не встречается вообще в языке).

Следовательно, начальные согласные *л*, *р*, *н* в -*лыкъ* || -*рыкъ* || -*ныкъ* представляют рудимент -*ар* || -*ер*—причастного форманта будущего времени.

-*лыкъ* || -*ликъ* распространены во многих тюркских языках. В турецком эта форма встречается как имя действия на *маклык* || -*меклик* с „оттенком возможности, способности, а, стало быть, и усиления действия...“¹ По Г. И. Рамstedту, долженствовательное наклонение образуется в турецком при помощи -*лиг*: *гелмелисин*.² В уйгурском языке причастие на -*ар* || -*ыр* участвует в образовании прилагательных при помощи -*лыкъ* || -*лик*: *йетэрлик пул* „достаточные деньги“.³ В. И. Филоненко форму на -*лыкъ* в карачаево-балкарском языке относит к причастной форме будущего времени. Такое причастие, по мнению В. И. Филоненко, принимает значение и существительного и прилагательного,⁴ однако структурная особенность производной формы на -*ар*+*лыкъ* не выявлена четко. По материалам кумыкского и ногайского языков А. Т. Базиев замечает, что „причастие будущего времени может иметь при себе аффикс-*лыкъ* || -*лик*: *аллыкъ* „кто должен взять“, которое употребляется в значении существительного и прилагательного.“⁵ Личная форма типа „*мен аллыкъ—ман*“ с значением долженствования в плане будущего, отмеченная в этих языках А. Т. (Ба-

¹ В. А. Гордлевский. Грамматика турецкого языка, М., 1928, стр. 91.

² Г. И. Рамstedт. Введение., § 58.

³ Э. М. Наджи. Современный уйгурский язык, М., 1960, стр. 90—92.

⁴ В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1960, стр. 74.

⁵ А. Т. Базиев. Указ. соч., стр. 70—71.

зиевым,¹ не упоминается другими исследователями этих языков.

Причастиям карачаево-балкарского языка посвящена работа У. Б. Алиева.² У. Б. Алиев совершенно справедливо отмечает недостатки прежних исследований по карачаево-балкарскому глаголу, в частности толкования структуры и значения формы на *-лыкъ* А. Карауловым. Однако автор не дал убедительного объяснения происхождения некоторых причастных форм (например, автор полагает, что форма на *-гъан* соотносима с *джан*—бок, сторона³), в числе которых значительное место отводится форме на *-лыкъ*. Автор, сравнивая распространенную форму в других тюркских языках причастия на *-джак*, *-йак* с карачаево-балкарской формой на *-лыкъ*, приходит к заключению, что в других языках в этой роли использовано слово „*джак*“, а в карачаево-балкарском языке—аффикс *-лыкъ*.⁴ В заключение автор пишет: „Если учесть все это, то можно пока предположить, что аффиксы причастий прошедшего и будущего, а в кумыкском и настоящего времени образованы от двух синонимических слов *жан-жак*, *чак*. Притом, первое образует причастие прошедшего, второе—будущего времени.“⁵

Производная форма причастия на *-лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ* по своему значению идентично соответствующей форме других тюркских языков—форме на *-ажак* || *-ежек*, *-айак* || *-ейек*, форма же на *-лыкъ* в других тюркских языках выступает в именных основах или отглагольных именах с семантикой долженствования, желания, намерения, возможности или обычного признака назначения. Как известно, была и другая форма в древнетюркском—форма на *-дыкъ*. Эта форма не спрягалась: *мен йа къур-дукъ* „я навел стрелу“; *ол сют сагъ—дукъ* „он надоил молока“; *олар кир-дик* „они вошли“ и др. (примеры из словаря М. Кашгарского). Но этой неспрягаемой основе на *-дыкъ* = *-дукъ*, по мнению П. И. Кузнецова, предшествовала спрягаемая форма, так как „древнейшее значение формы на *дыкъ* было временное, она использовалась в качестве сказуемого, обозначая про-

¹ А. Т. Базиев. Указ. соч., стр. 88.

² У. Б. Алиев. Причастие карачаево-балкарского языка. — Ученые записки Кабардино-Балкарского госуниверситета, вып. 4, Нальчик, 1958, стр. 313.

³ У. Б. Алиев. Там же, стр. 313—314.

⁴ У. Б. Алиев. Указ. соч., стр. 313—314.

⁵ У. Б. Алиев. Указ. соч., стр. 314.

шедшее время¹. Автор предполагает следующий тип спряжения: *ал-дыкъ-ман, ал-дыкъ-сан, ал-дыкъ, ал-дыкъ-быз, ал-дыкъ-сыз, ал-дыкъ-лар*. Автор говорит по этому поводу, что „времени с такой основой и с такими аффиксами лица по данным современных тюркских языков нет“.² Если сравнить соответствующие формы карачаево-балкарского глагола *ал-*, то мы получим сходную картину: *ал-лыкь-ма, ал-лыкь-са, ал-лыкь-ды, ал-лыкь-быз, ал-лыкь-сыз, ал-лыкь-дыла*. Здесь вся разница сводится к различию *-лыкь-дыкъ*. Однако такое сходство возможно при карачаево-балкарских основах на сонорные *л, р*. При других основах встречаются уже другие формы аффиксов *-рыкъ, -ныкъ*, которые неизвестны как из материалов древнетюркских памятников, так и в современных языках.

Почти во всех других тюркских языках имеются неспрягаемые отглагольные или именные формы на *-дык*. Так, например, в турецком языке имеются отглагольные имена на *-дык*: *гёрмедик* „не видевший“, „не виденный“, *билдик* „знакомый“, *алдык* „взятый“ — в значении настоящего и прошедшего времени.³ О временном значении формы на *-дык* П. И. Кузнецов пишет: „Первоначально форма *-дыкъ* || *-дукь* имела, очевидно, лишь значение прошедшего времени. В дальнейшем, в связи с тем, что в тюркских языках южной группы форма настоящего времени (*-ыр*) в функции имени действия не употреблялась (или вышла из употребления), форма на *-дык* как имя действия приобрела значения прошедшего и настоящего времени (а в отдельных случаях — и будущего).“⁴

-лыкь || *-лик* в карачаево-балкарском языке является продуктивным формантом, выступающим в самых различных по характеру основах самыми различными значениями: *адам-лыкь* „мужество“ — абстрактное имя, *кёлек-лик* „материал для сорочки“, *бедиш-лик* „позорный“, *джерлы-лыкь* „бедность“, *иги-лик* „доброта“, *бешлик* „пятерка“, *инъир-лик* „вечер“, *бар-лыкь* „наличие“, *джокь-лукь* „отсутствие“ (букв. „нет“-ство“). Разумеется, здесь немислимо говорить о времени вообще. В структурном отношении, в отличие от

¹ П. И. Кузнецов. Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имени действия в тюркских языках. В книге «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика», М., 1960, стр. 54.

² П. И. Кузнецов. Там же, стр. 43.

³ В. А. Гордлевский. Грамматика турецкого языка, М., 1928, стр. 119.

П. И. Кузнецов. Указ. соч. Примечание к стр. 65.

глагольных основ, *-лыкъ* || *-лик* присоединяются к именной основе непосредственно и начальный сонорный *л* не изменяется в любых позициях. В глагольных основах, в качестве форманта причастия будущего времени, *-лыкъ* = *-лик* подвержены значительным фонетическим изменениям и имеют конкретное временное значение. Таким образом, получается два ряда аффиксов: *-лыкъ* || *-лукъ* || *-лик* || *-люк* — у имен, *-(ар) лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ* (которые в свою очередь имеют по 4 варианта) — у глаголов. Из сходства только первых вариантов невозможно отождествлять омонимичные аффиксы *-лыкъ* именной и *-лыкъ* причастный.

Из материалов карачаево-балкарского языка ясно видно, что формы причастия будущего времени на *-лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ* восходят к *-ар* || *-ер* + варианты *-лыкъ*.

Основное значение причастия будущего времени на *-лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ* заключается в обозначении признака субъекта или объекта обязательного, не вызывающего сомнения действия в будущем. В семантике этого причастия, кроме значения должностования, имеется ряд других оттенков, как желание, безусловность, конкретность, уверенность. Отдельные формы на *лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ* перешли в имена: *ашарыкъ* „пища“, *ичерик* „питье“, *киерик* „одежда“, напр.:

Табылды берлик, аллыкъ, „Нашлось, что отдать,
что получить.“

Жокъду энди бойунса саллыкъ. Нет теперь никого, кто
(К. Мечиев) впрямь мог бы в ярмо.“

Данная форма употребляется также в конструкциях добро-и зложеланий: *Ай, бёрю ашарыкъ!* „Эх, чтоб тебя волк разодрал!“ *Аъууанч бла келлик!* „Счастливого тебе возвращения!“

Причастные формы, таким образом, в карачаево-балкарском языке представлены в качестве временных основ:

прошедшего времени — формой на *-гъан*,
настоящего времени *-а* || *-е* || *-й* *-ыб* || *-б* || *-тургъан*, *-ыу-*
чу || *-йүчю*,
будущего неопределенного времени *-ар* || *-ыр*,
будущего категорического времени *-лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ*.

Все эти формы имеют глагольное отрицание, формы возможности и невозможности, формы залога. Примеры: *алгъан* „взявший“, *алдыра тургъан* „заставляющий (допускающий)

братъ“; *алыныучу* „постоянно беромый“ или „вспыльчивый“, „часто выходящий из себя“; *алышыр* „желающий померяться силами“, „имеющий желание поменяться“; *алдырлыкъ* „должный (могущий) заставить взять“; *алмагъан* „не бравший“, *алмий тургъан* „не бравший до сих пор“, *ала турмагъан* „не беруший“ (вообще), *алмаз* „не предрасположенный взять“ (в будущем вообще), *алмазлыкъ*¹ „не должный взять“ (в будущем); *алалгъан* „смогший взять || братъ“, *алала тургъан* „могший братъ“ (многократно), *алалыучу* „могущий братъ“ (постоянно), *алалыр* „имеющий возможность братъ“; *алаллыкъ* „могущий (непременно) взять“; *алалмагъан* „не смогший взять || братъ“, *алалмазлыкъ* „(совершенно) не способный взять || братъ“ и т. д.

В карачаево-балкарском языке все причастные формы могут употребляться в сравнительной частицей *-ча* (< *чанъ*). Безударная одновариантная частица *-ча* присоединяется непосредственно к форманту причастия. (Если же причастие употребляется в притяжательной форме или имеет падежную форму, то частица *-ча* присоединяется к этим формантам: *алгъанымча* „как я взял“, *келгениндеча* „как и в тот свой приезд“). При этом только форма *-ар* || *-ыр* сохраняет „причастность“, функцию именного определения; другие причастные формы с *-ча*, употребляясь с вспомогательными глаголами *эт-*, *бол-*, *кёр-* и др., имеют обстоятельственное значение и относятся не к имени, а к глаголу.

-ча придает значение сравнения, притворства, инсценировки, неуверенности, субъективной оценки. Напр., *-ар* || *-ыр* + *ча*: *джазар-ча* (адам) „способный написать“ (человек), *кесер-ча* (бичакъ) „могущий резать“ (нож), *кюлдюрюр-ча* (оюн) „способная рассмешить“ (игра), *болур-ча* (аш) „достаточная“ (пища), *юзюлмез-ча* (джыджым) „достаточно прочная“ (веревка); *джазар-ча бол* „подготовься написать“ (т. е. „будь таким, который в достаточной степени готов писать“, „может писать“); *келир-ча эт* „сделай способным приехать“, *келир-ча кёрюнеди* „он кажется желающим (намеренным) приехать“, „судя по всему, он придет“.

-гъан + *ча*: *джазгъан-ча эт* „притворись пишущим“; *ушатмагъан-ча кёрюндю* „казался не одобренным“ (как показалось); *баргъан-ча айтды* „высказался будто бы съез-

¹ Структура формы на *-ар* + *лыкъ* более четко проявляется в отрицательной форме — из соответствия р:з. В положительной форме, как показывают примеры, в карачаево-балкарском языке формат *-ар* || *-ыр* в конструкции *с-лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ* почти не встречается, а в отрицательной форме з (< р) не выпадает.

дившим“ (т. е. некронкретно: то ли он „съездивший“, то ли „несъездивший“, но похоже, что он „съездивший“).

Другие причастные формы с *-ча* менее употребительны.

С причастными формами часто употребляется другая сравнительная частица „кибик“ с „эт“: *джазган кибик эт* „пописывай слегка“; *окъуган кибик эт* „почитывай“ (не-серьезно, так себе, без усердия); *джазар кибик эт* „сделай, чтобы были возможности писать“ и т. д.

2. ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Деепричастие относится к неличным формам глагола. Выражая действие, обладая признаками глагольных категорий залога, формами глагольного управления и отрицания, деепричастие более полно отражает глагольную природу, чем другие неличные формы.

В карачаево-балкарском языке по своей морфологической структуре деепричастия делятся на первичные и вторичные,

1. **Первичные деепричастия** образуются из первичной или производной основы глагола + аффиксы *-а* || *-е* || *-й* или *-ыб* || *-уб* || *-иб* || *-юб* || *-б*.

-а || *-е* || *-й*. *-а* || *-е* присоединяются к основам на согласные: *ал-а* „беря“, *тут-а* „ловя“, *джырт-а* „разрывающая“, *бол-а* „бывая“, *бил-е* „зная“, *кел-е* „приходя“, *кюл-е* „смеясь“, *кёр-е* „видя“. Формант *-й* присоединяется к основам на гласные: *сана-й* „считая“, *къара-й* „посматривая“, *улу-й* „воя“, „завывая“, *джюрю-й* „идя“, *тиле-й* „прося“, *джокъла-й* „проверяя“, „вспоминая“, *терле-й* „потая“, *джюлю-й* „брея“.

Деепричастия на *-а* || *-е* || *-й* одни авторы называют слитными,¹ другие называют „деепричастие несовершенное“,² третьи называют „деепричастие II-ое“,³ в отличие от I-го. Однако более популярен взгляд на деепричастие в аспекте сопоставления действия деепричастия с действием основного глагола-сказуемого. С этой точки зрения карачаево-балкарское деепричастие на *-а* || *-е* || *-й* обозначает, в основном,

¹ Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 65; Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка, Абакан, 1948, стр. 81; В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников, М., 1960, стр. 46.

² П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка. СПб, 1894, стр. 54; В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940, стр. 65.

³ А. Д. Жарихин и др. Указ. соч., стр. 136—137.

добавочное действие, одновременное с действием основного глагола: *джырлай келеди* „идет, напевая“, *секире барлыкьды* „пойдет, подпрыгивая“, *ангылата окзурукьду* „прочтет, разъясняя“. Деепричастие на *-а* || *-е* || *-й* иногда обозначает предшествующее основному добавочное действие: *айта кетерикме* „веду, (предварительно) сообщив“; *бере кет* „уходи, (сперва) отдавший“ и т. д. Судить о совершенности“, „несовершенности“ деепричастия по его морфологической структуре *-а* || *-е* || *-й* или *-ыб* || *-б*, разумеется, невозможно.

Деепричастие, как определитель сказуемого,¹ содержит обстоятельственную характеристику действия основного глагола. Конкретное обстоятельственное значение деепричастия проявляется в предложении, в словосочетании, в деепричастном обороте, следовательно, оно обусловлено контекстом: *келе кьалды* „движется“, „сюда идет“ („я сам это видел“); *келе айланады* „готовится прибыть сюда“; *бери келе, Ахматах тьюбедик*. „Идя сюда (когда?—время), мы встретили Ахмата“; *сизге келе, кьарт болдум* „постарел я, приезжая к вам“ (по причине необходимости ездить к вам).

Парное употребление деепричастия указывает на многократность, длительность или обычность побочного действия: *айта-айта тур* „напоминай часто“, *келе-келе кел* „приходи, не спеша“ („так“, „между прочим“), *кёре-кёре тур-лукьма* „буду часто видеть“.

Деепричастия на *-ыб* || *-уб* || *-иб* || *-юб* || *-б* (фонетически „и“ вместо „б“) по способу образования сходны с деепричастиями на *-а* || *-е* || *-й*, т. е. образуются от тех же первичных или производных основ. К основам на гласный присоединяется „б“: *кьара-б* „посмотрев“, *сана-б* „посчитав“, *серме-б* „схватив“, *терле-б* „вспотев“; к основам на согласный присоединяется *б* с предшествующим узким гласным („...вспомогательными гласными, вставляемыми для легкости произношения. Н. Ф. Катанов. Опыт..., стр. 582): *ал-ыб* „взяв“, *сору-б* „спросив“, *кел-иб* „придя“, *тюрт-юб* „толкнув“.

Деепричастие на *-(ы)б* обычно обозначает предшествующее основному добавочное действие: *атыб кетди* „ушел, бросив“, *бериб келди* „пришел, отдав“, *окзуб айтыр* „прочитав, расскажет“. Однако четкое соотношение времени деепричастия и основного действия очерчивается контек-

¹ А. Н. Баскаков, Обороты с неличными формами глагола и придаточные предложения в турецком языке. А. к. д., М., 1958.

стом. Например: *джырлаб барадыла* „идут, распевая“, *хурлдаб джукълаучуду* „обычно он спит храпя“, *боркзулдаб къайнады* „шумя вскипела“—где действия деепричастия и глагола-сказуемого одновременны. Обстоятельственное значение деепричастия на *-(ы)б*- выражено более четко; в парном употреблении оно приобретает экспрессивно-усилительный оттенок: *тартыб-тартыб сындырды* „дернув (с силой, несколько раз), сломал“; *атыб-атыб кетдиле* „ушли, побросав“; *чабыб-чабыб джетдиле* „прибыли, прибежав“ (многие, причем каждый сам по себе); *ауруб къайытды* „вернулся (по причине болезни или заболел при возвращении)“; *учуб ётдю* „перебрался, перелетев“; *кзурутуб кийди* „высушив (сперва), одел“ и т. д.

Деепричастия первичные имеют залоговые формы, формы возможности-невозможности, отрицательную и вопросительную: *ал-дыр-а* „заставляя брат“; *ал-ыш-дыр-ыб* „обменивая“; *сал-ын-дыр-т-ыб* „заставив повиснуть“; *тёнъере-т-дир-иш-дир-иб* „заставив катать, чередуясь“ (с оттенком соревнования); *джаз-ал-а* „имея возможность писать“; *тут-ал-ыб* „имея возможность поймать“; *чыда-й-ал-ыб* „сумев выдержать“.

Деепричастия на *-а || -е || -й и -(ы)б* в отрицательной форме не различаются, т. е. имеют одну и ту же форму *-май || -мей* (<-ма || -ме+й): *бара—бармай, барыб—бармай* (а не „бармаб“, как в некоторых тюркских языках алтайской группы). Отсюда и форма невозможности: *бара—баралмай, барыб—баралмай* „не смогли идти“.

Современная форма отрицания *-май || -мей* употребляется параллельно с более полной формой *-майын || -мейин*, теперь уже менее употребительной. Эта форма отмечена Казембеком и другими исследователями тюркских языков.¹ Казембек полагает, что *-ын, -ин*—форма сокращенного творительного падежа неопределенного наклонения в сочетании с притяжательным местоимением 3 л.² В значениях и стиле употребления разницы между *-май || -мей* и *-майын || -мейин* почти нет: *джазмай—джазмайын* „не писав“, *эт-мей—этмейин* „не сделал“.

¹ Ср. Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 65; Н. Ф. Казанов. Опыт..., стр. 594; В. М. Насилов. Язык орхон-енисейских памятников. М., 1960, стр. 59.

² А. Казембек. А. К. Общая грамматика турецко-татарского языка. Изд. II, Казань, 1846, стр. 269.

Вопросительная форма: *окзуйму?* „читая ли?, *сатамы?* „продавая?“, *джетибми?* „догнав ли?“ В парном употреблении *-мы* || *-му* || *-ми* || *-мю* присоединяется один раз—ко второй основе: *келе-челеми?* „возвращаясь ли?“, *тартыб-тартыбмы?* „дергая ли?“; отрицательная форма в парных деепричастиях повторяется с каждым компонентом, *келмей-келмей*, *тартмай-тартмай*.

2. Вторичные деепричастия представлены в виде различных модификаций причастной основы на *-гъан*, осложненной неспециальными многозначными формантами.

-гъанлай || *-генлей* || *-ханлай* || *-къанлай* || *-нъанлай* || *-нъенлей* || *-кенлей* <*гъан*+*лай*; *-лай*—сравнительно-уподобительный аффикс имен; в других языках обычно *-дай* || *-дей*; напр., в ногайском *мынадай* „такой“, в карачаево-балкарском—*быллай* „такой“.

Деепричастие на *-гъанлай* || *-генлей* означает: 1) конец побочного действия и начало основного действия, между которыми минимальный интервал: *джазгъанлай алыб кел* „написавши, принеси“ (сразу); *кёргенлей айт* „увидев, (сразу) передай“; подобные конструкции соответствуют русскому придаточному времени с „как только“: *ол ауругъанлай манъа билдир* „как только он заболел, сообщи мне“. В этом значении *-гъанлай* || *-генлей* употребляется в притяжательной форме (хотя некоторые авторы не признают посессивной формы деепричастий): *баргъанлайыма* „как только я прибыл туда“ („только что прибывши туда“), *келген-лейинъе* „как только ты придешь сюда“, *айтханлайына* „как только он скажет“. Здесь *-ым*, *-ынъ*, *-ы* — притяжательные аффиксы 1, 2, 3, л. ед. ч., *-а(на)*—окончание дательного падежа. 2) Постоянное, неослабное напряжение действия, одновременного, параллельного с основным действием: *къарагъанлай бар* „иди, все время всматриваясь“; *эриннъенлей турду* „пребывал, все время ленившись“; *джарымагъанлай джашады* „прожил, не просветлев никогда“ (т. е. „безрадостно“, „в бедности“); *айтханлай джетди* „доехал, все время говоря“.

-гъанлай || *-генлей* в результате регрессивной ассимиляции слышится *-гъаллай* || *-геллей*: *баргъаллай*, *эткеллей*.

-гъанлы || *-генли* || *-ханлы* || *-къанлы* || *-нъанлы* || *-нъенли* || *-кенли* <*гъан*+*лы*; *-лы* — именной аффикс наличия: *ташлы* „каменистый“, *акъыллы* „умный“, *ачыулу* „злой“. Деепричастие с этим аффиксом обозначает предел во времени „с тех пор как“, причем в промежуток между действием деепричастия и моментом речи (наст. вр.) произошли или не состоялись события, связанные с основным

действием: *бу китаб чыкыгъанлы, мен аны кёрмегенме* „с тех пор, как появилась эта книга, я ее не видел“ (за все это время); *сен келгенли маджал болдум* „с тех пор как ты приехал, мне стало лучше“.

-гъанда || *-генде*. Часто этот формант осложняется притяжательной формой. Вторичное деепричастие в этой форме выражает связанное с процессом или результатом основного глагола действие. В подобной связи часто употребляется эту форму рассказчик: *Биз баргъаныкъда, джыйылыу бара тура эди*. „Когда мы прибыли (туда), шло собрание“. *Айтханында, бек сейир болдула* „Когда я сказал, они очень удивились“. Эта форма за редким исключением всегда осложняется притяжательными аффиксами; при этом в 1 л. мн. ч. параллельно употребляются *-ыкы* || *-ик* и *быз*: *баргъаныкъда* || *баргъаныбызда* „когда мы сходили“. Эта форма в основном связана с прошедшим временем, но возможна связь и с другими временами: *соргъанында айттырса* „когда я спрошу, ты расскажешь“.

-гъанлыкыгъа || *-генликге* || *-ханлыкыгъа* || *-къанлыкыгъа* || *-нъанлыкыгъа* || *-нъенликге* || *-кенликге* < *гъан* + *лыкы* + *къа* (*-гъа* || *-ге*)—аффикс дательного-направительного падежа. Деепричастие с этим формантом имеет уступительное значение: *тиле-генликге бермеди* „хотя просили его, он не дал“; *джаугъанлыкыгъа джылыды* „хотя и пошел снег (дождь), но тепло“; *салыннъанлыкыгъа юзюлмез* „хотя и висит, но не оборвется“. Как и форма на *-гъанлай* || *-генлей*, форма *-гъанлыкыгъа* || *-генликге* имеет посессивную форму: *айтханлыкыгъа* „хотя я и говорил“, *окъугъан-лыкыгъа* „хотя он и читал“, *келгенлигибизге* „хотя мы и пришли“, *джазгъанлыкыгъарына* „хотя они и написали“. Притяжательный аффикс и показатель множественности *-ла(р)* - *-ле(р)* ставятся после *-лыкы* || *-лик*, а падежный аффикс—в конце.

$\frac{гъынчы}{гъунчу}$ || $\frac{хынчы}{хунчу}$ || $\frac{къынчы}{къунчу}$ || $\frac{нъынчы}{нъунчу}$ || $\frac{нъинчи}{нъюнчу}$
 $\frac{гинчи}{гюнчу}$ || $\frac{кинчи}{кюнчу}$. Этот формант восходит к $\frac{гъын}{гин}$ - $\frac{къын}{кин}$...
 + $\frac{чы}{чи}$ < *ча* < *чак*.¹

¹ См. Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940, стр. 145; Турсунов А. Деепричастие в современном киргизском языке. А. к. д. М., 1955.

Это деепричастие обозначает добавочное действие, до начала которого должно завершиться или длиться основное действие: *ала бошаггынчы кетме* „не уходи, пока они не закончат“; *мен келгинчи сакъла* „жди, пока я не вернусь“; *табхынчы изле* „ищи, пока не найдешь“. Употребляется более полная форма — $\frac{\text{гъынчын}}{\text{гъунчун}}$: *сатхынчын, эннъинчин*; а у

карачаевцев — еще более полная форма: *бошаггынчыннъа* (<гъынчы + н + нъа — афф. дат. п.); *барггынчыннъа* „пока пойдет“. Отрицательная форма не употребляется.

Форма *-маздан* || *-мезден* (*-ма* || *-ме* + З < р + дан || *-ден*) употребляется в конструкциях из двух противительных сочиненных компонентов с субъектами, противительные действия которых сопровождаются или завершаются предполагаемым основным действием. Например: *мен ашамаздан, ол къоймаздан*. „Я — отказываться есть, он — заставлять“. *Сен бермезден, ол къоймаздан*. „Ты — не давать, он — не оставлять“. Здесь нет налицо основного действия, которое должно было быть логическим результатом „борьбы“ сторон. Поэтому формы *-маздан* || *-мезден* как бы употребляются вместо личных форм: *Биз айтмаздан, ала къоймаздан*. „Мы отказываться говорить, они — заставлять“, т. е. „биз айтмай турдукъ, ала къоймай турдула“ „мы отказывались говорить, они же все заставляли“. Положительная форма в этом значении не употребляется. Одинокое употребление формы *-маздан* || *-мезден* крайне редко: *Ашамаздан тана башны тауусду*. „Все отказываясь есть, телячью голову прикончил (съел)“ — пословица о напыщенном, заставляющем себя прожить, но любящем хорошо поесть человеку.

Все вторичные формы деепричастий, за исключением оговоренных, имеют залоговые формы, формы возможности-невозможности, глагольного отрицания и вопроса.

Утвердившееся у большинства авторов мнение о деепричастии, как о неизменяемой глагольной форме, не в полной мере отражает его природу в карачаево-балкарском языке. Такое мнение справедливо в отношении первичных деепричастий. Вторичные формы деепричастия, как выяснилось, часто осложняются падежными, притяжательными аффиксами и аффиксами числа.

Действие-состояние, выраженное деепричастием, само по себе не содержит идею времени; время деепричастия соотносено с временем другого, основного глагола в предикативно-личной форме. Что касается категории наклонения, то она, как нам кажется, соотносима только с личной фор-

мой глагола. Дело в том, что категория наклонения теснейшим образом связана с категорией времени и материально выражается через грамматические показатели времени или через свои собственные (в условном и желательном). Деепричастная основа не содержит в себе этих формантов. В другом случае категория наклонения без дифференцирующих грамматических показателей выявляется через сравнение с формой глагола, в которой четко проявляется идея наклонения, т. е. глагол может выступать с признаками определенного наклонения, следовательно, со значением любого наклонения. Такое варьирование для деепричастия невозможно. Функционально деепричастие обычно выражает добавочные действия, сопровождающие, предшествующие или последующие основному действию по времени. Добавочное действие-деепричастие является обстоятельством уточнением основного действия во времени, цели, в причине, в способе этого действия.

ИМЕНА ДЕЙСТВИЯ

К именам действия относятся производные формы глагола, обладающие как глагольными признаками—управления, залога, отчасти (очень редко) формами возможности-невозможности, глагольного отрицания,—так и всеми формами именного словоизменения—склонения, принадлежности и проч. В отличие от других глагольных форм, имена действия не имеют значения времени, наклонения и не выражают действия, являясь лишь названиями его. Ограниченная „глагольность“ и преобладающая номинативность обуславливают их именной характер. Многие имена действия сохранили лишь название действия, утратив другие признаки основных глагольных категорий, и окончательно перешли в разряд имен; например: *атла-м* „шаг“, *сюр-ме* „фуганок“, *эге-у* „рашпиль“, *ёл-юм* „смерть“, *тырна-къ* „ноготь || коготь“, *тырна-у* „борона“, *къарма-къ* „удочка“, *тара-къ* „гребенка“, *чёлле-у* „подсолнух“, *тире-у* „подпорка“, *джюл-гюч* „бритва“, *чырма-у* „помеха“, *къуй-макъ* „яичница“, *ой-макъ* „напёрсток“, *тйю-ме* „пуговица“, *къый-ма* „колбаса“, *джум-макъ* „ком“, *къысхач* „щипцы“, *бас-хыч* „ступеньки || лестницы“ и т. д.

Имена действия в карачаево-балкарском языке четко отграничены, с одной стороны, от причастий, с другой—от инфинитива как своим содержанием, так и своей морфологической структурой. Например, *джаз-у* „писание“, а не „писание“ и „писать“.

Имена действия выражают название процесса действия, объекта или субъекта действия, результата действия, способа или характера действия и т. д.

Имена действия по морфологической структуре (основа + формант) представлены двумя типами: *-уу* || *-уу* || *-иу* || *-юу* || *-у* и *-макълыкъ* || *-меклик*.

Основы на *-у* || *-иу* || *-уу* || *-иу* || *-юу*. В основах на гласные — *-у*; другие варианты сочетаются с основами на согласные: *ат-уу* „стрельба“ (точнее, „стреляние“), *ал-уу* „взятие“, *аша-т-уу* „кормление“, *багъ-уу* „уход“, „кормление“, *бол-уу* „бытие“, *тол-уу* „наполнение“, *джут-уу* „глотание“, „поглощение“, *кзуру-т-уу* „высушивание“, *кел-иу* „прихождение“, *кет-иу* „уход“, „отъезд“, *бил-иу* „узнавание“, „понимание“, *тин-тиу* „обследование“, *эри-т-иу* „растворение“, „расплавление“, *сюр-юу* „процесс вспашки“ или „перегон скота“, *джюлю-т-юу* „процесс бритья“ (у парикмахера), *суй-юу* „любовь“, „уважение“, „предпочтение“, *къарма-у* „щупание“, *терге-у* „подсчитывание“, *солу-у* „дыхание“, *улу-у* „вытьё“.

Основы на *-макълыкъ* || *-меклик*. В карачаево-балкарском почти нет имеющихся в других тюркских языках *-макъ* || *-мек* или узбекского *-мокъ*. Имена типа „бармакъ“ „палец“, „гулмак“ „комок“ представлены в лексике единицами и для современного языка неразложимы. Единичны глагольные образования на *-макъ* || *-мек*, часто употребляемые с экспрессивным оттенком: *ашамакъ джокъ*, *ичмек джокъ* „нет ни питья, ни еды“ („ни тебе кушанья, ни тебе питья“). Другая форма имени действия образуется сложным формантом на *-макълыкъ* (<*макъ*+*лыкъ*) || *-меклик* (*мек*+*лик*).

Имена действия с отвлеченным значением на *-макълыкъ* || *-меклик* образуются из ограниченного круга глагольных основ: *ал-макълыкъ* „взятие“, *сор-макълыкъ* „спрашивание“, *чырмалмакълыкъ* „столкновение с помехами“, *ачыуландыр-макълыкъ* „озлобление“ (кого-либо), *кел-меклик* „прибытие“, *джюрю-меклик* „хождение“, *билдир-меклик* „сообщение“, *кёрюш-дюр-меклик* „способствование встретиться“ и т. д. Имена действия на *-макълыкъ* || *-меклик* менее употребительны, чем другая форма на *-уу* || *-у*.

ИНФИНИТИВ

В карачаево-балкарском языке, в отличие от многих других тюркских языков, формой инфинитива является форма на *-ргъа* || *-рге*: *барыргъа* „сходить“, *этерге* „сделать“, *солургъа*

„отдохнуть“, *кёрюрге* „(у)видеть“. Н. К. Дмитриев, Э. В. Севортян, А. А. Юлдашев, В. Н. Хангильдин в татарском языке эту форму называют инфинитивом. Н. А. Караулов эту форму относит к особым глагольным формам, к „целевой форме, соответствующей латинскому супину“.¹ В. И. Филоненко в качестве показателя инфинитива определяет *-гъа || -ге*.² Некоторые авторы (У. Д. Алиев, Н. А. Караулов) склонны видеть в формах на *-ыу || -у*, *-макъ || -мек* параллель с инфинитивом, по аналогии с подобными формами в других тюркских языках. Действительно, например, в узбекском „в качестве инфинитива принята форма с афф. *-моқъ*, которая по существу является именем действия“;³ у кумыков 2 типа инфинитива: 1) форма на $\frac{мк}{мек}$, и 2) *-ыв || -ив || -в*;⁴ в татарском — целых три формы: *-ыу || -в*, *-макъ || -мек*, *-ргъа || -рге*.⁵ В карачаево-балкарском форма $\frac{макъ}{мек}$ как указывалось выше, почти не встречается, по мнению В. И. Филоненко, она имеется у балкарцев.⁶

В некоторых тюркских языках в значении инфинитива употребляются необычные неличные формы; например, в тувинском языке со словами „*херек*“, „*ужурлуг*“ употребляется причастие будущего времени на *-ар || -ыв*: *алыр херек* „надо взять“ (в карачаево-балк. — *алыргъа керекди*); авторы тувинской грамматики называют форму „*алыргъа*“ причастием в дательном падеже: „Хак. *аларгъа кирек* „надо взять“, алт. *аларгъа керек*, башк. *алыргъа кэрэк*; здесь неопределенной форме русского глагола соответствует причастие в дательном падеже...“⁷

Инфинитив на *-ргъа || -рге* в карач.-балк. языке, как и в татарском (впрочем, в других тюркских языках эта форма не отмечена; В. И. Филоненко считает, что эта форма име-

¹ Н. А. Караулов. Краткий очерк грамматики языка «болкар». — СМОМПК, вып. 42, Тифлкс, 1912, стр. 19.

² В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка. Фонетика и морфология. Нальчик, 1940, стр. 54.

³ А. Н. Канонов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 187.

⁴ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940, стр. 125.

⁵ Л. С. Гадельшин. Инфинитивная форма в современном татарском языке. А. к. д., Казань, 1957.

⁶ В. И. Филоненко. Указ. соч., стр. 53.

⁷ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбаха. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 308.

ется только в балкарском¹), восходит к основе причастия буд. вр. — на *ар* || *-ыр* || *-р* + афф. дательного падежа *-гъа* || *-ге*:

сана-р	} -гъа	„считать“
ал -ыр		„взять брать“
солу-р		„отдыхать“
чаб -ар		„бегать“
тол -ур		„наполняться“
тиле-р	} -ге	„(по)просить“
бил -ир		„(у)знать“
кюл-юр		„(по)смеяться“
эт -эр		„(с)делать“

Отрицательная форма — *-мазгъа* || *-мезге* (<ма+з<р+гъа): *санамазгъа* „не считать“, *тилемезге* „не просить“.

Инфинитив на *-ргъа* || *-рге* употребляется в форме возможности-невозможности и вопроса: *джаз-ал-ыргъа* „смочь писать“, *джазал-мазгъа* „не смочь написать“, *алыргъамы?* „взять ли?“, *алалмазгъамы?* „разве не смочь взять?“

Инфинитив на *-ргъа* || *-рге*, как и имя действия, не содержит в себе ни одной основной категории спряжения — категории лица и числа, наклонения и времени. Он представляет неспрягаемую особую форму глагола, при этом наиболее „консервативную“ в плане словоизменения и абстрактную по семантике. Если другие неличные формы глагола легко могут сочетаться с аффиксами словоизменения и словообразования, то инфинитив на *-ргъа* || *-рге* в этом отношении составляет как бы „окаменелость“, неизменяемую форму ни по моделям глаголов, ни по моделям имени. Однако к аффиксу *-ргъа* || *-рге* можно присоединить вопросительную частицу, аффиксы словообразования и формообразования, сравнительно-уподобительную частицу *-ча*: *барыргъача айтды* „он сказал, будто бы поедет“ (говорящий так и не уверен, поедет он или нет); обычно в этом значении более употребительна причастная форма на *-ар* || *-ыр* || *-р* + *ча*: *барырча айтды* „он дал понять, что, возможно, поедет“; *келиргеми?* „приехать ли?“

Инфинитив в карачаево-балкарском языке выступает в роли всех членов предложения. Сочетаясь с предикативным словом „*керекди*“, он образует составное сказуемое: *бакъдырыргъа керекди* „нужно лечиться“, *барыргъа керекди* „нужно сходить || съездить“; подобные обороты *-ргъа* || *-рге* + *керек* — чаще безличны, но возможно и личное употребление:

¹ В. И. Филоненко. Указ. соч., стр. 54.

барыргъа керексе „ты должен сходить“; *барыргъа керексиз* „вы должны сходить“ и др.

Форма на *-ргъа* || *-рге+ды* || *-ди* выступает в качестве именного сказуемого (что подчеркивает ее именной характер): *мени муратым окъургъады* „моя цель—учиться“—сказуемое-определение: какова моя цель?—учиться (именно такова). Подобная форма в редких случаях сочетается с лицом: *мен окъургъама* „я—учиться“. Обычно подобная форма в 1 и 2 лицах мало употребительна. В составе составного сказуемого он встречается в сочетании и с другими служебными словами: *айтыргъа башлады* „решил сказать“, *айтыргъа къойду* „позволил || допустил говорить“.

Инфинитив встраивается в роли дополнения, подлежащего, реже—определения. Например: *джазаргъа буюрду* „велел || приказал написать“, *тёлерге айтоу* „обещал уплатить“; *Ата джуртну сакъларгъа хар бирибизни борчубузду*. „Охранять Родину—долг каждого из нас“. *Чага этерге заман джетди*. „Подшло время полоть“.

Инфинитив входит в определительное сочетание в роли дополнения к следующему слову-определению: *окъургъа керекли китаб* „нужная для чтения книга“ (букв. „читать нужная книга“); *киерге джараулу кийим* „пригодная для носки одежда“; *сийларгъа чомарт адам* „щедрый на угощение человек“.

Однако основной функцией инфинитива в предложении является роль обстоятельства, примыкающего к сказуемому. Инфинитив-обстоятельство в этом случае чаще выражает цель действия: *окъургъа келгенди* „он приехал учиться“; *джууунургъа барлыкъбыз* „пойдем купаться“.

В инфинитивных предложениях типа „*кечикмей келирге*“ „явиться без опоздания“, „*оздурмазгъа!*“ „не дать обогнать себя!“ категоричность приказания смягчается до значения совета. Категоричность русского „*молчать!*“ в карачаево-балкарском языке невозможно передать инфинитивом „*шум болургъа*“. Вместо инфинитива в этих целях употребляется повелительная форма „*шум болугъуз!*“ „молчите!“ Это объясняется тем, что русское „*молчать!*“ означает безотлагательное категорическое действие, не связанное с временем, тогда как карачаево-балкарский инфинитив „*шум болургъа*“, очевидно, сохраняет связь с будущим неопределенным на *-ар* || *-ыр*, приобретая, таким образом, оттенок совета-приказания.

Так называемое зависимое употребление¹ связано с само-

¹ Л. С. Гадельшин. Инфинитивная форма в современном татарском языке. А. к. д., Казань, 1957.

стоятельностью слова, к которому примыкает инфинитив. Обычно таким словом бывает сказуемое. Чаще инфинитив сочетается с вспомогательными глаголами и словом *керек*.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Вспомогательные глаголы карачаево-балкарского языка, как и в других тюркских языках, составляют служебный спрягаемый компонент сложносоставных глаголов. В сложно-составной глагольной лексеме носителем основного значения является глагольный или именной компонент, вспомогательный компонент выполняет функцию словоизменения сложно-составной конструкции в формах основных глагольных категорий—лица, числа, наклонения, времени, а также в формах возможности-невозможности, отрицания и вопросительной. Одновременно этот компонент выполняет роль словообразовательного элемента.

Вспомогательные глаголы по своему употреблению делятся на 2 группы: служебные и функционально-служебные. Служебные глаголы представлены формами недостаточного глагола *-э—эди-, эсе-*. Авторы грамматик обычно придерживаются такой же классификации вспомогательных глаголов. Однако в некоторых случаях границы между этими группами не совсем четки. А. Д. Жарихин и др. отмечают, что вспомогательные глаголы представляют несамостоятельную группу глаголов, служащую для образования сложных глаголов от всех частей речи. К таким глаголам авторы относят *эди-, эсе.*¹ „*Эди-*, и *эсе-* прибавляются ко всем частям речи и придают им характер глагола.“² В. И. Филоненко, кроме *эди-*, сюда же относит *экен-* и *бол-*.³

Вспомогательные глаголы четко дифференцированы структурно и функционально. Дело в том, что служебные глаголы *эди-* и *эсе-* не образуют от именных частей речи глаголов. Другая форма от недостаточного глагола *э- эке(н)* в карачаево-балкарском языке представляет модальную частицу, выражающую сомнение, неуверенность, любопытство; она не выступает в функции вспомогательного компонента в сложносоставных глагольных конструкциях, не имеет формы словоизменения и употребляется только в вопросительных оборотах.

¹ А. Д. Жарихин и др. Учебник по изучению карачаевского языка. Микоян-Шахар, 1941, стр. 151—153.

² Там же, стр. 160.

³ В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940, стр. 71.

Формы от недостаточного глагола э— „эди“ и эсе—выступают всегда только в служебной функции; они всегда личны, т. е. в 1 и 2 л. сочетаются с краткими аффиксами лица, а в 3 л. имеют нулевую форму. „эди“ употребляется в форме прошедшего категорического времени (э+ди), „эсе“—в условном наклонении (э+се) без показателя времени. „эди“ встречается в сложных временных конструкциях изъявительного и желательного наклонений и в некоторых модальных конструкциях. „эди“ и „эсе“ не имеют формы возможности-невозможности, отрицания и очень редко употребляются в вопросительной форме.

Таким образом, формы недостаточного глагола э, свободно сочетаясь с основным компонентом любого происхождения сложносоставной основы, крайне ограничены в своих словоизменительных возможностях.

Функционально-служебные глаголы в личной форме могут выступать в качестве знаменательного слова—самостоятельного члена предложения, в качестве сказуемого. В служебной функции они выступают как часть, компонент сложносоставной основы, представляющий глагольную лексику. К вспомогательным глаголам этой группы относятся: ал-, айлан-, айыр-, айт-, ат-, ач-. байла-, бар-, бас-, башла-, бегит-, бер-, бил-, бол-, де-, джет-, джибер-, джый-, ий-, кел-, кет-, кёр-, кюреш-, кьал-, кьара-, кьоб-, кьой-, кьыл-, сал-, таб-, тарт-, таны-, тауус-, тебре-, тохта-, тий-, тур-, тут-, тюй-, тюш-, тюзел-, ур-, уш(йды)- чаб-, чек-, чыкь-, эт- и др. Эта многочисленная группа вспомогательных глаголов дифференцируется по ряду формально-грамматических, синтаксических и семантических свойств. В служебной функции вспомогательные глаголы по своим синтаксическим связям составляют 3 группы:

1) глаголы, сочетающиеся только с неличными формами глагола (деепричастие, причастие); сюда относятся глаголы: башла-, джибер-, ий-, кюреш-, кьара-, кьой-, тохта-, тур-; количественно эти глаголы составляют небольшую группу ($\frac{1}{6}$ часть перечисленных);

2) глаголы, сочетающиеся только с именными формами: айт-, бас-, джый-, кьоб-, таны-, тий-, тюй-, тюш-, тут-, тауус-, тарт-, ташла-, тюзел-; эта группа объединяет значительное количество глаголов и составляет меньшую половину вспомогательных глаголов;

3) глаголы, сочетающиеся как с именами, так и с глагольными формами; к ним относятся все остальные вспомогательные глаголы, составляющие около половины всей группы.

Вспомогательные глаголы обозначают различные этапы действия: 1) начало действия: *башла-*, *тебре-*, 2) приступ к действию, предварительную подготовку к нему: *айлан-*, 3) конец действия: *боша-*, *битдир-*, *джет-*, *ташла-*, *кет-*. Часть вспомогательных глаголов характеризует действие со стороны его интенсивности или ослабленности, длительности, непрерывности или мгновенности, прерывности (*ат-*, *ташла-*, *бар-*, *кел-*, *кюреш-*, *тур-*). Некоторые вспомогательные глаголы выражают различные оценки действия субъектом, например, непроизвольность, неожиданность действия, пробу действия: *ал-*, *джибер-*, *ий-*, *кет-*, *квал-*, *квой-*, *тюш-*, *кёр-*, *квара-*. Отдельные вспомогательные глаголы характеризуют действие, которое совершается в пользу субъекта (*ал-*, *бил-*, *кел-*, *чек-*) или объекта (*бер-*, *кет-*) или обозначают направленность действия по отношению к говорящему. Однако конкретное значение вспомогательного глагола в каждом отдельном случае выявляется в составе сложносоставного (описательного, аналитического) глагола.

СЛОЖНОСОСТАВНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Сложносоставные глаголы представляют собой „лексико-семантические комплексы, состоящие из лексической части + глаголообразующий элемент“, ¹ т. е. вспомогательный глагол. Грамматическая и семантическая сложность этих „комплексов“ обуславливают различие взглядов ученых на сложносоставные глаголы. Одних ученых интересовала синтаксическая природа этих глаголов, других — морфологическая структура, третьи исследовали семантику сложносоставных глаголов. Обилие подобных основ в тюркских языках отмечается всеми авторами, правда, по-разному. Например, по мнению А. Казембека „... составными глаголами наполнен не только турецкий язык и все наречия татарского, но и персидский. Главная причина этому — бедность языков“. ² Финский тюрколог Г. И. Рамстедт это же объясняет, как результат длительного исторического развития принципа словосложения в тюркских языках, в результате процесса „развития от полной независимости компонентов сложносоставного образова-

¹ А. Н. Кононов, Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 259.

² А. Казембек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Изд. II, Казань, 1846, стр. 156.

ния до низведения второго компонента к положению окончания...¹

Авторы тюркских грамматик и исследователи (В. В. Радлов, И. М. Мелиоранский, Н. Ф. Катанов, В. А. Богородицкий и др.) сложносоставные глаголы рассматривают в связи с вспомогательными глаголами, в разделе производных основ глагола, т. е. в разделе глагольного словообразования. Однако наиболее полное освещение природы этих глаголов нашло свое место в работах Н. К. Дмитриева, Н. А. Баскакова, А. Н. Кононова, Э. В. Севортыяна, В. М. Насилова, И. А. Батманова, Л. Н. Харитонова, А. А. Юлдашева, И. Е. Маманова и др.

Сложносоставные глаголы представляют тип словосложения, компоненты которого по своей семантико-функциональной природе крайне разнородны. Структурно они сходны с словосочетанием и с идиоматическими² или фразеологическими сочетаниями. Компоненты сложносоставного глагола формально сохраняют отношения подчинительной синтаксической связи сказуемого с подлежащим (согласование), дополнения (управление) или обстоятельства (примыкание) с сказуемым. Функционально компоненты этого сложного целого неравноценны: первый, семантически более полновесный компонент несет основное значение всего комплекса, второй (или вторые) элемент обычно грамматически оформляет этот комплекс, выполняя в основном 2 функции: словообразовательную (в качестве части слова) и словоизменительную. В результате такой „многоликости“ сложносоставных глаголов бывает крайне трудно установить четкие границы между ними и словосочетаниями, с одной стороны, и с идиомами,—с другой. Л. Н. Харитонов пишет по этому поводу: „Очень часто одно и то же сочетание функционально-служебного глагола с деепричастием может быть осмыслено в 2-х различных аспектах: как сочетание двух самостоятельных лексем и как составная форма глагола. При этом никаких внешних признаков для различения не существует“.³ Н. А. Баскаков отмечает ступени грамматикализации служебного глагола от самостоятельного слова до связки;⁴ такое мнение разделяет-

¹ Г. И. Рамстедт. Введение., стр. 181.

² А. А. Юлдашев. Система., стр. 56.

³ Л. Н. Харитонов. Формы глагольного вида в якутском языке. М.-Л., 1960, стр. 46.

⁴ Н. А. Баскаков. Составные глаголы в каракалпакском языке. — В сб. «Вопросы изучения языков Ср. Азии и Казахстана в свете трудов И. В. Сталина о языке». Ташкент, 1952; Каракалпакский язык, т. II, стр. 323 и далее.

ся и рядом других исследователей (например, И. Е. Мамановым).

Многие авторы рассматривают сочетание деепричастие + вспомогательный глагол в качестве видовой модификации тюркского глагола. Но и проблема вида еще не получила своего разрешения, хотя сторонников наличия вида в тюркском глаголе значительно больше, чем отрицающих его. Например, к числу усматривающих категорию вида относятся: А. К. Боровков, Н. А. Баскаков, В. М. Насилов, Л. Харитонов, А. А. Юлдашев, М. С. Михайлов, А. К. Харисов, Н. Т. Сауранбаев, Р. Н. Трегулов, К. З. Ахмеров и др. Другие авторы, напр., Б. А. Серебренников, Г. Д. Санжеев, М. Б. Балакаев, Х. Х. Махмудов, И. Уюкбаев, С. А. Аманжолов, С. К. Кенесбаев, И. П. Павлов, В. Г. Карпов и др. отрицают наличие категории вида в тюркских языках.¹ А. Н. Кононов, в отличие от взгляда, выраженного им в отношении вида в „Гр. совр. турецкого литературного языка“ (§412), в своей более поздней работе (Грамматика современного узбекского литературного языка) отрицает наличие глагольного вида в тюркских языках, как и „в большинстве индо-европейских языков...“² В. И. Филоненко также утверждает, что „в балкарском языке глаголы сами по себе не заключают в себе тех оттенков действия, как-то: совершенности, несовершенности, многократности и т. п., которые в русском языке присущи глаголам того или другого „вида“. „Видов“ нет в балкарском языке“,³ — заключает автор, хотя далее он говорит, что понятие вида передается с помощью описательных глаголов (т. е. сочетаниями с вспомогательными глаголами 2-ой группы). (Ср. аналогичное высказывание П. М. Мелиоранского: „Киргизские глаголы сами по себе не заключают в себе тех оттенков понятия совершенности, несовершенности, многократности действия и т. п., которые в русском языке присущи глаголам того или другого вида“⁴).

В отношении глагольного вида мы придерживаемся точки зрения последних.

¹ Сб. «Вопросы грамматики тюркских языков», Ташкент, 1958.

² А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 263—264.

³ В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940, стр. 73.

⁴ П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка. СПб., 1894, стр. 41.

Сложносоставные глаголы в карачаево-балкарском языке представляют, как и в других тюркских языках, сочетание знаменательного слова со служебным.¹ Во всех тех случаях, когда служебный элемент не является самостоятельным членом предложения, а знаменательный компонент не употребляется вне сочетания со служебным и не выражает значения, вытекающего из структуры сочетания, мы имеем дело с сложносоставным глаголом. „Обозначаемое понятие вытекает не из структуры компонентов в отдельности, не из суммы значения последних, а из структуры самого словосочетания, частично или полностью растворяющей семантический вес отдельных компонентов“.² Однако компоненты функционально чётко разграничены между собой. В сочетаниях глагол+глагол (деепричастие, иногда и причастие+вспомогательный глагол) выражение глагольных признаков — категорий залога, управления, значения действия — обычно выражает препозиционный элемент; служебный компонент несет в себе признаки спрягаемой части — наклонения, времени, лица, числа. Вместе с этим он содержит характеристику действия в различных аспектах — в отношении различных этапов действия (начало, конец), в отношении характера его протекания (непрерывность или мгновенность, длительность, повторяемость), в отношении оценки действия субъектом и проч. Формы отрицания, вопроса, возможности-невозможности могут употребляться как с первым, так и со вторым компонентами — в зависимости от условий контекста или ситуации.

Подобные комплексы большинством тюркологов называются сложными глаголами. (По А. Н. Кононову — составные глаголы³). В них, как указано, одни признаки глагола чётко распределены между компонентами, другие — как бы кочуют в зависимости от нужного смысла.

В сочетаниях именные формы+служебный глагол несравненно возрастает глагольная функция второго компонента. Фактически вся вербальность сосредоточена в нем. Поэтому, когда нужно выразить комплекс глагольных признаков, с препозиционным элементом сочетается 2, иногда и более служебных слов. Такие глаголы принято называть составными (по А. Н. Кононову — сложные глаголы⁴).

¹ Н. А. Баскаков. Примечание 168. Г. И. Рамstedт. Введение..

² А. А. Юлдашев. Система.., стр. 55.

³ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 263.

⁴ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 259.

Таким образом, сложносоставной глагол—цельный, семантически чаще нечленимый комплекс, равный одному слову, выражающему действие в формах основных глагольных категорий. Составляющие подобного комплекса (фонетически самостоятельные лексемы) не самостоятельны и не равны членам предложения, что чётко отличает их от свободных сочетаний. Исторически эти слова образовались из взаимообусловленных самостоятельных слов, которые в результате частого и длительного совместного употребления слились в единый лексико-грамматический комплекс. В целом это сочетание двух самостоятельных слов (полнозначное слово+служебное слово) по значению представляет одну лексическую единицу—составную форму глагола.¹ Нередки случаи, когда именной компонент окончательно потерял свою самостоятельность и не употребляется вне сочетания со служебным глаголом.

Сложные и составные глаголы

Данный раздел затрагивает ряд проблем, которые, как известно, не нашли пока еще своего окончательного разрешения в науке. Таковы связанные с сложносоставными глаголами проблемы вида, критерии разграничения словосочетаний, идиоматических и фразеологических сочетаний, с одной стороны, и сложносоставных глаголов, с другой, каждая из которых представляет особую тему для исследования. Справедливо отмечает С. Н. Муратов, что „исследователи не проводили ясной и четкой грани между сложным словом и лексикализованным словосочетанием, между сложным словом и грамматикализованным (по форме и функции) словосочетанием, между сложным словом и фразеологической единицей. Поэтому вопросы группировки и определения отдельных типов устойчивых словосочетаний не получили удовлетворительного решения.“² Здесь мы ограничиваемся описанием наиболее распространенных и продуктивных моделей аналитических глагольных конструкций карачаево-балкарского языка, которые имеют непосредственное отношение к спряжению и которые для удобства мы именуем „сложносоставными основами.“

¹ Л. Н. Харитонов. Формы глагольного вида в якутском языке М.-Л., 1960, стр. 45.

² С. Н. Муратов. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961, стр. 22.

Словоизменение и формообразование сложносоставных конструкций связаны со структурой аналитической основы. В сложносоставных основах с основным смысловым именным компонентом формообразование и словоизменение сосредоточены в служебном компоненте—в вспомогательном глаголе. Именной компонент может выступать в форме основно-го или пространственного падежа, а также посессива. В этих конструкциях падежная форма именного компонента не отражает сущности синтаксической связи подобно той, которая имеет место в словосочетании. Согласование вспомогательного глагола в лице и числе возможно в тех случаях, когда служебный компонент состоит в непосредственной синтаксической связи с субъектом или когда сохранились между компонентами исторически сложившиеся отношения субъекта и предиката. В прочих случаях словоизменение имеет форму 3 л. ед. ч.

В сложносоставных основах с основным смысловым глагольным компонентом (неличные формы глагола) словоизменение, наряду с признаками наклонения и времени, связано также только с вспомогательным глаголом; формы отрицания, возможности, невозможности и вопросительная—в зависимости от смысла с одним или с обоими компонентами.

бол- „быть“, „стать“, „делаться“, „становиться“—сочетается с именами, мимемами и с неличными формами глагола. *бол-* с деепричастиями на *-а* || *-е* || *-й* и *-ыб* || *-б* образует сложные глаголы, выражающие действие, постоянное или результативное, соотношенное с другим действием в плане одновременности или результативности к его началу; примеры: *келе болгганды* „он (в то время) шел || ехал сюда“ (букв. „он сюда идучи был“); *джашауну кыйылыгы аны таймагганлай мараб, сюрюб болгганды* (МПА). „Жизненные невзгоды постоянно преследовали его“ (букв. „трудности жизни его неотступно подстерегая, преследуя пребывали“). *Къанаматны кёрюб болмайды*. (Х. Аппаев). „Он ненавидит Канамата“. *Ол заманда ол ауруб болгганды*. „В то время он болел.“ *Атасы ёле тебрегенинде, Хасан уугъа кетиб болгганды*. (МПА). „Когда его отец умирал, Хасан был на охоте“ (... „ушедши на охоту был“).

Приведённые В. И. Филоненко примеры по балкарскому языку „*ичиб болдум*“ „я напился до отказа“ и др. редко употребительны, а другой пример „*кёре болур*“—модальная форма со значением „он, возможно, видит.“¹

¹ В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка. Нальчик. 1940, стр. 74.

В карачаево-балкарском языке распространена форма *-ргъа* || *-рге* + *бол*, обозначающая захватывающее субъекта действие, одновременное с другим действием и помешавшее последнему (ср. в башкирском — решение¹): *ойнаргъа бол-заигратъся* „уйти с головой в игру;“ *тыксыргъа болдунъ да...* „ты так (беспрестанно) жаловался, что...“; *санаргъа болдукъ да* „мы (так) увлеклись подсчётом, что...“

В ногайском *-аякъ* || *-еек* + *бол* — *бараякъ болады* — обозначает предполагаемое, возможно, принятое, но не реализованное решение.² В карачаево-балкарском соответственно употребляются конструкции *-ргъа* || *-рге* + *тебрейди*, *-ргъа* || *рге* + *керек болады* (реже *„тюшеди“*); *барыргъа тебрейди* „решает отправляться“, *кетерге керек болады* „появляется необходимость уезжать.“

Отрицательная форма *-мазгъа* || *-мезве* + *бол* обозначает упорное сопротивление субъекта: *айтмазгъа болдунъ да...* „Ты так (упорно) отказывался говорить, что...“; *унамазгъа болгъанды да*, *киши джужъ эталмайды* „он так упорно не соглашается, что никто ничего не может поделаться.“

Конструкция *-арлай* || *-ырлай* + *бол* обозначает состояние субъекта, его подготовленность или потенциальную возможность к совершению действия или его несостоятельность: *терек ауарлай болду* „дерево стало таким, что его можно свалить“ (или:... „которое само свалится“); *аууш ауарлай болгъанды* „перевал стал проходимым;“ *къб турмай сабий джюрюрлей боллукъду* „скоро ребёнок начнет ходить“ („...станет ходячим“, „...станет таким, который будет располагать возможностью ходить“); отрицательная форма — *-мазлай* || *-мезлей*: *айтмазлай болду* „он стал таким, что не скажет;“ „он стал таким, который не имеет возможности сказать“. Синонимом этой конструкции является *-ар* || *-ыр* + *ча* + *бол* —: *ауарча болду* „стал таким, что упадет;“ *айтмазча болду* „стал таким, который не скажет.“

бол сочетается и с причастными формами от некоторых глаголов действия и состояния; подобные сложносоставные основы часто выражают модальные оттенки умозаключения, вывода, предложения, притворства, инсценировки: *ауругъансызлагъан болду* „он представился больным“; *эшитмеген*, *билмеген болдукъ* „мы притворились ничего не слышавшими, ничего не знавшими“; (ср. *„эшитмегенча, билмегенча этдик“* „сделали вид, будто мы ничего не слышали, ничего

¹ А. А. Юлдашев. Система., стр. 170.

² М. К. Милых. Глагол ногайского языка. — Труды Черкесского НИИ, вып. II, 1954, стр. 155.

не видали"); *сора сен бери келлик болганса* „ты (оказывается) должен был приехать сюда“.

В сложносоставных основах с глагольными компонентами реже других употребляются формы возможности и невозможности; форма возможности, за редким исключением, употребляется с одним из компонентов, т. е. один раз в сложносоставной основе: *джеталырлай болду* || *джетерлей болалды* „стал таким, которого можно догнать“; *чыдаб болаласа* „ты выдерживаешь“, „ты можешь выдержать.“ Форма невозможности употребляется более свободно, иногда сочетаясь с обоими компонентами: *кёрюб болалмайды* „он ненавидит“, „он терпеть не может“; *тауусуб болалмайса* „невозможно закончить“; *ашаялмай болмайса (ашаялмай болалмайса)* „невозможно не есть (всякому)“, „невозможно не смочь есть“.

Формы возможности и невозможности, свободно сочетающиеся с глагольными основами при их самостоятельном употреблении, ограничены в своем употреблении при тех же основах, когда они являються компонентами аналитической конструкции. Эта особенность становится, таким образом, одним из признаков сложносоставной глагольной основы.

Отрицательная форма одного из компонентов сложносоставной основы зависит от нужного смысла: *аумазлай бол-* „стать таким, который не упадет“; *ауарлай болма* „не стать таким, который упадет“; повторение отрицания обозначает положительное, более усиленное действие: *бармай болма-* „нельзя не ехать“ („нужно ехать“); *кычырмай болмады* „нельзя было не кричать“ (т. е. была необходимость кричать). Многие основы употребительны только в отрицательной форме: *бермей болмайбыз* „не можем не отдать“ (нельзя: „*бериб бол-*“, „*бермей бол-*“, „*бере болма*“).

Именные формы +*бол-* составляют составные глаголы с семантикой „быть“, „стать“, „делаться“, „становиться кем, чем-либо“, „тем-то таким || такой“. Именной компонент выражается именами существительными, прилагательными, числительными, местоимениями, наречиями, послелогоми и звуко-образоподражательными словами. Именной компонент чаще всего бывает в форме основного падежа, реже в форме косвенных падежей. В этом случае составной глагол выражает различные значения, вытекаемые из структуры сочетания. Именной компонент иногда употребляется только в притяжательной форме: *арты болду* „вывелся“, „не стало его“. Некоторые формы, наоборот, никогда не употребляются в possessивной форме: *ассы болма-* „не богохульствовать“: *ра-*

зы бол- „согласиться“, „быть довольным“; сакъ бол- „быть осторожным“, „предостерегаться“, ырыс болады „нельзя делать“ (по поверию).

Все глагольные признаки связаны со служебным компонентом. Вопросительная форма зависит от оттенка желаемого значения: уста боллукъду „станет мастером“; устамы боллукъду? „разве мастером станет?“ уста боллукъмуду? „станет ли мастером?“

Примеры с именами существительными: зыраф бол- „испортиться“, „пропасть зря, без пользы“; ол адет болгъанды „то было адатом“; хур бол- (архаизм) „стать свободным“, „стать вольным“; ачыу болады „бывает обидно“; уста бол- „научиться“, „стать мастером“; айыб болмаз „не будет стыдно“; кюлтюм болуб „сделавшись синяком“, кзууугъун болду „сообщили нарочным“; гузаба бол- „засуетиться“; адам бол- „быть человеком“; мараучу болгъанды „был стрелком“; с именами прилагательными: хомух болма- „не растеряться“, „не лениться“; кюлкюлюк бол- „стать посмешищем“; сакъ бол- „быть осторожным“; халкъ бек къаранъы болгъанды „народ был очень темный“; мыдах боллукъду „расстроится“, „обидится“; къоркъуусуз болду „стало безопасным“; сер болду „впал в детство“, „сильно постарел“; сау болду „выздоровел“; насыблы болду „стал счастливым“.

Сочетания бол- с другими частями речи: кеч болду „стало поздно“, ким болгъанды ол, алай сёлеширча? „кто он такой, чтобы так говорить?“; бирге болайыкъ „станем вместе“; бир болайыкъ „объединимся“; харх болдула „захотели“; шум болуб „воцарив тишину“.

Некоторые именные формы, употребляемые в современном языке в роли послелогов, с бол сочетаются в форме косвенных падежей: сёзге (дат. п.) болдула „занялись разговором“; юсюне болдула „усиленно стали ухаживать за ним“; ызындан (исх. п.) болдула „неотступно следовали за ним“.

С бол- сочетаются парные и повторные именные формы и мимемы: джопбу-джопбу болдула „стали кучками“; къурман-садагъа бол- „выказать уважение“, „горячо обласкать“; суу-салам бол- „сильно похудеть“; мау-шау бол- „громко заплакать“; аралары ггыр-мыр болду „поссорились между собой“; болгъан тарх-турх болду „кругом захлопали выстрелы“; тинт-минт бол- „растеряться“, „выдать себя“. бол- сочетается и с словосочетаниями: уллу кёллю болма „не будь самонадеянным“; темир бетли болду „посерел“ (букв. „стал цвета железа“).

В современном языке некоторые имена не употребляются в сочетании с *бол-* (или *эт-*): *сер бол-* „внать в детство“; *думп болду* „исчез“; *арсар бол-* „поколебаться“, „проявить нерешительность“, *кѡбыл бол-* „согласиться“; *динѡиз бол-* „чрезмерно распухнуть“; *армау бол-* „сильно растеряться“, „лишиться сообразительности“; *асыу бол-* „содействовать“, „помочь“.

бол- в форме повелительного наклонения входит в состав трафаретных приветствий: *джол болсун!* „доброе пути!“; *сау бол!* „спасибо“, „будь здоров“; *джууукѡ бол!* „добро пожаловать!“; *кече ахшы болсун!* „доброй ночи!“; *танѡ ашхы болсун!* „доброе утро!“; *кюнюнѡ ашхы болсун!* „добрый день (твой)!“; *кѡб болсун!* „да умножится твой скот!“ (обычно при встрече с пастухом с отарой овец или скотом).¹

эт- Вспомогательный глагол *эт-* по своей продуктивности превосходит *бол-*, не уступает ему и по своей употребительности в языке. Однако некоторые особенности отличают его от *бол-*: 1) *эт-* не сочетается с деепричастиями; 2) сложно-составные основы с *бол-* в большинстве своем непереходные или косвенно переходные глаголы, тогда как составные глаголы с *эт-* всегда непереходны.

эт- „делать“, „сделать“, „образовать“ сочетается со всеми именными формами, за исключением местоимений, которые почти не выступают в качестве компонента сложно-составной основы. Именной компонент составного глагола с *эт-* крайне редко бывает в притяжательной форме или в форме косвенных падежей. Примеры: *сагѡыш эт-* „подумать“, „задуматься“; *оноу эт-* „руководить“, „распорядиться“; *гурушха эт-* „обидеться“; *айыб этме-* „простить“, „не обижаться“; *гыскынык эт-* „переживать“, „стараться содействовать“; *гузаба эт-* „засуетиться“, „поторопиться“; *оруца эт-* „разнимать“ (дерущихся); *шагѡатлыкѡ эт-* „давать показания“, „засвидетельствовать“; *джууаб эт-* „дать ответ“, „отвечать“; *кѡууанч эт-* „праздновать“, „пировать“; *ыргѡаджик эт-* „ставить подножку“; *таууш эт-* „крикнуть || окликнуть“; *сауутлыкѡ этерикди* „послужит оружием“; *тас (думп) этдиле* „уничтожили“, „сжили“; *дыгалас этмегей эди* „как бы он не страдал (переживал)“; *хыликге этгендиле* „они надсмехались“; *алчылыкѡ эт-* „вести“, „стать вожаком“; *намыс эт-* „уважать“, „выказывать уважение“; *кѡл эт-* „под-

¹ Подобные трафаретные приветствия в тюркских языках С. Н. Муратовым определены как устойчивые речевые фразеологические формулы (фразеологические штампы) — Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961, стр. 120—129.

держать“ (духовно); *къарыу эт-* „помочь“, „обеспечить“, „содействовать“; *отун эт-* „заготовить дрова“; *сау эт-* „вылечить“; *джашау эт-* „зажить“; *чырмау эт-* „помешать“; *асыу эт-* „оказать содействие, помощь“; *бир мадар эт-* „помочь каким-либо способом“; *накъырда эт-* „пошутить“; *тил эт-* „донести на кого-либо“; *тигим эт-* „угостить“, „подать кусок“ (младшему из своей трапезы); *артыкълыкъ эт-* „совершить насилие“; *мурукгу эт-* „промешкать“, „задержаться“; *хатер эт-* „просить“, „пожалеть“; *упба эт-* „поцеловать“; *чага эт-* „полоть“; *дауур этме-* „не шуметь“; *табу эте-* „радуясь“, „с радостью“; *джанындан эт-* „надоедать“; *иги джора эт-* „пожелать добра“; *къынкъ этдирмей-* „не дав и пикнуть“; *къым-тым эт-* „заикнуться о чём-либо“; *дыб этмей-* „не говоря ни слова“; *амма-джукга эте* „прыгая на одной ножке“; *тютюн-тютюн эте-* „дымясь“; *тюрт-мюрт эте-* „копаясь“, „копошась“; *кюн аман эт-* „испортиться“ (о погоде).

Имя действия, сочетаясь с *эт-*, составляет устойчивые сочетания, в состав которых включается частица *не*; например: *ой-хой-хой, не барыу этеди!* „Эх, как идет!“ (о предмете с большой скоростью); *не тебсеу этдинъ* „ну и (здорово) танцевал же ты“. С *эт-* свободно сочетаются многие заимствования из русского типа „приказ“, „атака“, „совещание“, „бунт“ и инфинитив: *регистировать эт, скрещивать эт-, штамповать эт-*. Некоторые арабо-персидские элементы с *эт-* типа „*мюкюл эт-*“ — „заставить сознаться“, *дау эт-* „предъявить иск“ — становятся архаизирующей частью лексики.

Составная форма *-гъан+эт-* специфичная для карачаево-балкарского языка, имеет модальный оттенок усиления: *аша-гъан эт-* „скушай“ (пожалуйста); *ауругъан этгенди* „заболел (ведь) он“; *джазгъан этгенсе* „ты написал“ (как выяснилось); *тилеген этерикди* „он (непрерменно) попросит“.

Глагол *къыл-*, широко распространенный в других тюркских языках со значением „делать“, „совершать“, „творить“, в карачаево-балкарском языке почти не употребляется ни в знаменательной, ни в служебной роли. Сфера его распространения ограничивается едва ли не единственным сочетанием *намаз къылыргъа* „совершать намаз“, „молебен“.

тур-. Вспомогательный глагол *тур-* сочетается только с неличными формами глагола — первичными и вторичными деепричастиями и инфинитивом на *-ргъа* || *-рге*.

В отличие от других тюркских языков¹ кыпчакской груп-

¹ Ср. тувинский язык, где в качестве основных вспомогательных глаголов вступают *тур-*, *чор(у)-*, *чыт-*, *олтур-* — Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961. стр. 480.

ны, в карачаево-балкарском языке *олтур-* „сидеть“ (в других тюркских — *отур* || *отыр*), *джат-* „лежать“, *джюр-* „ходить“, „идти“ не выступают в служебной функции, в особенности *джат-*. В служебной роли в основном выступает только *тур-*. *олтур-* в редких случаях может выступать в служебной роли в сочетаниях на *-ыб* || *-б*: *джылаб олтурады* „он || она плачет“ (теперь, сейчас, в последнее время). Закономерные, например, для киргизского или казахского *джазып жатат* || *отурат* в карачаево-балкарском невозможны. „*джюр* || *джюрюгюз*“ в карачаево-балкарском являются побудительной частицей: *джюр, джууунайыкъ* „давай(те-ка) искупаемся“. *джюр-* восходит к глаголу *джюрю-* „шагать“, „двигаться“.

Сложные глаголы *-а/-е/-й+тур-* обозначают длительное, многократное или постоянное действие, одновременное с моментом речи. Например, смысл „*джаза турады*“ в зависимости от контекста или обстановки понимается двояко: 1) „он пишет „сейчас“ (в данный момент) — длительное незаконченное действие, начатое до момента речи; 2) „он пишет“ (вообще), „пишет время от времени“ — действие, многократно повторяющееся вплоть до данного момента, которое, однако, не совпадает с моментом речи. Многократность более чётко выступает при повторении деепричастий: *джаза-джаза турду* „часто писал“ (до недавнего прошлого); *бизге келе-келе турады* „он часто приходит (заходит) к нам“; *кёре-кёре турлукъбуз* „мы часто будем видеться“; *тура-тура туругъуз* „подождите“, „побывайте“ (еще некоторое время).

Идея управления и залоговые формы выражаются деепричастием, отрицание по смыслу может отнестись к обоим компонентам или к одному из них: *айта турама* „часто говорю“; *айтмай турама* „пока еще я не говорю“; *айтмай турмайма* „нельзя сказать, что я не говорю“ („время от времени говорю вообще“); *айта турмайма* „не говорю“ (вообще).

-б || *-ыб* || *-уб* || *-иб* || *-юб* (фонетически *п*) + *тур-* обозначает многократное длительное или постоянное действие или результат прошлого действия, перешедший в состояние: *Къалай тэзюб тураса?* (Х. Аппаев). „Как ты миришься с этим — так долго?“ *Емюрден бери былайда туруб турады*. „Всю жизнь (постоянно) он живет здесь“. *Алтын къамалыдан бир гыл юзерге хазырболуб турады*. (Х. Аппаев). „У того с золотым кинжалом (этот) готовится (...пребывает в готовности) урвать что-нибудь.“ *Ислам Москвада окъуб турады*. „Ислам учится в Москве.“ *Къарасам, кетиб турады*.“

„Смотрю, оказывается, он уехал.“ *Сатыб турады* „он уже продал“ (оказывается); *сатыб турур* „будет продавать“; *ол-туруб турду* „просидел“ (некоторое время); *ауруб турама* „я болен (болею)“ (Ср.: *ауруй турама*- „время от времени болею“ или „и сейчас болею“ — процесс продолжается; *ауруб турама*- „заболел я“, („пребываю в этом состоянии и сейчас“).

Форма *-гзанлай* || *-генлей*+*тур*- обозначает длительное, или повторяющееся действие, неослабно проявляемое субъектом: *Мухаммат-Амин хаман сени соргзанлай турады*. (Х. Аппаев). „Мухаммат-Амин постоянно (всё время) спрашивает тебя“. *Аллынъа къарагзанлай турлукъбуз*. „Постоянно будем ждать твоего приезда“. *Джырлаганлай турады* „постоянно поёт“; *кюн бла кечени джукълаганлай турду* „день и ночь (непрерывно) проспал“ (из сказок). *Чабханлай турма* „не бегай всё время“.

Форма на *-ргъа* || *-рге*+*тур* выражает состояние готовности субъекта к действию, заключенному в инфинитиве, или переход действия в другое состояние: *багъана ауаргъа турады* „столб вот-вот упадет“; *къая оюлургъа турады* „скала вот-вот обрушится“; *учаргъа турады* „вот-вот полетит“; *айтыргъа (деб) турама* „неприменно скажу“ („решился, но жду случая“).

Широко распространена конструкция *деб*+*тур*-, в семантике которой содержится ряд модальных оттенков, как решение, намерение, умозаключение субъекта или готовность к реализации действия, выраженного основным компонентом сочетания. *Деб*+*тур*- предшествует или инфинитив на *-ргъа* || *-рге*, или личная форма глагола: *джазаргъа деб турабыз* „мы решили (намереваемся) написать“; *келебиз деб турабыз* „мы намерены приехать“; *къабыргъа ауама деб турады* „стена вот-вот упадет“ (букв. „стена вот-вот падаю“, „говоря находится“); *барыб бир айтайым деб турама* „я решил пойти и рассказать“ (букв. „пойду-ка и скажу, говоря, нахожусь“).

кел- „прийти“, „приехать“, „прибыть“ — глагол движения, показывает направление движения действия во времени и в пространстве из далекого к близкому в отношении места и времени говорящего. *-а* || *-е* || *-й* или *-ыб* || *-б*+*кел*- обозначает начало, „продолжение и развитие действия“.¹ Конструкции с *кел*-, в отличие от *тур*-, выражают действие длительное или многократное, которое длилось до определенного момента: *джаза келди* „писал“ (до определенного мо-

¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. II стр. 382.

мента; действие не закончено—по разным причинам субъект-писец прервал своё писание); *джазыб келди*—то же. Разница в семантике между этими конструкциями заключается в следующем: *джаза келди*—действие, ослабляясь, продолжалось и затем прекратилось; *джазыб келди*—действие протекало равномерно, затем внезапно прекратилось—субъект прервал свое действие по неизвестным для говорящего причинам. *Джазгъанлай келди* „писал непрерывно“ (но опять до определенного момента, затем по какой-то причине действие прервалось: то ли субъект столкнулся с препятствием, то ли движение достигло намеченного пункта во времени или пространстве). *Джаш тёлю ёсуб, джетиб келеди* „молодежь вырастает и развивается“; *кюн сайын джанъыдан джанъысы чыгъа келеди* „с каждым днем появляется все новое и новое“; *нартых чыгъа келеди* „кукуруза начинает появляться“ (о всходах); *ол адет атадан балагъа кёче келеди* „эта традиция идет, переходя от поколения к поколению“. В этом значении особенно часто употребляются сложные глаголы, обозначающие явления природы: *тубан басыб келеди* „начинает окутывать туман“; *кеч болуб келеди* „наступает вечер“; *тань атыб келеди* „начинает рассветать“; *къыш тюшуб келеди* „наступает зима“.

В некоторых случаях бывает крайне трудно отличить вспомогательный глагол *кел-* от самостоятельного глагола движения *кел-*. Например, *ауруб келеди* „выражает следующие значения: „заболев, едет“ (к нам); „болеет и едет“; „всю дорогу (или все время) болеет.“ Только в последнем примере выступает в служебном значении *кел-*, так как он там представляет конструктивный элемент сложного целого. Во всех прочих примерах *кел-*, выражая самостоятельное действие-движение, не является вспомогательным глаголом.

В карачаево-балкарском нет стяженных форм типа ногайского *акел,- апкел-* или казахского *апкет*¹.

Сочетания *кел-* с именными формами представляют различные падежные формы, сохранившие следы управления: *къолундан келеди* „он может“; *кёлуме келеди* „я думаю“, „мне думается“; *эсине келди* „он припомнил“ (вдруг); *джылары(гъы) келди* „чуть не заплакал“ *джукъусу келди* „его клонило ко сну“; *къусары келди* „его тошнило“; *къанымдан келди* „он измучил меня“. Во всех случаях (кроме последнего) именные компоненты изменяются в притяжательной форме, *кел-* употребляется только в форме 3 л. ед. ч. Фор-

¹ П. М. Мелноранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка. СПб., 1894, стр. 62—63.

ма 3 л. ед. ч. объясняется согласованием *кел-* с именным компонентом, отражающим исторические отношения между субъектом и предикатом. При этом при разных лицах поссессива именной компонент сам представляет только 3 л.: *кълум* „моя рука“—она, *кълунъ* „твоя рука“—она, *кълу* „его рука“—она, *кълубуз* „наша рука“—она и т. д.

Многие сочетания с именным компонентом в форме странственных падежей являются фразеологическими единицами.¹ Подобные устойчивые сочетания интересны здесь с точки зрения словоизменения их компонентов, их словоизменительных моделей. (Более подробно см. ниже). В этих конструкциях отношения между компонентами сохранили следы синтаксической связи управления. Служебный компонент (глагол) обычно имеет форму 3 л. ед. ч. Однако субъекта в этой форме не бывает. Например, *кълумдан келеди* „от руки моей идет“, т. е. „рука моя может сделать, выполнять то-то“, хотя речь идет вообще о моих возможностях, имеющих только некоторое отношение к моей руке. То что „идет от руки моей“, — неизвестный грамматический субъект. Здесь важно то, что „рука моя может“, т. е. „что я смогу“. *Эсине келди*—„его памяти пришло“—опять неизвестно, что „пришло“. Форма „*кълусары(гъы)*“ „приступ тошноты“, *джукълусу* „сон его“ и др. + *келди* сохранили следы синтаксической связи подлежащего и сказуемого.²

Спряжение:

ед. ч.

<i>мени кълумдан келеди</i>	„я могу“
<i>сени кълунъдан келеди</i>	„ты можешь“
<i>аны кълудан келеди</i>	„он может“

мн. ч.

<i>бизни кълубуздан келеди</i>	„мы можем“
<i>сизни кълугъуздан келеди</i>	„вы можете“
<i>аланы кълларындан келеди</i>	„они могут“

В конструкции „*къланындан келеди*“ изменяются оба компонента: именной—по поссессиву, вспомогательный—по лицам. Но притяжательное лицо и лицо спряжения должны быть разные. Логически несовместимо, чтобы „мучил“ сам себя, т. е. *къланындан келдим* „я мучил себя“, *къланындан*

¹ См. С. Н. Муратов. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., ИВЛ, 1961, стр. 113 и далее.

² А. А. Юлдашев. Система., стр. 185.

келдинъ „ты мучил себя“ и т. д. — невозможно. Таким образом, меня могут „мучить“: ты, он, вы, они; тебя—я, он, мы, они, их—я, ты, он, мы, вы. Парадигмы спряжения здесь составят 6 вариантов:

1) <i>мени къанымдан</i>	{	<i>келдинъ</i>	„ты меня замучил“
		<i>келди</i>	„он меня замучил“
		<i>келдигиз</i>	„вы меня замучили“
		<i>келдиле</i>	„они меня замучили“

2) <i>сени къанындан</i>	{	<i>келдим</i>	„я тебя замучил“
		<i>келди</i>	„он тебя замучил“
		<i>келдик</i>	„мы тебя замучили“
		<i>келдиле</i>	„они тебя замучили“

Вспомогательный глагол *бар-* является синонимом *кел-* по своему значению, т. е. обозначает длительное или многократное действие или его развитие, продолжение; в направлении движения *бар-* антоним к *кел-*. Примеры: *джаза бар-* „продолжать писать“ (до определенного момента); *бара-бара бар-* „отправляться потихоньку“; *кете барайыкъ* „троемся в путь“; *мен айта барайым, сиз иги тынъылагъыз* „вы слушайте внимательно, я продолжу рассказ“; *заман оза барады* „проходит время“; *джырлаб барды* „он все шел“ (до определенного места или времени—до конца дороги, до какого-то пункта, до такого-то времени; равномерно-усиленное действие); *чабыб бардыкъ* „прибежали мы“ (туда); *эл эл сайын тохтаб бардыкъ* „мы делали привал в каждом ауле“. В этом же значении или со значением активизирующегося процесса употребляются более сложные конструкции: *кзуруб кетиб барады* „постепенно высыхает“, „испаряется“ (о жидкости); *кюн батыб барады* „солнце уж заходит“; *кюйдюрюб барады* „выгорает“ (о засухе, сильной жаре).

С тем же значением равномерно-усиленного действия употребляется конструкция *гъанлай || -генлей † бар-*: *Нарсанагъа дери джукълагъанлай бардынъ*. „Ты проспал до самого Кисловодска“; *джырлагъанлай барды* „он шел“ (всю дорогу).

В сочетаниях „*салыб бардым*“ (соответственно: „*салыб келдим*“) „я решительно пошел || поехал“; „*тартыб бардым*“ „прямоком направился“, „поехал“ — знаменательные компоненты *бар-*, *сал-*, *тарт-* представляют конструктивный элемент сочетания с модальным значением решительности, целенаправленности действия.

бар- сочетается и с именами: *кёлюм бармайды* „не могу“, „не решаюсь“; *кёзюм чыракъ барады* „мой невидящий взор устремлён“ (букв. „глаз мой свечкой направлен“); *джанъызга бар-* „танцевать лезгинку“; *джюлгюч башха бармайды* „бритва не бреет“ (букв. „бритва не идет на голову“).

Сложносоставные глаголы, обозначающие непроизвольные, неожиданные действия

Эта форма состоит из деепричастия на-б || -ыб || -уб || -иб || -юб + вспомогательные глаголы *ал-*, *джибер-*, *ий-*, *кьой-* (основы с переходным значением), *кет-*, *кьал-*, *тюш-*, *чыкъ-* (основы с непереходным значением). Сложный глагол обозначает непроизвольное или неожиданное результативное действие, которое иногда мгновенно переходит в состояние: *Халис бичагъын сындырыб кьойду* (*алды, ийди, джиберди*), „Халис (неожиданно) сломал свой нож“; *сенегими сабын кьыркъыб алдым* „сломал я ручку своих вил“; *айтыб кьойгъанды* „он все рассказал“, „проговорился“; *кёрюб кьойгъанды* „он увидел“ (оказывается); *атыб ийгенди* „он выбросил“; *кьычырыб джиберирсе* „смотри, не вскрикни“; *айтыб джибере эдим* „я чуть не сказал“ (ср. в башкирском соответствующую модальную форму¹); *джыгъылыб кетеме* „вот-вот упаду“ (еле держусь); *келиб кьалыр да* „вдруг приедет“ („как бы не приехал“); *джазыб кьоймагъай эди* „как бы он не написал“; *билиб кьойду дейме* „кажется, он узнал“ (как бы он не узнал).

Глагол *кьой-*, сочетаясь с глагольными формами на—*-магъа (-ма) || -меге (-ме) (ма +з +гъа || -ме +з +ге > ма-гъа || ме—ге > -ма || -ме²)*, обозначает допущение, дозволение, не причинение препятствия действию или решительность субъекта, если оно направлено против него: *джазма кьой-* „не мешать писать“; *арбаны озма кьой* „пропустить арбу“, „дозволить проехать арбе“; *келме кьой* „пусть идет“; *барма (гъа) кьой* „пусть себе идет“.

Ударение обычно падает на *-ма || -ме* (с другим ударением — повелительное наклонение в отрицательной форме: *барма, кьой* „не ходи, оставь“). С тем же значением *кьой-*

¹ А. А. Юлдашев. Система., стр. 185.

² О происхождении *-магъа || -меге кьой-* см. Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II, стр. 469; Г. И. Рамstedт. Введение., стр. 101.

сочетается с-*ргъа* || -*рге*: *джазаргъа къой*- „не мешать писать“; *озаргъа къой*- „дозволить проехать“; *айтма* || *айтыргъа къой*- „не мешать говорить“.

болуб чыкъ- выражает модальный оттенок неожиданности: *ёртенни джукълатхан къыз болуб чыкъгъанды* „пожар потушила (как оказалось) девушка“; *азыкъны бошагъан Тюлкю болуб чыкъгъанды*. (МПА). „А прикончившей всю провизию оказалась Лиса“.

Некоторые вспомогательные глаголы сочетаются и с именными формами. Семантика составного глагола вытекает из структуры в целом.

ал- „взять“, „брать“. В. И. Филоненко отметил одно из значений в семантике сложносоставного глагола с **ал**- — действие в пользу действующего лица; например: *табыб алдым* „я нашел“ (потерянное, искомое); *джазыб алдым*, „списал для себя“; *сатыб алдым*, „купил себе“¹.

Разумеется, конструкции с **ал**- не ограничиваются отмеченным В. И. Филоненко значением; они часто выступают с оттенком неожиданности, интенсивного процесса, действия в пользу объекта и т. д. Например: *кёлюн алдым* „я ему угодил“, „я его успокоил“; *аллын алдыла* „ему преградили путь“; *сабийле арбазны даурдан алдырдыла* „дети огласили двор криками“; *уруб алды* „вдруг ударил“; *джанымы алдыкъ* „ты меня сильно испугал“ (буфк, „ты мою душу взял“); *къолга алды* „приступил“, „взялся“ (взял в руки); *къулагъына алмады* „не стал слушаться“ („не взял в ухо“), „оставил без внимания“; *башымы алдым* „я избавился“; *сындырыб алды* (неожиданно) „сломал“; *тартыб алды* „вырвал“ (из рук), „отнял“. Как видно из примеров, **ал**- сочетается с деепричастием на **-ыб** || **-б** и именами.

къал- „остаться“: *хайнапагъа къал*- „случиться несчастью“, „попасть в беду“; *худжу къал*- „остаться без призора“ (без хозяев), „быть заброшенным“; *байтамал къал*- (архаизм) — то же; *кёлю къалды*, „он обиделся“; *алайгъа къалгъанды да* „занялся чем-то“ (с тем же значением **-ргъа** || **-рге**+**къал**; см. **-ргъа** || **-рге**+**бол**-). **къал**- встречается в конструкции с **-ыб** || **-б**, выражающих оттенки неожиданности, опасения: *Умар келиб къалгъанды* „Умар (оказывается) приехал“; *оюлуб къалады* „вот-вот развалится“ („как бы не развалилось“).

кет- „уйти“ входит в составные глаголы с основным именным компонентом в форме основного падежа: *эрикгеним*

¹ В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940, стр. 74.

кетди „я развлекся“ (букв. „ушла моя скука“); *эси анъа кетди* „он отвлекся чем-то“ (букв. „его внимание ушло на то“); *кёлю кетди* „он потерял сознание“. Именной компонент встречается и в форме других падежей: *эсинден кетди* „он забыл“, „вышло из памяти“ (с тем же значением „*эсинден чыкъды*“); *джаны кетиб* „полюбив“, „заинтересовавшись“, „чем-либо сильно увлекшись“.

чыкъ- „выйти“. Если *кет-* антоним к *кел-*, то *чыкъ-* до некоторой степени является синонимом к *кет-*, например: *эсимден чыкъды* „я забыл“; *бракга чыгъарыргъа* „забракосватать“; *джашау гъа чыгъаргъа* „зажечь“; *аты амангъа чыгъаргъа* „ославиться“; *джаны чыкъды* „сильно испугаться“.

тюш- „упасть“, „падать“. *Табы тюше* „если удачно попадет“, „если подвернется“; *эсеме тюшдю* „вспомнил я“; *бойкуна борч болуб тюшдю* „стало его обязанностью“; *келечиге тюшдю* „попал в посредники“; *тёлеу тюшдю* „растратил“. Сочетание *-ргъа || -рге + тюш* выражает долженствование: *джазаргъа тюшдю* „явилась необходимость писать“; *барыргъа тюшдю* „стало необходимым съездить“.

бер- „дать“, „отдать“. Глагол *бер-* является антонимом к *ал-*. Он обозначает действие, направленное от субъекта. *бер-* сочетается с *-ыб || -б* и с именами: *мангъа джазыб берди* „написал для меня“; *сатыб бер* „продать“ (кому-то); *этиб бер-* „сделать (для другого)“; *айтыб бер-* „рассказать“, „объяснить“, *салам бер-* „поздороваться“, *кёл бер-* „поддержать“. „наставлять“, *азаб бер-* „замучить“; *тахса бер-* „выдать тайну“, „изменить“; *къара ийлеуюн бер-* „задать трепку“; *эркинлик берсегиз* „если разрешите“; *джашау бермейди* „замучил он“, („жизни не дает“).

Вспомогательные глаголы, обозначающие начало действия или приступ к нему

Вспомогательные глаголы *башла-*, *тебре-*, *айлан-* обозначают начало длительного и многократного (повторяющегося) действия или приступ к нему. Они сочетаются с деепричастиями основного глагола на *-а || -е || -й*, *-ыб || -б* и инфинитивом на *-ргъа || -рге*. Сочетания на *-а || -е || -й* стилистически отличаются от сочетаний на *-ыб || -б*.

башла- „начать“, „приступить“; *айта башла-* „начать говорить“ (обычно, не торопясь); *айтыб башла-* „начать говорить“ (решительно, с оттенком неожиданности); *ауруй башлагъанды* „начал болеть“ (пассивное начало прогрессирующего процесса); *ауруб башлады* „начал болеть“ (равномерно интенсивное действие с оттенком неожиданности). *-ргъа || рге + башла-* обозначает канун действия, когда субъ-

ект еще не приступил к нему, но уже вот-вот начнет действовать, т. е. это сочетание обозначает переход действия из статики в динамику. В подобных сочетаниях часто отражается субъективная оценка говорящего в плане предположения, убеждения. Примеры: *айтыргъа башлады* „приготовился рассказать“; *ауаргъа башлады* „начал падать“ (вот-вот упадет); *аурургъа башлады* „скоро заболает“ (по мнению говорящего); *джыгъылыб къалыргъа башлагъанды* „вот-вот упадет“ (от утомления, болезни и т. д.).

Вспомогательный глагол *тебре-* — синоним к *башла-*. Он употребляется с тем же значением, но выражает более интенсивное начало: *айта тебре-* „начать говорить“; *айтыб тебре-* „начать говорить“ (решительно, интенсивно); *джэ-тел этиб тебреди* „начал кашлять“ „закашлялся“; *кетерге тебре-* „собраться уходить“.

айлан- „кружиться“, „исходить“, „слоняться“ в сочетании с деепричастными формами обозначает длительное или многократное действие, сопровождающее движение субъекта, или приступ к действию, или его начало. При этом *-а || -е || -й | айлан-* имеет 2 значения: канун действия или его начало: *Хыйса ююн сата айланады* 1) „Хыйса решил продать свой дом“; 2) „Хыйса уже продает свой дом“; *танъ джарый айланады* „начинается рассвет“ („вот-вот наступит“); *джауа айланады* „собирается дождь (снег)“, „вот-вот пойдет дождь“ (или снег); *сабийлени джаза айланадыла* „записывают детей“ (в школу); *кете айланады* „собирается уезжать“, „вот-вот уедет“; *айтыб айланады* „он постоянно рассказывает“; *соруб айланады* „он беспрестанно спрашивает“; *бери келиб айланады* „оказывается, он приехал сюда“ (оттенок любопытства, нежелательности). Конструкция *-гъанлай || -генлей айлан-* выражает равномерно-интенсивное действие: *чабханлай айландым* „все время бегал“; *Хамитге тагъылгъанлай айланды* „неотлучно следовал за Хамитом“ (букв. „постоянно пребывал, привязавшись к Хамиту“). Инфинитив *айлан-* обозначает приступ к действию: *барыргъа айланасы* „ты отправляешься“ (но еще не отправился); *джыгъылыргъа айланады* „вот-вот упадет“; *бир палаххи къалыргъа айланады* „не миновать ему беды“; *алыргъа умут этиб айланады* „он намерен взять“, „он надеется взять“.

Составные глаголы с именными компонентами с вспомогательными глаголами *башла-*, *тебре-*, *айлан-* редки: *иш башла-* „начинать делать“, *аманъа тебрегенди* „начинает портиться“ (о поведении); *игиге айлангъанды* „поправляется“ (о больном); *къарыуу ызына айланды* „силы его пошли на убыль“ (букв. „силы его повернули назад“).

**Вспомогательные глаголы, обозначающие конец,
результат, определенный этап действия,
его интенсивность**

Вспомогательные глаголы *боша-*, *бит-* || *битдир-*, *джет-*, *тохта-*, сочетаясь с *-ыб* || *-б*, обозначают конец или результат действия: *джазыб боша-* „кончать писать“; *зыраф болуб бошады* „совершенно испортился“; *бишиб бошады* „созрел“ (о фруктах, ягодах), „сварился“, „испекся“; *къанджалны тот кесиб бошады* „жесть изъедена ржавчиной“; *чарх ашальыб бошалды* „колесо истерлось“, „износилось“; *юйню ишлеб бошадыла* „закончили строительство дома“; *юй битди* „дом выстроен“; *юйню ишлеб битдирдик* „мы закончили строить дом“; *алмала бишиб джетдиле* „поспели яблоки“ (в значении созреть); *чабыб джетдим* „я прибежал“, „добежал“; *джырылдаб джетди* „примчался“. *джет-* встречается и в именных сочетаниях: *кёлюне джетмедик* „не угодили мы ему“; *кёзюм джетмейди* „не вижу“, *башыма джетди* „я сам испытал“ (это); *кыйынык джетген эди* „испытывались трудности“ (тогда); *аманъа джетдик* „измучились мы“; *аланы аралары аманъа джетди* „сильно испортились отношения между ними“.

-рге || *рге* + *джет-* обозначает канун действия: *сынаръа джетгенди* „вот-вот сломается“; *ёлрге джетди* „дойти до невозможения“, „ослабнуть“ (букв. „вот-вот умрет“),

Вспомогательные глаголы *ат-*, *ташла-*, сочетаясь с *-ыб* || *-б*, обозначают резульгативное недлительное интенсивное действие. *ташла-* в служебной функции употребляется крайне редко: *бошаб ат-* „быстро (энергично) завершить“; *этиб ташла-* „быстро закончить“; *чыгъарыб ат-* „быстро вынуть“, „выбросить“; *сундырыб ташла-* „сломав || разбив, выбросить“; *чалыб ат-* „скосить“ *ат-* сочетается только с ограниченным кругом глаголов активного действия.

ат- чаще встречается в сочетаниях с именными формами: *мыллык атдыкъ* „мы бросились“; *чёб ат-* „голосовать“; *джанын атыб* „сильно увлекшись“ (всей душой); *башымы кыйры атаръа билмейме* „не знаю, куда себя деть“.

Вспомогательный глагол *тохта-* „стать“, „остановиться“ сочетается с *-ыб* || *-б* и обозначает конец, результат действия или переход действия в состояние: *черс бериб, сюелиб тохтады* (Х. Аппаев). „Отдал честь и стал стоять“. *Бир ишеги*

¹ Глагол *ташла-*, как позднейшее заимствование из других тюркских языков (вероятно, из кумыкского), не получил распространения в карачаево-балкарском языке.

болмай ийнаныб тохдады. (Х. Аппаев). „Совершенно, без всяких сомнений поверил“. *Тынгылаб тохдадыкь.* „Мы замолчали“. *Отказ этиб тохдармы?* „А вдруг откажется?“

Вспомогательные глаголы с семантикой пробы действия

Сюда относятся глаголы *кёр-* „смотреть“, „пробовать“, *къара-* „смотреть“. Они сочетаются с деепричастием на *-ыб || -б* основного глагола и выражают пробное действие, отражающее заинтересованность субъекта в выборе более эффективного средства в реализации намеченного мероприятия или получить достаточное подтверждение своим догадкам. Примеры: *Аслан, муну бир джагъыб кёрсёнъа.* „Аслан, попробовал бы смазать вот этим“; *къабыб кёрдюк — аламаты!* „попробовали (отведали) — великолепно!“, *айтыб кёр-* „попробовать сказать“. Подобное сочетание с частицей *бир* в повелительной форме обозначает угрозу — „*пусть только попробует!*“, „*пусть только посмеет!*“ *келиб бир кёрчю!* „попробуй только приходи!“, *алыб бир кёрсюн!* „*пусть только попробует взять!*“ *къара* в служебной функции встречается редко: *этиб къара-* „попробовать сделать“; *джазыб къара-* „попробовать написать“.

кёр- в конструкции с именным компонентом: *кюн кёр-* „зажить“ (счастливо, богато); *мадарын кёр-* „принять меры“; *сыйын кёр-* „уважать“, „отнестись с уважением“; *азаб кёр-* „измучиться“; *ариу кёр-* „уважать“; *ауур кёр-* „тяготиться кем-л.“

Другие глаголы в служебной функции встречаются редко. Например, *бил-* „знать“, „уметь“, сочетаясь с деепричастием основного глагола на *-а || -е || -й*, обозначает „знать для себя“; *эте бил-* „уметь делать“; *окъуй бил-* „уметь читать“; *тиге билмейдиле-* „не умеют шить“. Сочетаясь с именами, *бил-* выступает в своей основной функции как сказуемое: *Осман кеб тюрлю амал биледи.* „Осман знает много разных способов“.

тий- „ударить“, „коснуться“: *ачуу тий-* „обидеться“; *ауруу тий-* „заболеть“; „заразиться“; *кёз тий-* „сглазить“; *сууукъ тий-* „простудиться“; *джанына тий-* „обидеть“; *кёлюме тий-* „не смочь есть“ (очень жирно); *ауур тий-* „воспринять обидно“, „огорчаться“, „обидеться“:

тут- „держать“; *баш тут-* „жить“, „уметь жить“; *ёз тут-* „являться питательным“ (о питательной пище); *адежге тут-* „вести на поводу“; *аягъы тутмады-* „он не укрепился“; *чалкъы тут-* „быть косарём“; *аманы тутду-* „он

впал в меланхолию“; „расстроился“; *дерт тут*- „иметь зуб“ „преследовать“; *бас*- „давить“, „распространяться“; *кёл бас*- „успокоиться“, „утешаться“; *джый*- „собирать“, „сосредоточить“; *акъыл джый*- „взяться за ум“; *эс джый*- „прийти в себя“; *къабына джый*- „подчинить“, „поставить в рамки“ (зазнавшего); *сал*- „положить, класть“; *кёл сал*- „примириться“; *бой сал*- „подчиниться“; *тйю*- „завязать“; *къашын-башын тйюдю*- „насупился“, „нахмурился“; *тауус*- „окончить“; *тйюнькесин тауусду* „извелся“, „отдал все силы всего себя“ (*тйюньке* самостоятельно не употребляется); *тарт*- „тянуть“; *кёлю тартмайды (бармайды)* „он не расположен“, „не хочет“; *ур*- „бить“, „ударить“: *баш ур*- „поклониться“; *тер ур*- „вспотеть“, *ийис урады* „пахнет“ и др.

МОДАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Эти формы глагола выражают субъективное отношение говорящего к действию или к его производителю. Они выражаются аналитически с помощью особых модальных слов или частиц, или морфологически—с помощью аффиксов.

Особый интерес представляют для спряжения конструкции неличные формы глагола+модальные глаголы *болур*, *кёреме*, *ушайды* и др. По своей структуре они сходны с сложными глаголами, где модальный глагол выступает в роли вспомогательного компонента и одновременно несет модальную нагрузку. В результате выявляется сложная структурная и смысловая природа подобных конструкций.

Модальный глагол представляет изолированную временную или личную форму изъявительного наклонения (редко—форму других наклонений), и всякое изменение её приводит к устранению модального значения.

Модальный глагол оформляет словоизменение всей конструкции, т. е. спряжения, но не образует нового слова, хотя в некоторых конструкциях он является организующим центром.

Модальные формы на *болур*

Болур в форме причастия будущего неопределенного времени (*бол+ур*), сочетаясь с современными основами, представляющими первичные причастия и деепричастия, кроме основы на *-ар* || *-ыр* (ибо эта форма уже имеется в самом *бо-*

лур“), как и вспомогательный глагол *бол-*, образует сложно-составную спрягаемую форму. Следовательно, „*болур*“ наряду с заключенным в нем модальным значением играет роль словообразовательного компонента. Глагол „*болур*“ изменяется по лицам, содержит идею изъявительного или показателя условного наклонений, имеет отрицательную форму. Однако сам *болур*, будучи в форме причастия на *-ар* || *-ыр*, не содержит идеи времени, не выступает в форме повелительного, желательного наклонений, в форме возможности-невозможности. Не располагая многими основными категориями глагола, *болур* не образует нового слова, *Джазгъанма* „я написал“ (тогда-то) отличается от *джазгъан болурма* „вероятно“ (наверное, должно быть, может быть) „я написал (тогда-то)“ с оттенком сомнения, неуверенности говорящего в отношении своего действия в прошлом.

Модальная форма имя+*болур* также не образует нового слова, т. е. глагола. Здесь *болур*, выражая те же значения сомнения, неуверенности, предположения, играет роль связки при именном сказуемом: *Ол келе тургъан адам болур*. „Тот приближающийся, наверное, (есть) человек.“

Примеры на *-гъан+болур*: *Бюгюн бурнум къанагъан эди да, андан чачылгъан болур*. (Х. Аппаев). „Сегодня у меня из носа текла кровь, вероятно, от этого попало“. *Алгъын бу бек терен кёл болгъан болур*. „Раньше это озеро, должно быть, было очень глубоким“. *Тикген болурламы?* „Наверное, сшили они?“ *Кюн иги боллукъ болур: Минги-Тауну башы ачылыб, ёмюрлюк бузлагъа кюн таяккъла тийиб, биленнъен къама джылтырагъанча джылтырайды*. (Х. Аппаев). „Погода, наверное, прояснится: открылась вершина Эльбруса, освещают ее вечные льды лучи солнца, и они блестят, будто отточенное лезвие кинжала“. *Келген болмазмы?* „Может быть, еще не приехал?“ *Алгъан болур эди*. „Кажется, он взял“ (тогда). *Аллыкъ болурса*. „Вероятно, возьмешь“; *чыдаяллыкъ болмаз* „наверное, не выдержит“; *келе болур* „наверное, едет“; *джаза тура болур* „должно быть, пишет“. *Алгъан болур эди эсе..* „Если, предположим, он взял“ (тогда)...

Модальные формы на *эке(н)*

В произношении обычно конечный сонорный не слышится. Взгляд авторов учебных пособий по карачаево-балкарскому языку на *эке(н)*, как на вспомогательный глагол, как нам кажется, не имеет основания.

Модальная частица *эке(н)*, в отличие от других тюркских языков (например, узбекского, киргизского¹) в карачаево-балкарском не изменяется и употребляется в основном в вопросительных конструкциях с семантикой сомнения, желания, любопытства, личной заинтересованности говорящего; *эке(н)* сочетается как с именами, так и с глаголами в вопросительной форме: *сабий кьалкьыдымы экен?* „уснул ли ребенок?“ (хорошо бы, если уснул); *Унух тюнене кьайытханмы эди экен?* „Вернулся ли (интересно) вчера Унух?“ *Кёпюрню суу алыбмы кетеди экен?* „Неужели река снесет мост?“ *Барыб бир кёрюмю эдик экен?* „Не попробовать ли нам съездить?“ *Арам (араби<йа арабби), Асхат келиб кьалырмы экен?* „Вдруг придет Асхат?“ (вот было бы хорошо!). *Джазаллыкьбызмы экен?* „Сможем ли написать?“ *Тохтайкьмы экен?* „Остановиться ли нам (как быть)?“

эке (н) в редких случаях употребляется и в составе условной или желательной формы со значением желания, долженствования: *Амма саусузду, Айшат аны келиб бир кёрсе экен.* „Бабушке нездоровится, хорошо бы Айше провести её“. *Чырмалмай кьалса экен.* „Как бы что ни случилось с ним“ (хорошо бы, если всё благополучно).

Модальные формы на *кёреме*

Модальная форма с *кёреме*- „вижу“ обозначает субъективную оценку говорящего—его умозаключение, убеждение в состоятельности или несостоятельности действия или обнаружение совершившегося факта с оттенком неожиданности. Глагол *кёреме* употребляется только в форме 1 л. ед. ч. настоящего времени изъявительного наклонения (хотя совершенно невозможно говорить здесь о категории наклонения и времени). *Кёреме* не имеет формы возможности-невозможности, отрицания и вопроса, а также залога, словом, единственная его форма—*кёреме*. Он сочетается с деепричастием на *-а || -е || -й*, с причастиями на *-гьан, -лыкь*. В результате согласования между предикатом и субъектом в подобной форме нет.

¹ А. Н. Кононов. Грамматика совр. узб. литер. языка. М.-Л., 1960, стр. 272—275; И. А. Батманов. Грамматика кирг. яз. Фрунзе, 1940, стр. 71.

Например:

*мен окзугъан
сен таный
ол аллыкъ
биз тындырлыкъ
сиз келлик*

кёреме „оказывается“

я прочитал“
ты знаешь“
он возьмет“
мы обеспечим“
вы пришли“

Интересно отметить, что в подобной конструкции наличие субъекта совершенно необходимо; в противном случае неличная форма + *кёреме* соотносимо с любым лицом и субъект не уточняется. Примеры: *Ай чыкыгъан кёреме*. „Оказывается, луна взошла“. *От джукъланыб бара кёреме*. „Оказывается, огонь тухнет || потухает“. *Салих уста джырлай кёреме*. „Оказывается, Салих мастерски поет“. *Быйылджанъур джунчутурукъ кёреме*. „Оказывается, дождь в этом году причинит неприятности“.

Модальные формы на *кёрюнеди*

Кёрюнеди- „видно“, „похоже на то, что...“, „выглядит“ (букв. „видится“) сочетается с уподобительной формой причастия (*гъанча*, *-арча* || *-ырча*, *-лыкъча*, *-ыучуча*) и выражает предположение, умозаключение, неуверенность говорящего. *Кёрюнеди* спрягается по лицам, числам и имеет формы наклонения и времени: *терек ёсгенча кёрюнеди* „дерево, кажется, растет (или: „дерево вроде выросло“); *барырча кёрюнесе* „похоже на то, что ты поедешь“; *учмазча кёрюнеди* „похоже, что не полетит“; *айтыркыгъча кёрюнесиз* „кажется, вы скажете“ (букв. „вы кажетесь такими, которые скажут“); *келликча кёрюнеди* „похоже на то, что он должен приехать“; *барлыкъча кёрюне эсем* „если я кажусь таким, который (возможно) поедет“; *келалмазча кёрюнъен эдиле* „похоже было, что они не могут приехать“.

Модальные формы на *ушайды*

Глагол *ушайды* „похоже, что“, „оказывается“ (в произношении: „*шойт*“, „*шойт да*“ „*шойсуз*“ и т. д.) изменяется только по лицам и числам; иногда встречается форма с *эди* *ушай эди* („*шойеди*“). *ушайды* сочетается со всеми временными основами. Часто встречается с усилительной частицей „*ди*“ со значением „ведь“. Эта форма обозначает предположение, сомнение говорящего, т. е. является синонимом *кёреме*. Примеры: *келген ушайды (шойт)* „похоже, что он приехал“; *кете айлана ушайса да* „ведь ты, кажется, уезжаешь“; *джыгъылыб кете ушайма* „кажется, падаю“; *Теке*

ийюн сатарыкь ушайды „кажется, Теке должен продать свой дом“; *бююн сиз ары кетерик ушайсыз* „оказывается, вы должны сегодня поехать туда“; *Аслан былтыр келген ушай эди да* (возможна перестановка последних компонентов: „... *келген эди ушайды да*“ „ведь, кажется, Аслан приезжал в прошлом году“.

Модальные формы на *де-*

де- „сказать“, „говорить“ в функции модального глагола выступает многообразно. В роли модального слова *де-* встречается в форме всех лиц и обоих чисел, а также наклонений и сочетается в основном с личными формами глагола. Из личных форм *де-* сочетается с инфинитивом на *-рѣга-рѣге*. Модальные оттенки *де-* весьма разнообразны: сочетания с *де-* выражают субъективную оценку говорящего—его отношение к высказываемому, его решение, умозаключение, предположение, сомнение, неуверенность, его отношение к источнику высказывания, его достоверности, волеизъявление говорящего, его эмоциональное отношение и т. д.

Наиболее распространенными являются формы 1 л. ед. ч. настоящего-будущего времени *дейме*, 2 л. ед. ч. *дейсе*, императивная форма *де*, которая часто сочетается с частицей *-чи—дечи*, желательная форма *дегин*. Другие формы — *дейди*, *дейбиз*, *дейдиле*, *дедим*, *дегенме*, *деген эдим*, *дерикме*, *дербиз* и пр.—в модальной функции менее употребительны. Примеры: *Осман Москвагъа кетди дейме*. „Кажется, Осман уехал в Москву“; *барама деб турады* „он решил сходить“; *ауруб къаласа дейме* „боюсь, что ты заболеешь“; *ары бир барсам дейме* „все собираюсь поехать туда“; *алсакъ дейме* „думается, лучше взять нам“; *кебден бери джазама дейме*, *джазалмайма* „давно собираюсь написать, а все не могу“; *беририсиз деб ишаныб турдукъ* „мы всё надеялись, что отдадите“; *келликмиди, къаллыкъмыды дѣб кѣб сакълагъанды* „он долго ждал его, сомневаясь, придет тот или нет“; *аллыкъ болур дейдиле* „очевидно, он возьмѣт“; *тамбла Домбайгъа барыгъа дейбиз* „намереваемся завтра поехать на Домбай“; *бир барайым дейме, бир къалайым дейме, алкъын къалайын да билмейме* „то решаюсь ехать, то думаю оставаться, пока определенного ничего не знаю“; *суу бир игиди, джуунайыкъ дейме* „вода замечательна, пожалуй, хорошо бы искупаться нам“¹. Примеры на другие фор-

¹ Ср. А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 282.

мы: *Сора келгендиле дечи*. „Значит, приехали они“ („стало быть, они приехали, вот ведь как“); *бездирди дечи* „надоед ведь он, оказывается“; *хо, тындырдыкъ дейик* „положим, мы обеспечили“; *барады уа дейсе!* „идет-то ведь как!“ (о быстром или плавном движении); *кетдиле дедим* „показалось, что они уехали“; *джазгъанды дейдиле* „говорят, будто бы он написал“; *тынчлыкъ табмагъын дегин!* „чтобы ему покоя не было!“ (зложелание).

Конструкция *деб + тур* = часто употребляется со значением вывода или постфактума: *билеме деб тура эди* „он; оказывается, полагал, что знает“; *келликме деб тургъандыла* „они, оказывается, подумали, что я приеду“.

Модальные формы, выражающие инсценировку

Эти формы представлены сочетанием *-гъан +* сравнительно-уподобительные частицы *кибик*, *-ча + эт-* в спрягаемой форме. Примеры: *къазгъан кибик эт-* „делать вид будто копаешь“; *окзугъан кибик эт ары* „представляйся читающим“; *санагъанча этейик* „сделаем вид будто считаем“; *кёлюнъ къалгъанча эт* „притворись обиженным“.

-гъан + кибик + эт- и *-рза || рге + кюреш* („стараться“) выражают крайнюю пассивность, только одну видимость действия или принижение фактической интенсивности и усилия в оценке говорящего: *джамагъан кибик этерикди да кетерикди* „сделает вид, что починил, и уйдёт“ („одно только название, что починил“); *чырмагъан кибик эшигиз да къюгъуз* „слегка заверните и оставьте“; *чалгъан кибик эте турабыз* „покашиваем (косой) слегка“ (возможно, „косим“ изо всех сил, но „покашиваем“ — по нарочито скромной оценке говорящего); *ишлерге кюреше турама* „работаю (так себе) помаленьку“ (возможно, при объективной оценке — и очень продуктивно); *Умар мал кютерге кюрешеди*. „Умар занят пастьбой скота“ (букв. „... старается пасти скот“, но только „старается“, без особого успеха).

Модальные формы на *-гъан бол-*

Эта форма также выражает притворство, инсценировку субъекта. Она редко встречается в карачаево-балкарском языке. Примеры: *кёрмеген, эшитмеген болдукъ* „мы притворились не видевшими, не слышавшими (ср.: *кёрмегенча, эшитмегенча этдик* — с тем же значением); *бизни кёргенлей, юбийиче аругъан-сызлагъан болуб къалды* „хозяйка, как только завидела нас, прикинулась больной-хворой“. Подобные формы встречаются и в других тюркских языках,

например, в киргизском: *уйукътагъан болуб атыр*“ приговоряется спящим”¹.

В числе прочих модальных конструкций в языке старшего поколения ещё сохранилась архаизирующая конструкция на *-ды + богъай || -бугъай*. Эта модальная форма выражает сомнение, неуверенность, умозаключение, решение и т. д.: *Исмаил кетди богъай* „если не ошибаюсь, Исмаил уже уехал“.

Изъявительное наклонение

Изъявительное наклонение выражает реальное, объективное действие в плане определенного времени. Наиболее разнообразной характеристикой изъявительного наклонения являются временные формы. Времена изъявительного наклонения дифференцируются по: 1) соотносительности с моментом речи или другим временным планом; это — настоящее, прошедшее и будущее время; 2) структуре — по своим морфологическим показателям; 3) составу — простые и сложносоставные формы; 4) значению: а) употребление в значении динамической или статической процессности в рамках данного временного плана или охвата другого временного плана, а также с другим значением; б) длительности, многократности, интенсивности или пассивности действия и т. д.

В изъявительном наклонении значение наклонения синкретически выражается формантом времени. Категория времени как категория морфологическая выражается дифференцированными формантами.

Настоящее время

Настоящее время в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, образуется по схеме: спрягаемая основа + формант времени *-а || -е || -й* + показатель лица (и числа). Аффиксы *-а || -е* восходят к афф. дательного-направительного падежа *-гъар || -гер (-а || -е < -ар || -ер < -гъар -гъару²)*. Форманты времени *-а || -е* — после согласных: *-а* — после слога с гласным заднего ряда, *-е* — после слога с гласным переднего ряда; *-й* — после гласных.

¹ П. М. Мелиоранский. Краткая грам. казак-кирг. языка. СПб. 1894, стр. 46.

² А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 209.

Спряжение простых основ:

	ед. ч.		мн. ч.
1 л.	<i>ал-а-ма</i> „я беру“		<i>ал-а-быз</i> „мы берем“
	<i>эт-е-ме</i> „я делаю“		<i>эт-е-биз</i> „мы делаем“
	<i>сана-й-ма</i> „я считаю“		<i>сана-й-быз</i> „мы считаем“
	<i>эле-й-ме</i> „я просеиваю“		<i>эле-й-биз</i> „мы просеиваем“
2 л.	<i>ал-а-са</i> „ты берёшь“		<i>ал-а-сыз</i> „вы берёте“
	<i>эт-е-се</i> „ты делаешь“		<i>эт-е-сиз</i> „вы делаете“
	<i>сана-й-са</i> „ты считаешь“		<i>сана-й-сыз</i> „вы считаете“
	<i>эле-й-се</i> „ты просеиваешь“		<i>эле-й-сиз</i> „вы просеиваете“
3 л.	<i>ал-а-ды</i> „он берёт“		<i>ал-а-дыла</i> „они берут“
	<i>эт-е-ди</i> „он делает“		<i>эт-е-диле</i> „они делают“
	<i>сана-й-ды</i> „он считает“		<i>сана-й-дыла</i> „они считают“
	<i>эле-й-ди</i> „он просеивает“		<i>эле-й-диле</i> „они просеивают“

После основ с губными гласными в 3 л. ед. ч. и во всех лицах множественного числа соответственно присоединяются форманты с губными вариантами: *солу-й-ду* „он дышит“, *джюлю-й-дю* „он бреет“; *солуйбуз*, *джюлюйбюз*, *солуйсуз*, *джюлюйдюле*.

Основы на *-й*, *-у* спрягаются, как и основы на согласные: *тай-* „поскользнуться“, *тай-а-ма*, *тай-а-са*, *тай-а-быз...*; *суй-* „любить“, *суй-е-ме*, *суй-е-диле...* (графически *й + а = я*, *й + э = е*, *й + у = ю*; следовательно, *таяма. суюме*); *сау = „доить“*, *сау-а-ма*, *сау-а-сыз*, *сау-а-дыла*.

Наряду с полными аффиксами лица в устной речи (иногда в современной поэзии и прозе), встречаются редуцированные, стяженные формы личных показателей. К ним относится редукция форманта на *-ды* в 3 л. ед. и мн. ч.; формант *-ды* стягивается в *-т* (как в киргизском): *барды > барат*, *келеди - келет*; в 3 л. мн. ч. *бардыла - баралла*, *келедиле - келелле* (регрессивная полная ассимиляция).

Отрицательная форма образуется с помощью *-ма || -ме*, присоединяемых к основе, которая спрягается по типу основ с последней негубной гласной (т. е. *-ма || -ме + й + + аф.* лица и числа): *ал-ма-й-ма* „не беру“, *сана-май-быз* „мы не считаем“, *солу-май-са* „ты не отдыхаешь“ и т. д.

Форма возможности *-ал* или её варианты *-ял*, *-ел* размещаются перед *-ма || -ме* или впереди форматов времени и лица: *ал-ал-а-быз* „можем брать“ (в данный мо-

мент), *эт-ал-а-биз* || *эт-ел-е-биз* „можем делать“. Форма невозможности, т. е. отрицательная форма возможности представляет сочетание *ал + -май*: *ал-ал-ма-й-ма* „не могу взять“, *эт-ал-май-ма* || *эт-ел-мей-ме* „не могу делать“.

Понятно, что четырехвариантные *-ды*, *-биз*, *-сыз*, *-дыла* при спряжении основы в отрицательной форме и в форме возможности-невозможности имеют только негубные варианты этих аффиксов *-ды* || *-ди*, *-биз* || *-биз*, *-сыз* || *-сиз*, *-дыла* || *-диле*.

О размещении вопросительной частицы *-мы* || *-му* || *-ми* || || *-мю* было сказано выше. Однако нередко случаи употребления *ала-са-мы?* *солуй-суз-му?* в современном языке, что отчасти объясняется законом аналогии (с 1 л. ед. и мн. ч.) или влиянием языков тюркоязычных народов Средней Азии. Есть и стилистическое различие между *джазамыды?* „пишет ли он? и *джазадымы (дейсе)?* „пишет“ (говоришь)?; в последнем примере вопрос направлен на уточнение достоверности факта действия, т. е. имеет место переспрашивание.

Спряжение сложносоставных основ

Спряжение этих основ зависит от характера сочетающихся компонентов. В основах типа неличные формы глагола + вспомогательный глагол первый компонент обычно не изменяется, второй, служебный компонент представляет спрягаемую часть основы. При этом вспомогательный глагол часто теряет способность выражать основные категории глагола — залог, время, и тогда он становится связкой, спрягаемой только в лице и числе.

В основах типа именной компонент + служебный компонент возможны 4 случая:

1) оба компонента не изменяются, т. е. именной компонент совершенно не изменяется, глагольный имеет форму только 3 л. ед. ч.;

2) именной компонент не изменяется, глагольный компонент спрягается по обычному типу простых основ — по лицам и числам;

3) именной компонент изменяется по притяжательной модели, служебный не изменяется, имеет форму 3 л. ед. ч.;

4) изменяются оба компонента — именной — по поссесиву, служебный — по лицам и числам;

Например:

1) *кеч болады* „вечереет“. „настаёт вечер“; здесь именной компонент не изменяется, глагольный имеет форму только 3 л. ед. ч. и может изменяться только по временам: *кеч болганды, кеч болган эди, кеч боллукъду* и т. д.

ед. ч.

мн. ч.

2) *гузаба этеме* „тороплюсь“ *гузаба этебиз* „торопимся“
„спешу“
гузаба этесе „торопишься“ *гузаба этесиз* „торопитесь“
гузаба этеди „торопится“ *гузаба этедиле* „торопятся“

Именной компонент может быть и в форме косвенных падежей: *кьолгъа а.л.* „приступать“, „начинать“.

ед. ч.

3) *эсима тюшеди* „вспоминаю“
эсинге тюшеди „вспоминаешь“
эсине тюшеди „вспоминает“

мн. ч.

эсибизге тюшеди „вспоминаем“
эсигизге тюшеди „вспоминаете“
эслерине тюшеди „вспоминают“

4. а) *джанымдан этесе* „надоедаешь мне“
джанымдан этеди „надоедает мне“
джанымдан этесиз „надоедаете мне“
джанымдан этедиле „надоедают мне“

4. б) *джанынъдан этеме* „надоедаю тебе“
джанынъдан этеди „надоедает тебе“
джанынъдан этебиз „надоедаем тебе“
джанынъдан этедиле „надоедают тебе“

и т. д., т. е. в остальных четырёх случаях — „надоедают“ ему, нам, вам, им, исключая каждый раз лицо в обоих числах, совпадающее с данными. Исключение в этом случае составляет 3 л. мн. ч., где форма лица служебного глагола представлена полностью. Здесь „надоедают им другие „он“ или „она“, в итоге получается 26 разновидностей.

Наконец, как разновидность 4-го случая, встречаются аналитические конструкции, у которых изменяются оба компонента — именной — по possessиву, глагольный — по лицам;

при этом происходит совпадение притяжательного лица с лицом служебного глагола, что производит впечатление своеобразного согласования:

башымы алама „я избавляюсь“
башынъы аласа „ты избавляешься“
башын алады „он избавляется“
башыбызны алабыз „мы избавляемся“
башыгъызны аласыз „вы избавляетесь“
башларын аладыла „они избавляются“

В этой конструкции, в отличие от предыдущей, служебный компонент может изменяться во всех лицах, т. е. в „*башымы алама*“ — букв. „я свою голову выручаю“ — любое число может стать субъектом — „я избавляюсь“ („я выручаю свою голову“ — сам, я избавляю тебя“, „его“, „вас“ и т. д. Таким образом, число вариантов словоизменения подобной конструкции может достигнуть до 36. Есть ещё одна разновидность этой конструкции, компоненты которой (именной и глагольной), требуют согласования:

джанымдан тойдум „надоело мне“
джанындан тойдунъ „надоело тебе“
джанындан тойду „надоело ему“ и т. д.

Сложносоставные глагольные конструкции типа *кѣз тий-сглазить*“, *ачууу тий-* „обидеться, злиться“, *сууукъ джет* - „простудиться“ и т. д., исторически базирующиеся на отношениях субъект — предикат, выражая различные состояния человека и явления природы, не соотносены с грамматическим объектом, т. е. неизвестно, кого „ударил глаз“, кого „застиг холод“. Поэтому употребление личного местоимения в форме падежа управления обязательно¹:

манъа кѣз тиеди „меня сглазят“
санъа кѣз тиеди „тебя сглазят“
анъа кѣз тиеди „его сглазят“ и т. д.

В заключение следует отметить, что оба типа спряжения — спряжение простых основ и спряжение сложносоставных основ — сходны в одном: оформляются полными личными аффиксами.

Настоящее время в карачаево-балкарском языке имеет несколько значений, оттенки которых иногда уточняются (привносятся) контекстом, ситуацией или содержатся в семантике самой основы².

¹ Ср. А. А. Юлдашев. Система., стр. 124—125.

² Там же, стр. 125.

По соотносительности с момента речи настоящее время можно рассматривать в двух планах: 1) форма настоящего времени, соприкасающаяся с моментом речи; это — настоящее конкретное время; 2) формы настоящего времени, не соприкасающиеся с моментом речи; сюда относится настоящее общее время и настоящее время с дуративным значением.

Глагол в форме настоящего времени на *-a || -e || -и* в караево-балкарском языке без уточнения обозначает настоящее общее время, выражающее значение настоящего-будущего времени; например, „*барама*“ значит без уточнения „я иду=еду“ (вообще) и „я пойду=поеду“. Наиболее тесное соотношение действия глагола во времени с моментом речи или совпадение с ним выражается формой настоящего времени на *-a || -e || -й + тура || а -|* афф. лица:

джаза	{	<i>турама</i> „пишу“ (сейчас) <i>тураса</i> „пишешь“ <i>турады</i> „пишет“
джаза	{	<i>турабыз</i> „пишем“ <i>турасыз</i> „пишете“ <i>турадыла</i> „пишут“

Форма *-a || -e || -й + тура-* обозначает нерезультативное действие, которое началось в прошлом и продолжается в момент сообщения о нём. При уточнении контекстом или ситуацией эта форма обозначает постоянное или регулярно повторяющееся динамическое или статическое действие, которое иногда характеризует субъекта, как его свойство. Например: *Хар кьайда да джарлы джарлыча джашайды, Къарыулу къарыусузну этин ашайды.* (К. Мечиев). „Везде бедняк по-беднячки живет, Угнетает сильный слабого“. *Анъа бирда сейирсинме, джууугъум, ол ёмюрден бери этиучюсюн эте турады.* (Х. Аппаев). „Не удивляйся этому, друг мой, он делает то, что делал весь свой век“. *Джыл сайын джолну былайы оюла турады.* „Каждый год этот участок дороги (обычно) осыпается“.

Форма *-ыб || -б + тура-* обозначает длительное, многократное действие, регулярно повторяющееся в течение всего процесса, напр.: 1) *Москпада окъуб турады.* „Он учится в Москве.“ 2) *Хаман джазыб турады.* „Постоянно пишет он“ (постоянно занимается писанием). Эта форма иногда обозначает результативное действие, перешедшее в состояние как результат этого действия, который выносится в план настоящего времени: *Асхат ауруб турады.* „Асхат болеет“ (букв. „заболев пребывает“). *Сен келиб тураса да.* „Ведь ты приехал, оказывается“ (... „приехавшим являешься“).

Форма на *-ыў* || *-ў+чу* || *-чю+афф.* лица

Эта форма образуется из имени действия + имя деятеля в спрягаемой форме и представляет специфику карачаево-балкарского языка как по структуре, так и по форме словоизменения. *-(ы)учу* в других тюркских языках функционально относится к именам. Например, в узбекском языке эта форма называется глагольным прилагательным и „функционально сближается с причастиями и служит для выражения постоянного качества, свойства“ лица и его профессии¹; в карачаевском *-ыучу* — причастие настоящего времени, одновременно имеет семантику отглагольного имени действующего лица, хотя и нейтрально в отношении категории времени²; в хакасском языке форма *-аачы* || *-еечи* — глагольное имя постоянного времени³. В татарском языке эта форма употребляется, хотя не имеет широкого распространения в качестве спрягаемой формы: „*башлап жибэрүчен*“, *жибэрүчесен*.⁴

Эта неспрягаемая для большинства других тюркских языков форма в карачаево-балкарском языке представляет спрягаемую основу с семантикой „вневременного“, постоянного, обычного многократного действия, которое не соотносено ни с каким временным планом конкретно, хотя и мыслится, что действие, как постоянное и привычное для субъекта, началось неизвестно когда в прошлом и продолжается в сфере настоящего, но сама форма (или сообщение о ней) не содержит никаких данных из сферы будущего. Субъектом такого действия может быть не только лицо, но и любой предмет, хотя исторически им мог быть именно персонa, человек.

Спряжение:

ед. ч.

мн. ч.

1. *барыучума* „хожу, бываю“
(всегда или время от времени)
2. *барыучуса*
3. *барыучуду*

барыучубуз
барыучусуз
барыучудула

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 239.

² А. Н. Баскаков. Каракалпакский яз., II, стр. 435.

³ Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка, Абакан, 1948, стр. 79.

⁴ В. Н. Хангильдин. Татар теле грамматикасы. Казань, 1954, стр. 232.

Примеры: *Къыш сайын анам манъа джюн чындайла этиучюдю*. „Каждую зиму мать мне (обычно, всегда) вяжет шерстяные носки“. *Хар заманда джолну былайын ыркы алыучуду*. „Этот участок дороги всегда смывается половодьем“. *Санъа ышанмайма, кёбюсюне алдаб кёюучуса*. „Не надеюсь на тебя: ты часто подводишь (обманываешь)“.

Эту форму особенно наглядно видно, если сопоставить с формой прошедшего многократного времени на *-уучу эди-*. При этом выясняется, что субъект продолжает проявлять в сфере настоящего приобретенное в прошлом свойство; однако его действие не совпадает с моментом речи, т. к. оно перешло в постоянную характеристику субъекта, не связанную с определенным временем. Поэтому перевод формами русского глагола не составляет эквивалента, т. е. „я хаживал“, „хаживаю“ не передают всего содержания *барыучума*, *барыучу эдим*. Скорее это— „я хаживающий есть“ или „хаживавший есть“ („был“). Форма с *эди-* обозначает постоянное или многократное действие как свойство субъекта; форма же без *эди-* в том же значении выступает в плане настоящего времени.

Отрицание и другие формы образуются по обычной схеме: *Къышны къысха кюнлеринде тар ёзенледе кюнню кёзю хазна кёрюмечюдю*. „В короткие дни зимы в тесных ущельях солнца бывает почти не видно“ (букв. „глаз солнца не виднеется“). *Быллай джюкню уа къадырынъ кё(л)-тюралыучумуду?* „А такой груз твой мул обычно поднимет (может)?“ *Акга эсин ийиб тынъылагъанлыкъгъа, радиону айтханын айыралмаучуду*. „Как бы дедушка внимательно ни прислушивается, передачу по радио не может разобрать“ (по обыкновению).

У карачаевцев употребляется, наряду с *-уучу*, другая форма *-уучан* + *афф.* лица: *барыучанбыз* „хаживаем“ (обычно); *кёрюученсе* „видишь“ (обычно, всегда); *былайда джууунуучанды* „здесь (обычно) купается“; *окъуялмаучанды*. „(обычно) он не может читать“.

-чан || *-чен* встречаются в других тюркских языках в качестве словообразовательного форманта именных частей речи. В узбекском, с помощью *-чан* образуются имена прилагательные, наречия от отглагольных существительных. Прилагательные образуются из имён действия на *-(у)в*: *къизувчан* „запальчивый“, *унутувчан* „забывчивый“; в карачаево-балкарском *къызыучу* || *къызыучан* и *унутуучу* || *унутуучан* употребляются с теми же значениями „энергично про-

являемого качества, свойства характера, склонности".¹ Ясно, что здесь узбекское производное прилагательное *унутувчан* и карачаевское причастие общего времени *унутуучу* || *унутуучан* единые по своей структуре и сходные по своей семантике формы. Разница между ними заключается и в функциях. Узбекская форма *-чан* — словообразовательный аффикс прилагательных и отчасти наречий; в карачаево-балкарском языке *-чан* || *-чен* образует спрягаемую основу из имени действия на *-(ы)у* || *-(и)у*, и только. *-чан* || *-чен* в других функциях (и вообще) не встречается. *-(ы)у* || *-(и)у* + *-чан* || *-чен* семантически и функционально идентичная форме *-(ы)у* || *(и)у* + *-чы* || *-чи*, резко отличаются в одном случае: *-(ы)учу* является причастием настоящего времени, следовательно, выступает в определительной функции: *эртде туруучу адам* „рано встающий человек“; *биз барыуучу джол* „дорога, по которой (обычно, постоянно) мы ходим“ (букв. „мы всегда ходимая дорога“); форма на *-чан* || *-чен* никогда не употребляется в этой позиции (да и в любой другой); иными словами, основа на *-уучан* не выступает в определительной функции, она бывает только в личной, спрягаемой форме, следовательно, — только в предикативной функции. Нельзя сказать „*биз барыучан джол*“.

Спрягаемая форма на *-чан* || *-чен* встречается в хакасском, в киргизском языках. В хакасском она обозначает обычное, многократное действие в будущем,² т. е. является причастием будущего времени, заменяющим причастие на *-ар* || *-ыр*. Эта же форма при спряжении служит основой прошедшего многократного времени; но здесь *-чан* || *-чен* присоединяются к чистой основе: *ат -чан -мын* „обычно я стрелял“ (по-карачаевски: *ат-ыу-чан-ма* „обычно я стреляю“). Афф. *-чан* || *чен* < *-чанъ* || *-ченъ* < *-са-нъ* || *-са-нъ*.³ (О происхождении *-чан* || *-чен* — см. А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, § 176, стр. 151).

Формы настоящего времени объединяют и такие временные значения, которые обозначают: а) действие субъекта, обычное, постоянное, ставшее его характеристикой и поэтому не ограниченное временем: *Терен тау ёзендеде кюн*

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 151.

² Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка, §§ 72, 92.

³ Н. А. Баскаков. К вопросу о происхождении условной формы на *-са* || *-се* в тюркских языках. — Сб. «Академику» В. А. Гордлевскому», стр. 56.

эртде батады „В глубоких горных ущельях солнце рано заходит“. *Не барама, барама, балта узуну баралмайма* (загадка). „Всё иду я, иду, но продвинуться на длину топора не могу“. В некоторых пословицах и поговорках с подобным значением употребляется деепричастие на -а || -е || -й: *Биреу кзатын келтире, биреу атын ёлтюре*. „Кто жену приводит, кто коня своего погубит“ (участвуя в качестве друга жениха); б) обычное многократное действие: *Джерчигибиз джыл сайын кваран кзалады да кетеди*. (Х. Аппаев). „Землица наша ежегодно остается сирой“ (не родит). *Хаман келесе бери: не эсе да бир ишинъ барды мында*. „Постоянно ходишь сюда: ведь есть же у тебя какое-то дело здесь“.

Формы настоящего времени употребляются в значении будущего и прошедшего времён. Это обусловлено контекстом, обстановкой, ситуацией структурой предложения. Например, формы настоящего времени употребляются в значении будущего:

1) в предложениях с деепричастными оборотами на -гъанлай || -генлей, которые обозначают конец действия, вслед за которым (без интервала) начинается другое действие в форме настоящего времени: *Юйге кзайтханлай, солуйма, сора экзаменлеге хазырланама*. „Как только возвращаюсь домой, отдыхаю, затем готовлюсь к экзаменам“. Здесь выражено конкретное решение субъекта, реализация которого усматривается им фактом непреложным.

2) в составе сложных конструкций с императивным компонентом: *Дженгил бол, киногъа барабыз*. „Торопись, идём в кино“. *Хайда, кетибиз, дженгил болугуз!* „Ну, давайте быстрее, уезжаем!“

3) при решении, намерении, умозаключении: *Майда юйге кзайтама, сизгеуа андан сора барама*. „В мае возвращаюсь домой, а к вам еду после этого“.

4) при объяснении, выяснении: *Чагагъа барабыз*. „Едем на прополку“. *Эрге чыгады, алаймыды?* „Выходит замуж, так ведь?“

5) при выражении опасения, предостережения или тревоги: *Артыбыз амангъа кзалады*. „Мы плохо кончим“. *Бир палахха кзалабыз*. „Не миновать нам беды“. *Джыгъыласа, сакъ бол!* „Будь осторожен, упадешь!“ *Ауруб кзаласа*. „Вот заболеешь“. *Тут, тут, джыгъылыб кетеди!* „Поддержи (его), упадет ведь!“ *Сагъыш этчи, джангъыласа*. „Подумай-ка хорошенько, ошибаешься“.

6) при нежелательном или неодобрительном ответе или действии говорящего: *Барама-бара*. „Иду“ (... „ну что еще там“). *Береме-бере*. „Даю же ведь.“ *Чалабыз-чала* „Косим же ведь“ (разве этого мало?!).

С указанной семантикой повторные основы употребляются во всех временах. Первая основа представлена в спрягаемой форме, вторая — в усеченной, без аффиксов лица и числа, внешне совпадая с первичными деепричастиями и причастиями: *алгъанбыз-алгъан*, *алырбыз-алыр*, *аллыкъбыз-аллыкъ*, *алыучуду-алыучу*. Исключение составляет форма на *-ды* (*алдым*), которая не имеет форманта причастия или деепричастия.

Настоящее время употребляется в значении прошедшего при наличии других временных слов, служащих фоном для настоящего времени: *Тюнене бара турабыз да, аллыбызда биреу сюеледи*. „Идем мы вчера, а впереди стоит кто-то“. *Инъирде Эсенлагъа бардыкъ; къычырабыз, эшиклени тиебиз—киши'уа чыкъмайды*. „Вечером сходили к Эсену (ко всем, кто у Эсена, к его семье); кричим, стучим в двери, но никто не выходит“. *Барсанъ'а аллайгъа бар—болгъан къуюлуб турады*. „И что бы вы подумали, все разбросано“.

Употребление одного времени в значении другого часто объясняется стилистическими целями. Облекая предстоящие или прошлые действия в формы настоящего времени, говорящий оживляет, делает зримыми факты будущего или прошлого.

Будущее время

Будущее время в карачаево-балкарском языке по своей грамматической структуре представляет 2 формы: 1) форму на *-ар* || *-ыр* и 2) форму на *-лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ* (<*-ар* || *-ыр* + *лыкъ*). Вторая исторически представляет производную от первой формы (см. выше).

Попытка свести семантическую разницу этих 2-х форм будущего времени к хронологической разнице, т. е. к различию в протяженности, не правомерна. Обе формы имеют значение сугубо будущего времени. Исключения составляют афоризмы и стилистические особенности употребления будущего времени в значении других времён.

Будущее неопределенное время на *-р* образуется по схеме: основа на *-р* || *-ар* || *-ер* || *-ыр* || *-ур* || *-ир* || *-юр* + полные аф. лица.

Спряжение:

ед. ч.

- 1 л.
сана-р-ма „сосчитаю || буду считать“
ат-ар-ма „выброшу || буду бросать“
ал-ыр-ма „возьму || буду брать“
эт-ер-ме „сделаю || буду делать“

мн. ч.

- сана-р-быз* „сосчитаем || будем считать“
ат-ар-быз „выбросим || будем бросать“
ал-ыр-быз „возьмем || будем брать“
эт-ер-биз „сделаем || будем делать“

ед. ч.

- 2 л.
сана-р-са „сосчитаешь || будешь считать“
ат-ар-са „выбросишь || будешь бросать“
ал-ыр-са „возьмешь || будешь брать“
эт-ер-се „сделаешь || будешь делать“

мн. ч.

- сана-р-сыз* „сосчитаете || будете считать“
ат-ар-сыз „выбросите || будете бросать“
ал-ыр-сыз „возьмёте || будете брать“
эт-ер-сиз „сделаете || будете делать“

ед. ч.

- 3 л.
сана-р „сосчитает || будет считать“
ат-ар „выбросит || будет бросать“
ал-ыр „возьмёт || будет брать“
эт-ер „сделает || будет делать“

мн. ч.

- санар-ла* „сосчитают || будут считать“
атар-ла „выбросят || будут бросать“
алыр-ла „возьмут || будут брать“
этер-ле „сделают || будут делать“

Спряжение сложносоставных основ осуществляется по одной из моделей соответственно с структурой компонентов: глагольный (спрягаемый) компонент на *-ар || -ыр* + полные аффиксы лица: именной компонент изменяется по образцу настоящего времени (стр. 118—121). Например:

башымы алырма „избавлюсь“
башынзы алырса „избавишься“
башын алыр „избавится“

башыбызны алырбыз „избавимся“
башыгъызны алырсыз „избавитесь“
башларын алырла „избавятся“

К особенностям спряжения глагольных основ на *-ар || -ры* следует отнести, во-первых, отсутствие показателей 3 л. ед. ч.; в 3 л. мн. ч. также нет специального форманта для лица, показатель множественности *-ла || -ле* обозначает одновременно лицо и число. Во-вторых, в различных позициях в основах на *-ар || -ыр* выпадает *р*. Выпадение *р* подчиняется строгим фонетико-лексическим закономерностям. Условиями выпадения *р* являются следующие случаи: 1) если *р* присоединяется к основе на согласный (при этом предшествующие гласные не выпадают: *барыр-бары*, *келирбиз-келибиз*, *билirme-билиме*, *болур-болу*, *кёрюнюрсюз-кёрюнсюз*; 2) если *р* предшествует узкий гласный *ы*, *у*, *и*, *ю*: *алырбыз-алыбыз*, *уурма-урума*, *келирсе-келисе*, *кёрюрле-кёрюле*. Гласные в *-ар*, *-ер* не выпадают в результате лексической дифференциации, во избежание омонимии: *ат-ар-ма* „брошу“ (когда-либо), *атама* „бросаю“ (всегда или в данный момент), *джет-ер* „догонит“, *джет-е* „догоняя“, *джетебиз* „догоняем“ (вот-вот), *джетербиз* „догоним“. По той же причине невозможно выпадение *р* и в основах на гласный:

къара-р-ма „посмотрю“
къара-р-са „посмотришь“
къара-р „посмотрит“
къарар-быз „посмотрим“

къара-ма „не смотри“ (или „я чёрный“)
къара-са „если посмотрит“
къара „смотри“ (или „чёрный“)
къара-быз „мы чёрные“.

В конечном счёте выпадение *р* наблюдается в основах на *л*, *р* и отчасти на *н* (*кёрюнюрме-кёрюнюме*, *абынырса-абыныса*, *салынырса-салыныса*, *тебинир-тебини*, *джууунурбуз-джууунубуз* и т. д.). В основах на *н* в 3 л. мн. ч.

р перед *-ла* || *-ле* восстанавливается: *абынырла, кёрюн-юрле, билинирле*, хотя в основах на *л, р* выпадение *р* последовательно: *келирле—келиле, кёрюрле—кёрюле*.

Формы отрицания возможности-невозможности и вопроса аналогичны с подобными формами настоящего времени. В отрицательной форме в 1 л. ед. и мн. ч. выпадает *з (<р)* в *-маз* || *-мез (<-ма || ме + з)*, а в 1 л. ед. ч. и конечная гласная *а, е* в *-ма* || *-ме*: *бармазбыз—бармабыз, кетмезбиз—кетмебиз, баралмазбыз—баралмабыз, бармазма—бармам, кетмезме—кетмем* и т. д.

В этой связи следует отметить оригинальный случай, когда в языке происходит семантическая дифференциация между полной и редуцированной формами: *-ма-з-ма*—более категорическая форма: *айтмазма* „никогда не скажу“ (будьте уверены!), *айт-ма-м* „не скажу“ (вообще; не следует беспокоиться, раз я обещал).

Во 2 л. ед. и мн. ч. *з* ассимилируется перед *-са* || *се* и *-сыз* || *-суз* || *-сиз* || *-сюз*, уподобляясь с *с*: *бармас-са, бар-мас-сыз, келмес-сиз, келмес-се*.

Форма возможности и вопроса, как было отмечено, аналогична с подобными формами настоящего времени: *ал-ал-ыр-сыз* „сможете взять“, *бер-ал-ыр-ма* „смогу отдать“, *келалмазмы* || *кеялмазмы* || *келелмезми?* „не сможет ли он приехать?“. Вопросительный аффикс во 2 и 3 л. ед. и мн. ч. обычно ставится перед аффиксами лица: *алырмыса?* *алырмысыз?* В 3 л. ед. ч. нет аффикса лица и поэтому аффикс вопроса является замыкающим.

Будущее неопределенное на *-ар* || *-ыр* имеет несколько значений. 1) Основным в значении будущего неопределенного времени на *-ар* || *-ыр* в карачаево-балкарском языке является неопределенность как в отношении реализации действия, так и в отношении его времени. Действие само по себе не вызывает сомнения в отношении его реализации в неопределенном будущем, но нет и конкретного утверждения в этом. В карачаево-балкарском языке будущее неопределенное на *-ар* || *-ыр* не имеет тех оттенков модальности, как предположение, сомнение, которые более ярко выражены в других тюркских языках¹. Неопределенность в этом аспекте понимается как среднее между конкретностью и неопределенностью. Например: *Къайдан болса да бизни арбазгъа да бир кюн тиер.* (Х. Аппаев). „Откуда-нибудь и на наш двор посветит солнце“ (возможно когда-нибудь). *Джазар, къайгъы этме.* „Напишет, не беспокойся“.

¹ Например, в башкирском, А. А. Юлдашев. Система..., стр. 134.

рибизни суулары... барырла, агъачлары ёсерле, къушлары учарла. (К. Кулиев). „Реки Родины нашей будут течь, леса её будут расти, орлы её будут летать“. *Нек болушмай-ма, сен да бир хатер къайтарырса* (МЖ.) „Почему бы и не помочь, и ты ведь (возможно) оплатишь добром“. *Бачхачыгъыма бир къарармысыз, джашла?—Нек къарамайбыз, къарарбыз, амма.* „Присмотрите за моим огородиком, ребята?“ — „Почему не посмотреть, (обязательно) присмотрим, бабушка“. *Бюгюн бизни таба бир келирмисиз?* „Не заглянете ли сегодня к нам?“

Особенностью формы на *-ар || -ыр* является то, что с нею часто употребляются неопределенные обстоятельства времени: *къачан болса да* „когда-нибудь“, *не заманда болса да* „в любое время“ (в будущем), *къюлени биринде* „в один из (будущих) дней“ и т. д.

2) Форма на *-ар || -ыр* выражает свойства, постоянный признак, обычность или предрасположенность субъекта. Это часто встречается в афористических изречениях, пословицах, поговорках, а также в сказках и поэзии: *Кёрген кёргенин этер, кёчген арбасын джегер.* „Видевший (многое) делает то, что видел, переезжающий запрягает (снаряжает) арбу“. *Биреуге уру къазсань, кесинь тюшерсе.* „Выроешь яму другому — сам в неё попадешь“. *Тюкюрюк баш джармаз, налат кёз алмаз.* „Плевок не проломит лба, проклятие не выбьет глаза“. *Аман бергенин, ашхы кёргенин айтыр.* „Плохой расскажет о том, что отдал, хороший — о том, что видел“. *Аманны эки кирли тону болур, бирин санъа берир, бирин кеси киер.* „У плохого (неряхи) бывает две грязные шубы, одной наделит тебя, другую оденет на себя“. *Тау таугъа тюбемез, адам адамгъа тюбер.* „Гора с горой не сойдегся, человек с человеком встречается“.

Следует отметить, что в карачаево-балкарском языке большинство пословиц и поговорок оформлено на *-ар || -ыр*.

Форма на *-ар || -ыр* в поэзии или прозе применяется при описании обычных, известных традиционных сцен быта или постоянных свойств людей или предметов. В этом случае *-ар || -ыр-* употребляется в значении настоящего времени, например:

*Къарачайлы тюзлюкню
бек
сюер, сыйлар, кёлтюрюр,
амма бир-бирде келинин
сүйреб, къыйнаб келтирир.*

„Карачаевец справедливость
(обычно) очень
любит, уважает, превозносит,
но иногда свою невесту,
умыкнув, замучив, приводит“.

(А. Уртенев),

Все глаголы здесь употреблены в форме будущего времени со значением обычности—„так бывает обычно“, „часто бывает“, „мы знаем“ (или „видим“...).

3. Будущее на *-ар || -ыр* в сказках содержит оттенок должностования, неизбежности в последовательности предстоящих действий героя или других персонажей, и в этой связи—совет в форме осторожного предположения: *Керек кюн бу туюню отха джетдиурсе; ол сагъатдан къара аджир шыб деб джетер; юсюне минъенлей, алтын джалындан къаты къадалырса. Ол бир секиргенлейине айлыкь джолну къоратыр... Сора Къаракъуш дунияны къалтыратыб, боран-гылан этиб джетер.* (Из сказки). „В нужный день прожжёшь это перо. В тот же миг примчится вороной жеребец. Как только сядешь на него, ухватишься за его золотую гриву. Одним прыжком он промчит месячный путь... Затем задрожит земля, поднимется ураган-буря—это примчится Каракуш“.

Форма на *-ар || -ыр* передаёт также совет-приказ, согласие, решение, опасение или предостережение: *„Юйде къартлагъа болушурма, бир-эки ай да турурма,“—деб мурат этди.* „Дома помогу старикам, проживу месяц, другой“,—решил он. *Тубемей келирсе, эшитмедим деме.* „Смотри, вернётся, не встретив“ (предупреждение). *Бир туюню аджаштырырса, кёрюме сора.* „Попробуй только потеряй хоть один волосок, посмотрю я тогда“ (угроза). *Инъирд-келирсиз да нарядланы алырсыз дегенди бригадир.* „Вечером придете и получите наряды,“—сказал бригадир“. *Бары(р)ма-бары(р), къайгы этмегиз.* „Не беспокойтесь, пой, ду же я“. *Ауруб къалырса, кесинъи сакъла.* „Береги себя, вдруг заболеешь“.

Сложносоставные глаголы с вспомогательными глаголами *къал-, кет-, ий-, джибер-* и др. на *-ар || -ыр*+частица *да* выражают опасение: этот оттенок значения более чётко выражается в отрицательной форме: *келиб къалыр да* „а вдруг приедет“; *джазмай къоярса да* „а вдруг ты не напишешь“; *сыныб кетер да* „а вдруг сломается“; *айтыб джибериме да* „вдруг расскажу“ (не сдержусь).

Значение опасения, предупреждения, совета в форме на *-ар || -ыр* часто усиливается междометиями и частицами; например: *Хай-хай-хай, суугъи кетерсиз! Анда суу анасы барды.* „Ох, смотрите утонете! Ведь водяной там“.

Модальные оттенки формы на *-ар || -ыр* не связаны с самой формой. Они представляют продукт контекста, ситуации, различного рода конструкций с модальными частицами

и глаголами. Однако отличительной чертой формы на *-ар* || || *-ыр* является её несочетаемость с модальными глаголами *кёреме, болур, ушайды (шойт)* и др.

Будущее категорическое время

Эта форма будущего времени образуется по схеме: основа + *-лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ* + полные аффиксы лица. Как указывалось, форманты *-лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ* исторически восходят к *-ар* || *-ыр* + *-лыкъ*.

Спряжение простых основ:

1 л.	<i>бар-лыкъ-ма</i>	„схожу“ (непременно)
	<i>сор-лукъ-ма</i>	„спрошу буду спрашивать“
	<i>эт-ерик-ме</i>	„сделаю буду делать“
	<i>кёр-люк-ме</i>	„увидю буду видеть“
2 л.	<i>барлыкъ-са</i>	„сходишь“ (непременно)
	<i>сорлукъ-са</i>	„спросишь будешь спрашивать“
	<i>этерик-се</i>	„сделаешь будешь делать“
	<i>кёрлюк-се</i>	„увидишь будешь видеть“
3 л.	<i>барлыкъ-ды</i>	„сходит“ (непременно)
	<i>сорлукъ-ду</i>	„спросит будет спрашивать“
	<i>этерик-ди</i>	„сделает будет делать“
	<i>кёрлюк-дю</i>	„увидит будет видеть“

мн. ч.

1 л.	<i>барлыкъ-быз</i>	„сходим“ (непременно)
2 л.	<i>сорлукъ-суз</i>	„спросите будете спрашивать“
3 л.	<i>этерик-диле</i>	„сделают будут делать“

Форматы *-рыкъ* || *-рукъ* || *-рик* || *-рюк* [*-р+(л)ыкъ* || *-р+(л)укъ* || *-р+(л)ик* || *-р+(л)люк*] встречаются после основ на гласные и согласные (в отрицательной форме): *сана-рыкъ* „долженствующий считать“, *шле-рик* „обязанный работать“, *кёру-рукъ* „обязанный защищать“, „охранять“, *джю-лю-рюк* „должный побрить“, *ач-арыкъ* „обязанный открыть“, *ёт-ерик* „должный перейти“ (вброд), *джаз-арыкъ* „долженствующий написать“ и т. д.; в основах с конечными *л, р*, после отрицательной формы на *-маз* || *мез* присоединяются *-лыкъ* || *-лукъ* || *-ликъ* || *-люк*: *ал-лыкъ* „обязанный брать“, *сор-лукъ* „обязанный спрашивать“, *бил-лик* „обязанный знать“, *кёр-люк* „обязанный видеть“, *кел-мез-лик* „тот, ко-

торый не вернется"; форманты на *-ныкъ* || *-нукъ* || *-ник* || *-нюк* присоединяются к основам на *-н*: *джууун-нукъ* „тот, который должен купаться“, *кийин-ник* „тот, который должен одеваться“. (Более подробно см. выше).

Сложносоставные глаголы спрягаются по обычной схеме: основной компонент или не изменяется (глагольный) или изменяется по possessиву (именной); глагольный, служебный компонент спрягается или имеет форму 3л. ед. ч.; например:

кетиб къаллыкма „веду“ (непреречно)
кетиб къаллыкса „ведешь“
кетиб къаллыкды „ведет“

мн. ч.

кетиб къаллыкбыз „ведем“ (непреречно)
кетиб къаллыксыз „ведете“
кетиб къаллыкдыла „ведут“

Форма возможности: *джаз-ал-лыкбыз*, *кел-ал-лыкбыз*, *кел-ал-лыкса* (|| *кел-ял-лыкса* || *кел-ел-ликсе*). Следует отметить, что в основах в форме возможности всегда будет вариант *-лыкъ*, т. к. он присоединяется к форманту с конечным *л* (в *-ал*).

Отрицательная форма образуется с помощью предикативно-отрицательной частицы *тюл-* || *түйюл-*, изменяющейся по лицам:

	ед. ч.		мн. ч.
<i>-лыкъ</i> <i>-рыкъ</i> <i>-ныкъ</i>	$\left\{ \begin{array}{l} \text{тюлме} \\ \text{тюлсе} \\ \text{тюлдю} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{-лыкъ} \text{-рыкъ} \\ \text{-ныкъ} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{тюлбюз} \\ \text{тюлсюз} \\ \text{тюлдюле} \end{array} \right.$

барлыкъ тюлме „не пойду“ (ни за что); *джуууннукъ тюлбюз* „не будем купаться“.

Это единственная глагольная форма, у которой отрицательная форма образуется аналитическим способом. (Правда, можно встретить крайне редкую форму отрицания в основах на *-лыкъ* || *-мазлыкъ* || *-мезлик*: *бармазлыкса* „не пойдешь“, *бермезликбиз* „не дадим“).

В сложносоставных основах с глагольными компонентами один или оба компонента могут выступать в отрицательной форме, второй сочетается с *тюл-* || *түйюл-*: *джазмай къоярыкъбыз* „не будем писать“ („не напишем“); *джазмай къоярыкъ тюлбюз* „напишем“ (обязательно).

Форма невозможности образуется с *тюл* || *түйюл*: *ал-ал-лыкъ тюлме* „не смогу взять“ (или *ал-ал-маз-лыкъма* — в том же значении. Однако, как указано, эта форма крайне редкая).

Вопросительная форма аналогична с формой на *-ар* || *-ыр*, т. е. в 1 л. ед. и мн. ч. формаит вопроса ставится после афф. лица, а во 2 и 3 л. ед. и мн. ч. — перед этими аффиксами: *къаллыкъмамь?* „останусь ли?“ „оставаться ли мне?“; *къаллыкъбызми?* „оставаться ли нам?“; но: *къаллыкъмыса?* „останешься ли?“ *къаллыкъ-мы-сыз?* „останетесь ли?“; *къаллыкъмы-ды?* „останется ли?“; *къаллыкъмы-дыла?* „останутся ли?“

Будущее категорическое время на *-лыкъ* в карачаево-балкарском языке обозначает действие, осуществление которого не вызывает сомнения у говорящего. Оно передает целый ряд синонимических значений: несомненность — уверенность, непреложность — долженствование, категоричность — неотвратимость и др. Сама по себе форма на *-лыкъ* не уточняет конкретные рамки действия времени. В этом отношении форма на *-лыкъ* как бы ставится на одну доску с формой на *-ар* || *-ыр*. Однако форма на *-лыкъ* хронологически воспринимается гораздо ближе к моменту речи, чем будущее неопределенное на *-ар* || *-ыр*. Такую относительную конкретность вносит оттенок категоричности и долженствования в семантике *-лыкъ*.

Форма на *-лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ* в карачаево-балкарском языке имеет широкое распространение. Она обозначает обязательное будущее действие и не употребляется в значении других временных форм, равно как не допускает своей замены другими формами, отличаясь этим от других временных форм своей семантикой и своим употреблением.

Форма на *-лыкъ* выражает умозаключение, уверенность, решение, совет говорящего:

*Энди арт кюнлерин джазарыкъма,
Ол кюнлерин тинтерикме, къазарыкъма,*

(А. Уртенов.)

„Теперь я опишу её последние дни,
Их детально прошупаю я, проверю“.

Атасына ушай эсе, ол бизге деменьили къуллукъчу боллукъду. (Х. Аппаев).

„Если он похож на своего отца, то непременно будет верным для нас слугой“.

Джети джукълаб эсимде джокъ эди, къолан къабчы-гъым сау-саламат къолума тюшерикди деб. (Х. Аппаев)

„И во сне не снилось. и в мыслях не было, что мой пёстрый кабчук (кожаный мешок) целёхонький попадёт опять в мои руки“. *Мен айтырыкь кёб затланы сиз бусагъатда айыраллыкь тюлсюз* (Х. Аппаев). „Из того, что я должен сообщить, многое вы сейчас не сможете понять“. *Бирлешиб туругъуз, сизни киши да сундыраллыкь, бюгаллыкь тюлдю.* (МЖ). „Будьте воедино, вас (тогда) никто не сможет сломить, согнуть“. *Быйыл иги битерикди.* „В этом году (обязательно) будет хороший урожай“.

Другими оттенками значения этой формы являются неотвратимость, обреченность, долженствование, которые представляют объективную оценку говорящего: *Джауарыкьды.* „(Непременно) пойдет дождь (снег)“. *Ёлюмден ким кьаллыкьды?* „Кто же уцелеет от смерти?“ *Не амалынъ барды бермей, берликсе.* „Как можешь не отдать, (непременно) отдашь“. *Былайдан узакъ кьайры барлыкьды ол.* (А. Уртепов). „Куда она отсюда может удалиться.“

*Ненча ёмюр бизден саркьыб озса да,
Байракъ болуб алларында барлыкьса,
Тул-тубанча сен окъуучуларыны
Кюреш джалгъа кьурч кибик кьатдырлыкьса.*

(Дж Дж. Байрамукова Х., Н. Островскому)

„Сколько бы от нас ни утекло веков,
Знаменем пройдешь ты их впереди.
Бесчисленных ты своих учеников
Закалишь, как сталь, для пути борьбы“.

„Кёз байланнъанлай тюртюлеге келсин, алайда сакъларыкьма“, — *деб бек кьаты айтханды.* (Х. Аппаев) „Как только стемнеет, пусть придет к барбарисовым кустам, там буду ожидать,“ — настойчиво просил он передать“.

Некоторые оттенки значения этой формы выражают опасение, предостережение, угрозу: *бюгюлюб турады, сынарыкьды* „прогнулась, ведь сломается“; *келиб кьаллыкьдыла, дженъил болугъуз* „торопитесь, они вот-вот придут“; *кёзюнден айтырыкьма* „скажу (непременно) в глаза ему“.

В отличие от формы на *-ар* || *-ыр*, форма на *-лыкь* широко сочетается с модальными формами, выражающими сомнение, неуверенность и другие оттенки субъективной оценки говорящего. В некоторых языках соответствующая карачаево-балкарскому *-лыкь* || *-рыкь* || *-ныкь* форма будущего категорического на *-(а)жак* || *-(е)жек* не сочетается с модальными формами. Например, в башкирском языке

форма на *-сак* || *-сек* не сочетается со словом „*белки*“ „вероятно“¹. Дело в том, что в карачаево-балкарском языке „под сомнение“ ставится не объективность или категоричность действия, как основное в содержании этой формы, сомнение, предположение или неуверенность говорящего касаются самого действия: *джазарыкъ болур* „вероятно (должно быть, наверное...) обязательно напишет“; *джазарыкъ кёреме* „оказывается, он (обязательно) будет (может) писать“; *джазарыкъ ушайды да* („*шойт да*“) „ведь, кажется, он должен написать и др.

Прошедшее время

Система прошедшего времени представлена в карачаево-балкарском языке целым рядом форм, дифференцированных по морфологической структуре и семантике. По своей структуре эти формы делятся на простые (основные) и сложные (производные). К простым формам относятся форма прошедшего категорического на *-ды*, форма прошедшего результативного времени на *-ыб* || *-б* и форма прошедшего неопределенного на *-гъан*; сложные (производные) представлены формами на *-гъан эди-*, *-а* || *-е* || *-й эди-*, *-(ы)учу эди-*, т. е. всего 6—2 простые и 4 сложные формы.

Прошедшее категорическое время на *-ды*

Спрягаемая форма прошедшего категорического времени образуется по схеме: спрягаемая основа + *ды* + афф. лица (краткие):

ед. ч.

мн. ч.

<i>ал—ды—м</i>	„я взял“	<i>ал—ды—къ</i>	„мы взяли“
<i>кел—ди—нъ</i>	„ты пришел“	<i>кел—ди—гиз</i>	„вы пришли“
<i>тут—ду</i>	„он поймал“	<i>тут—ду—ла</i>	„они поймали“

Сложносоставные глаголы спрягаются по этой же схеме, т. е. спрягаемый (служебный, компонент — по типу простых основ, основной не изменяется или изменяется по поссессиву: *кетиб къалдым* „уехал“ (*къалдынъ, къалды, къалдыкъ* и т. д.); *аманат эт-* „поручить || доверить“: *аманат этдим* (*этдинъ, этди, этдик, этдигиз, этдиле*); *джанына тий-* „обидеться“: *джаныма* (*джанынъа, джанына, джаныбызгъа, джаныгъызгъа, жанларына*) *тийди* „обиделся || обиделись“ (я, ты, мы, вы, они).

¹ А. А. Юлдашев, Система..., стр. 137.

Для карачаево-балкарского языка характерны 2 ступени редукции начального „д“ в *-ды*: 1) в 3 л. ед. ч. настоящего времени в абсолютном конце основы *-ды>т*; 2) после глухих *к, къ, п. (<б), с, т, ч, ш*, начальный „д“ в *-ды* оглушается и приобретает качество средней глухости, т. е. *д>тд*: *тик—тик* „сшили“, *акъ—ты* „протекло“, *бас-ты-нъ* „ты наступил“, *сат-ты-ла* „они продали“, *уч-ду* „улетел“, *биш-ти* „сварилось“; причём в основах на *-ч ч*: *ш*: *уш-ту, аш-ты (<ач-* „открыть“), *къош-ту* „прибавил“, *иш-ти* „выпил“ (*<ич-* „пить“). В отношении гласных *-ды* имеет 4 варианта: *-ды || -ду || -ди || -дю*: *ал-ды, ор-ду, эт-ди, кёр-дю*.

Отрицательная форма выражается аффиксами *-ма || -ме*, т. е. синтетически: *ал-ма-дынъ* „ты не взял“; *бер-ме-ди-гиз* „вы не дали“; *сор-ма-ды-ла* „они не спросили“. Форма возможности — невозможности: *ал-ал-дыкъ* „мы смогли взять“; *сор-ал-ма-ды-нъ* „ты не смог спросить“. Формант вопроса, в отличие от других спрягаемых форм, ставится во всех случаях после аффикса лица: *алдынъмы?* „ты взял ли?“; *ал-дыммы?* „я взял ли?“; *алдымы?* „он взял ли?“; *сордукъму?* „мы спросили ли?“; *сордугъзуму?* „вы спросили ли?“; *сюр-дюлеми?* „они вспахали ли?“ В форме на *-ды*, таким образом, место форманта вопроса — за формантом лица — определено и не нарушается.

Все эти формы (отрицание, возможности, вопроса) в сложносоставных основах с глагольными компонентами могут употребляться факультативно в составе одного или всех компонентов. Это зависит от стилистических особенностей конструкции. При этом формы возможности и вопроса употребляются один раз. Примеры: *джазмай къойду* „он не стал писать“; *джазыб къоймады* „он не написал“ (не согласился); *джазмай къоймады* „написал“ (упорно добивался этого, „написал-таки“); *джазалыб къойду* „он смог закончить писать“; *джазыбмы къойду?* „неужели написал?“ („согласился?“), „пожелал?“).

Как известно, форма прошедшего категорического времени „имеется“ (с некоторыми фанетическими различиями) во всех тюркских языках — от якутского на востоке до гагаузского на западе¹. Происхождение этой формы, естественно, привлекало внимание как отечественных, так и зарубежных тюркологов. Предположения о происхождении формы на *-ды* сводятся в основном к трём:

¹ Ф. Е. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского яз., М., 1961, стр. 366.

1) древняя форма афф. принадлежности *-ды* (=современному афф. *-сы*) восходит („с значительной долей вероятия“) к указанному местоимению *ити (итин)*¹;

2) *-ды* восходит к отглагольному имени на *-ыт* || *-ит* || *-т—ал-ыт-(ым)*²;

3) *-ды* восходит к более древней форме причастия на *-дук*³. Наиболее приемлемым является предположение *-ды* < *дук*.

Основное значение формы на *-ды* — выражение достоверного действия, которое является несомненным фактом для говорящего. Данная форма чаще всего показывает законченное в недалеком прошлом действие, о котором говорящий имеет достоверные сведения или сам является участником или очевидцем. На первом плане — подлинность действия, но не обязательное соучастие или очевидность⁴. Последние могут и не быть, говорящий может получить достоверные сведения разными путями. Иногда источник подобного сведения сам может быть сомнительным. В этом случае сомнения вызывает только данный источник, а не подлинность самого действия: *Туугъан кетди дейдиле*. „Говорят Туугъан уехал“. *Сабий джукълады богъай*. „Кажется, ребёнок уснул“.

Мнение о том, что форма на *-ды* выражает законченное действие, не совсем справедливо. В карачаево-балкарском языке прошедшее категорическое время употребляется широко и выражает разнообразные оттенки значения действия во времени и характере его протекания. Форма на *-ды* выражает действие результативное и незаконченное, многократное и непрерывно-длительное. Формой на *-ды* передаются действия, совершение которых соотнесено с недавним прошлым или, наоборот, с очень далеким прошлым. Этой же формой передаются различного рода воспоминания, чередующиеся действия, действие и его результат, риторические вопросы и т. д. Примеры:

*Ол кийикни сюре-сюре тебредим,
Уллу Бахсанны тауларына ёрледим,
Ол таулада кийигими эслемедим.* (МПА).

¹ А. Н. Кононов. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. — Тюркологический сборник, 1, М.—Л., 1951, стр. 115.

² Там же.

³ Н. А. Баскаков. Причастие на *-ды/-ты* в тюркских языках. Труды МИВ, № 6. М., 1951.

⁴ А. А. Юлдашев. Система..., стр. 144.

„Начал преследовать того тура,
Взобрался я на горы Большого Баксана,
Не заметил я на тех горах своето тура“.

*Багъдатха да, Стамбулгъа да бардым.
Мекканы Кааба ташына баш урдум,
Алай къайтханымда джарлы джериме
Анама джанъыдан туугъанча болдум.*

(МПА, К. Мечиев).

„И в Багдаде, и в Стамбуле я бывал,
Кааба—камню Мекки я поклонился,
Все же, вернувшись на мою бедную землю,
Ожил, словно я родился вновь“.

*Ол кюнле, ол кюнле, эсиме тюшдюгюз,
Бу къадар джыллада мыйымда бишдигиз,
Бишдиле башымда мудахлы хапарла.*

(МПА, О. Этезов).

„Те дни, те дни, вспомнились вы,
Столько лет в мозгу всё зрели вы,
Созрела в голове повесть печальная“.

*Бердиле эрге, „Выдали замуж,
Салдыла кёрге, Словно похоронили,
Ачыулукъ дуниясын чайнадым. Испытала я горькую долю“.*

(Д. Байкулов).

В этих примерах достоверность излагаемого конкретизируется тем, что о своих воспоминаниях и переживаниях рассказывает сам говорящий.

Форма на -ды выражает, наряду с результативностью и законченностью, многократность и незаконченность действия:

*Джарлы халкъым, мен кёб китаб окъудум,
Андан санъа хайыр чыгъар деб турдум.*

(К. Мечиев)

„Бедный мой народ, много книг я прочитал,
Все думал, будет хоть какая польза для тебя“.

*Тебердиге кёпюр салдым да, суу элтди,
Биягъы эмина шам Тебердини къуу этди.*

(М П А).

“Перекинул мост я через Теберду — река унесла,
Опять чума опустошила благословенную Теберду”.

*Бу келечи хайда келди, хайда кетди,
Чабды, джортду, эки арада сокъмакъ этди.
Ким билсин, неле сёлешди, неле айтды,
„Белги“ берди, иш тауусду да къайтды.*

(Д ж Д ж. А. Уртенев).

„А сват этот то приходил, то уходил,
Завертелся, забегался, между ними тропу проторил.
Кому знать, что наговорил он там, чего не говорил,
„Белги“! вручил, кончил сговор и вернулся.“

Форма на *-ды* встречается в рассказах и сказках: *Бир заманда бир уллу сарыуек келе кёрюндю... Сарыубек чулгъанды, тёнъерей барыб, къаядан кетди.* (МЖ). В одно время одно громадное чудовище, направляясь сюда, показалось... Чудовище свернулось, покатилося, свалилось в пропасть“. *Алайда уа ханны да, джашын да уруб башларын тайдырды, къалаларын бузду, кесини къатынын къутхарды.* (МЖ). „А там он и хану, и его сыну снёс головы, разорил их крепость, избавил свою жену“.

Форма на *-ды* в карачаево-балкарском языке редко встречается в составе пословиц и поговорок. В тех редких случаях, когда она входит в их состав, форма на *-ды* выступает со значением постоянной характеристики или свойства (ср. дуративное значение настоящего общего времени на *-а* || *-е* || *-и* и будущего на *-ар* || *-ыр*); например: *Юй ишлеген балта эшикде къалды.* „Топор, который строил дом, остался на дворе (дом построен, нет надобности теперь в топоре; отсюда мораль: не следует забывать о том, чьими трудами и заслугами сделано дело). *Атдан кетген къалды, эшекден кетген ёлдю дегенлей...* „Как говорится, кто свалился с лошади, остался в живых, а кто с осла — погиб“ (со значением „кому как повезёт“).

Форма на *-ды* иногда употребляется в значении будущего времени. В этом случае она выражает уверенность, убежденность говорящего о непрременной реализации предпринятого действия в ближайшем будущем. В этом случае значение формы на *-ды* сходно с семантикой будущего времени: *Ма бусагъатдан джетдик!* „Мы сейчас же приедем!“

¹ «Белги» — знак, предмет, вручаемый семье невесты в знак состоявшегося сговора.

Тар ёзенде бизге джашау тауусулган эсе, Къанамат эли тѣгерегинде айланган хапары барды, анъа къошулдум да кетдим. (Х. Аппаев). „Коль в этом узком ущелье нам жизни нет, по слухам, Каманат находится где-то поблизости от аула, то пристану к нему и уйду“.

Прошедшее результативное время

Эта форма времени образуется по схеме: спрягаемая основа + *-б* || *-ыб* || *-уб* || *-иб* || *-юб* + полные афф. лица:

ед. ч.

мн. ч.

1. <i>кетибме</i> „я уехал“
(пребываю уехавшим)	<i>кетиббиз</i> „мы уехали“
(пребываем уехавшими)
2 <i>кетибсе</i> „ты уехал“	<i>кетибсиз</i> „вы уехали“
3 <i>кетибди</i> „он уехал“	<i>кетибдиле</i> „они уехали“

Формы отрицания, возможности-невозможности не употребительны, вопросительная форма — по обычной модели: *аурубмамы?* „болен ли я?“, *ачылыбмыды?* „открыто ли?“

Прошедшее результативное время образуется из ограниченного круга глаголов движения и состояния. Специфической данной формы является промежуточный характер его временного значения. Глаголы действия в этой форме имеют значение прошедшего времени, глаголы же состояния — значение настоящего времени. По этому признаку правильно было бы её называть прошедше-настоящим результативным временем. Ограниченное словообразование спрягаемых глаголов на *-ыб* || *-б*, отсутствие многих формообразующих моделей, промежуточный характер их временного значения определяют и их ограниченное употребление в языке.

Форма на *-ыб* || *-б* + афф. лица (ср. в узбекском языке — прошедшее субъективное время¹) обозначает переход динамического действия в состояние, в статику; например: *Москвагъа кетибди* „находится в Москве“ (уехал в прошлом и в данный момент „пребывает уехавшим“); *списокга тюшюбдю* „он находится в списке“ (является попавшим в список и таковым пребывает“); *кѣпюрню суу алыбды* „река снесла мост“ — факт этот к моменту сообщения о_к нём пребывает таковым. Русский перевод таких конструкций точнее передаёт результативность данной формы в ф^орме прошедшего времени.

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 220.

Другое значение — действие достигло определенного развития, и теперь сохраняется достигнутый уровень, переходя в равномерно-усиленное действие или состояние: *Бюгюн Къобан къобубду*. „Сегодня Кубань разбушевалась“ (пребывает такой). *Аслан ачыуланыбды*. „Аслан рассердился“ (и пребывает в этом состоянии).

Обычно употребляется 3 л. ед. и мн. ч. Другие лица употребляются крайне редко.

Прошедшее неопределенное время на -гъан

Спрягаемая форма прошедшего неопределенного времени на *-гъан* (другие названия: „прошедшее-настоящее“, „прошедшее недатированное“, „прошедшее перфективное“, „прошедшее совершенное“, „прошедшее время II“, „прошедшее эпизодическое“ и др.) в карачаево-балкарском языке образуется по схеме: спрягаемая основа + *-гъан* + полные аф. лица:

ед. ч.		мн. ч.	
1. <i>ал-гъан-ма</i>	„я брал“	<i>ал-гъан-быз</i>	„мы брали“
<i>кел-ген-ме</i>	„я пришёл“	<i>кел-ген-биз</i>	„мы пришли“
2. <i>ал-гъан-са</i>	„ты брал“	<i>ал-гъан-сыз</i>	„вы брали“
<i>кел-ген-се</i>	„ты пришёл“	<i>кел-ген-сиз</i>	„вы пришли“
3. <i>ал-гъан-ды</i>	„он брал“	<i>ал-гъан-дыла</i>	„они брали“
<i>кел-ген-ди</i>	„он пришел“	<i>кел-ген-диле</i>	„они пришли“

Сложносоставные формы на *-гъан* спрягаются по обычной модели: второй (вспомогательный) компонент — по лицам, первый по possessиву (или не изменяется): *окузгъан этгенме* (*этгенсе, этгенди*) „я (ты, он..) учился“; *кёлюм (кёлюнъ, кёлю) къалгъанды* „я (ты, он) обиделся.“

К фонетическим особенностям формы на *-гъан* следует отнести следующие:

1) по первому согласному *-гъан* имеет 7 вариантов: *-гъан* || *-ген* — после основ на гласные или *й, у, з, л, м, р*; *-хан* || *-кен* — после основ на *б, (<п), п, с, т, ч, ш*; *-къан* || *-кен* (графически *-гъан* || *-ген*) после основ на *къ, к*; *-нъан* || *-нъен* — после основ на *н, нъ*;

2) начальные *х, к, в* *-хан* || *-кен* > *хъ, къ* (вторая ступень редукации): *сатхъанса* „ты продал“; *кескъенди* „он отрезал“.

Третья ступень редукции (полная ассимиляция) имеет место в *-кван* после *кь*: *акъкъанды* „протекло“; *кьоркъкъанды* „испугался“. Однако отсутствие экспериментальных данных и соответствующих исследований затрудняет выявление более полных данных законов редукции этого явления;

3) *-гван* не имеет губного варианта (следовательно, следующая агглютинация также представляется негубными аффиксами);

4) конечный сонорный в *-гван* перед губными *м, б*, (в афф. *-ма* || *-ме*, *-мы* || *-му* || *-ми* || *-мю*, *-быз* || *-буз* || *-биз* || *-бюз*) ассимилируются: *алгван-ма-алггамма* „я взял“; *кёргемме* „я видел“; *кь ойггаммыса?* „ты оставил?“, *бергембиз* „мы отдали“;

5) в 3 л. ед. и мн. ч., наряду с полными, употребляются усеченные форманты: *табханды-табхант* „он нашел“ (*-ды* > *т*; ср. насг. вр.: *табады-табат*); *билгендиле-билгелле* („*-ди*“ выпадает полностью, *н* в *-ген* регрессивно ассимилируется в *л*.).

Отрицательная форма прошедшего неопределенного времени образуется с помощью *-ма* || *-ме* (т. е. одним способом; в других тюркских языках несколько способов, напр., в узб. три: с помощью *-ма* || *-ме*, именного отрицания *эмас* и слова *йук*¹): *айтмагванма* „я не говорил“; *келмегенди* „он не пришел“.

Формы возможности и вопроса — по обычной модели (т. е. в 1 л. — после афф. лица, во 2 и 3 л. — перед ним): *соралма-гван-сыз* „вы не могли спросить“; *джаз-ал-гван-ма* „я смог написать“; *соргван-мы-са?* „ты спросил?“; *кел-ял-ма-гван-мы-сыз?* „разве вы не сумели приехать || придти?“

В сложносоставных основах имя + глагол все эти формы, за исключением формы вопроса, употребляются в составе глагольного компонента; вопросительная форма может входить в состав любого компонента, выбор которого с вопросительной акцентуацией зависит от целей вопроса: *сылтаму этгенди?* „разве он отговаривался“. Говорящий выясняет, что именно предпринял субъект. Во втором случае *сылтау этгенмиди?* „отговаривался ли он?“ выясняется наличие факта вообще: предпринял ли субъект ожидаемое действие или нет.

В сложносоставных основах из глагольных компонентов формы возможности-невозможности, отрицания и вопроса могут употребляться в стилистических целях с любым ком-

¹ А. Н. Кононов, Грамматика современного узбекского литературного языка, М.—Л., 1960, стр. 217.

понентом (чаще с основным, с первым): *айтыб тургъанды* „он (часто) говорил“ (тогда); *айтмай тургъанды* „он не говорил“, „молчал“ (долгое время молчал, как стало известно); *айтыбмы тургъанды?* „разве говорил (часто) он?; *айтыб тургъанмыды?* „говорил ли он?“; *джазыб тургъанды* „смог он писать“ (пребывать долго „пиша“); *джазальб тургъанды* „(каждый раз) он смог писать“ (справляться с писанием).

Значение формы на-гъан

Многозначность формы на-гъан в каждом из тюркских языков (за исключением турецкого, где форма на-гъан замещается формой на-мыш || -миш) общеизвестна. Но, вместе с тем, значение этой формы в каждом отдельном языке отличается спецификой своего содержания. Очевидно, с этим положением связано обилие определений, даваемых учеными спрягаемой форме на-гъан.

В семантике прошедшего времени на-гъан одни ученые выдвигают на первый план неопределенность протекания прошлого действия во времени (большинство авторов), другие — незавершенность действия (Н. Ф. Катанов¹), третьи усматривают в нем перфект (Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов²), четвертые — „заглазность“ (А. А. Юлдашев³) и т. д.

По своим функциям, значению и употреблению нет ни одной временной формы, которая бы совершенно отмежевалась от других, не вторгалась бы каким-то своим аспектом в плоскость другого временного плана. Одни временные формы употребляются в значении других или просто, по ситуации, перестают обозначать конкретное время. В этом смысле формы времен глагола соотносительны, тесно связаны между собой и, следовательно, представляют общую систему категории времени глагола.

В карачаево-балкарском языке спрягаемая форма на-гъан обозначает действие, протекавшее в неопределенном прошлом. Действие может содержать различную характеристику (прерывность, непрерывность, краткость и т. д.). Результативность, завершенность, переход протекавшего в прошлом действия в состояние, тенденция превращения действия в характеристику субъекта и другие оттенки в

¹ Н. Ф. Катанов. Опыт..., стр. 122.

² Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка М.—Л., 1940, стр. 106; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, § 266.

³ А. А. Юлдашев. Система..., стр. 138—139.

значении формы на -гъан отражают семантику самой основы или привносятся контекстом, ситуацией. В сложносоставных глаголах подобное уточнение вносит служебный компонент.

Прошедшее неопределенное время на -гъан простирается в временном своем протяжении между двумя пунктами. Исходным пунктом обычно является неопределенное прошлое или деталь его (обстановка, описание и т. д.); это фон высказывания. Другой „конец“ формы на -гъан направлен на плоскость настоящего времени с его центром — моментом речи. Неопределенность этих пунктов и нечеткость самого фона высказывания является предпосылкой к неопределенности формы на -гъан в отношении ее временной протяженности.

Прошедшее неопределенное время на -гъан употребляется в языке весьма широко и имеет ряд значений:

1. Действие разворачивается на фоне событий и обстановки неопределенного прошлого:

*Тарыкъгъанды, къарт къатын къучакълагъанды,
Жилягъанды, сытылгъанды, ийнакълагъанды,
Ёрюзмекни кёргенде жарыгъанды...*

(МПА, Ерюзек и Ногъайчыкъ).

„Пожаловалась (тогда), старуха обняла,
Расплакалась, загоревала, приголубила,
Посветлела, увидевши Ёрюзмека...“
*Жауунла жауалла жалпакълага¹, кёллеге,
Къууугъун келгенди Къарачайда эллеге...*

„Льют дожди на прогалины, озёра.
Пришла тревожная весть в аулы Карачая...“

(МПА, Татаркъан)

Здесь формой наст. времени „льют“ автор воссоздает картину, обстановку, фон, т. е. разыгравшуюся природную стихию; на этом фоне затем сообщается об объявленной тревоге. *Мен ол тойда тебсей тургъанлай уянгъанма.* (МЖ). „Я проснулся на том пиру в тот момент, когда я танцевал“ (вариант концовки сказки). *Кюбюр бир элли къаты бла озуб кетиб бара болгъанды* (МЖ). „(В то время) сундук проплывал мимо одного села“. *Арбазда юч эгеч джун тарай болгъандыла.* „(Тогда) на дворе три сестры чесали шерсть“. *Эртде—эртде тул къатын бла*

¹ 1. В Балкарин вместо карчаевской аффрикаты дж употребляется ж.

аны жашчыгызы эли төбен кыйырында жашаб болгандыла, „В давние времена в нижней стороне аула жили вдова и её сынишка“. Бурун бир жерде бир тау эл жашаб болганды. „В древности в одном месте находился горный аул“. В этих примерах (взятых из МЖ) встречаются редкие в речи карачаевцев балкарские сложные глаголы -ыб (или -а || -е || -й) болганды.

Иногда фон датируется более чётко: *Сен тюнене да сау кюнню узагына былайда олтуруб тургганса. Сен нек келгенсе?* (МЖ). „Ты (и) вчера весь день здесь просидела. Зачем ты пришла?“

2. Многократное или длительное действие в неопределённом прошлом:

*Нарт Ерюзмек, суйсе, кёкге учханды,
Кёкде булутланы джелча чачханды.* (МПА).

„Нарт Ерюзмек, когда хотел, в небо летал,
Тучи в небе, как ветер, разгонял“.

*Жашлыгым окъланы тюбюнде барганд,
Сивашны жырыб ётгенди Къырымгъа,
Кенъжауурун батырланы артына
Букъмагъанды ол, окъладан кесин сакълай,
Бой бермегенди жерими жауларына,
Айла турганд, къатхан сухарны чайнай.*

(К. Кулиев. Ачыкъ сёз. МПА, 247).

„Молодость моя прошла под пулями,
Через Сиваш переходила в Крым,
За спины широкоплечих богатырей
Не пряталась она, спасаясь от пуль,
Не поддавалась врагам земли моей,
Месяцы жила, жуя окаменевшие сухари.“

Чалбаш тенъим Эльбрус! Сени мен кёб кёргенме. (А. Соттаев. Эльбрусу, МПА) „Седоголовый друг Эльбрус! Много раз я видел тебя“. *Мени анам мени юкюн кёбкыйынылыкъла кёргенди.* (МЖ). „Моя мать из-за меня много страданий перенесла“.

3. Действие в неопределённом прошлом, представляющее воспоминания субъекта:

*Мен кесим да кютгенме кёй,
Джайлыкълада бузоу кютгенме,
Чабырларым да чачылыб,
Чегемде отун этгенме.* (К. Кулиев)

„Я и сам пас овец,
Пас телят на летних пастбищах,
В развалившихся чабырах
В Чегеме дрова я готовил“.

Атам хариб айтхан хапардан, орус оноучула тау ичине киргинчи да халкъны бир къаууму башын ёрге туталмай, белин тюзеталмай джашагъанды. (Х. Аппаев). По рассказам бедного отца („хариб“ — в значении „покойный“), и до того, как в горы пришли русские начальники, часть народа жила, не поднимая головы, не выпрямляя поясицы“.

4. Длительное действие в неуточненном прошлом выражает причинно-следственные связи:

Къаншаубийни излей-излей „В поисках Каншаубия („ища-ища“)

Къан чабханды эки кёюме. Глаза мои залились кровью“.
(МПА).

Мени тылпыум тохтагъанды джылай-джылай.

(А. Уртенев. Сафият).

Дыханье мое прекратилась из-за (постоянного) плача“.

Тансыкъ болуб кёрюрге, „Соскучившись, желая видеть,
Сени излеб келгенме. Я к тебе пришёл (уже).“

Жашны келгенине анасы асыры къууангъандан бир жашаууна жаш болгъанды (МЖ). „От радости из-за приезда своего сына мать стала моложе ещё на одну жизнь.
Заман болгъанды дейме. (МЖ) „Мне кажется, настало время“.

Основы на -гъан выражают результативные действия, завершение которых приурочено к неопределённому прошлому:

*Джукълагъанды, ол къаты къысханд кёзлерин,
Бошагъанды айтыб ахыр сёзлерин,
Сёлешмезча аузу къысылгъанды...*

(Д. Байкулов, Чкаловха.—Джырла бла таурухла.)

„Уснул он, крепко закрыл глаза.
Высказал свои последние слова,
В безмолвии закрылись его уста“.

Кысыкь сыртлыкны терен тюшген кзар, ёлюкню кебинлегенчи, аггартханды. (А. Х. Аппаев). „Выпавший глубокий снег обелил узкий хребет, словно покойника в саван одели“. *Да, аурунъ алайым, юйчюк ишлетген кибик этгенди* (МЖ). „Взять бы на себя болезнь твою, ведь он уже построил домик“. *Темир чурукъла тауусулгъандыла, темир таякъ да тауусулгъанды, кысхачыкъ болгъанды, кеслери да арыгъандыла, джанларындан тойгъандыла.* (МЖ). „Износились железные сапоги, износилась и железная палка, стала короткая, и сами устали, изнурились“.

Результативное действие, результат которого продолжается и в момент речи:

Ол сеbebден ием мени ат- ханды, „Поэтому хозяин мой меня, бросил
Махдаулу кюнлерими унут- ханды. Лучшие дни мои забыл“.
(Д. Байкулов).

Хыны тюртген кёре эдим, энди да ачылалмагъанды. (Х. Аппаев). „Резко, оказывается, толкнул я его: ведь и сейчас еще не оправился“.

Хуна, чалман ичлеринде кёгет терекле бише тебреген кёгетлерин кёлтюралмай, башларын энъишге тутхандыла. (Х. Аппаев). „За оградами плодовые деревья под тяжестью поспевающих плодов опустили свои вершины книзу“.

5. Начало действия, а также конец действия, приуроченный к относительно недавнему прошлому. При этом часто употребляются вспомогательные глаголы *башла-*, *тебре* и др.: *Артда баргъан жашла къайтыб тебрегендиле.* „Пришедшие после парни стали возвращаться“. *Керекли этмей тута башлагъанды.* (МЖ). „Стал содержать (её), обеспечивая всем необходимым.“

Результат действия как постфактум, известный через другие источники:

Дууут жалпагъын кызылбек аскер алгъанды.
Элибиз да кзууугъун этиб кзуралгъанды,
Жалпакъ кыллы калмай, ёзеннге да киргенди,
Къатынны, кызыны жалан аяк этиб сюргенди. (МПА).
„Даутское урочище заняло кызылбекское войско, И аул наш собрался выступить по тревоге. Не только в урочище, но и в устье проникло, Женщин, девушек угнало босиком.“

*Къзыл булутла кюн чыкъгъандан кюн батханнга ат-
лингъандыла.* (Х. Аппаев). „Багровые облака направля-
лись с востока на запад“. *Аны мюлкю кюнден-кюннъе,
кечеден-кечеге тууарылыб башлагъанды.* (МЖ). Его хо-
зяйство стало хиреть со дня на день, с ночи на ночь“
(т. е. быстро, неуклонно). *Мен от алыргъа келгенме де-
генди.* (МЖ). „Я пришёл (сейчас) брать огонь“, — сказал он.“

Иногда форма прошедшего неопределенного употреб-
ляется для описания только что развертывающегося дейст-
вия с недавним началом: *Кюн тийгенди, жылытханды юй
башланы, къарт ынна чёкгенди хуна аллында, кюн тий-
генди дугерли арбазлагъа.* (К. Кулиев). „Взошло солнце.
согрело крыши; старуха уселась перед забором; осветило
солнце дворы осетинские“.

При обозначении недавнего прошлого -гъан может за-
мещаться настоящим временем или формой на -ды:—*Бу-
сагъатда андан келеме*“.—*Андан келген эсенъ, анда не
хапар барды?* (МЖ).— „Сейчас еду оттуда“.— „Если прие-
хал оттуда, то какие там новости?“ *Джюгюн дорбун ал-
лына атыб, бугъоуну къолуна ала сорду*“: *Къайдан таб-
ханса бу джаман затны?*—*Семённу аякъларындан ал-
гъанма*“. (Х. Аппаев). „Сбросив свою ношу перед пеще-
рой, беря в руки кандалы, он спросил: „Где ты нашел эту
мерзость?“— „Снял с ног Семёна“.

Форма на -гъан употребляется для обозначения сле-
дующего действия, которому предшествуют другие дейст-
вия, выражаемые оборотами -гъанлы-генли, -гъанлай-ген-
лей, или предшествует действию оборота с -гъынчы || -гин-
чи: *Бир-эки кюнню джанзур джаууб аязыгъанлай, юй-
лени башлары кёгергендиле* (Х. Аппаев). „После того,
как дождь 1—2 дня шёл и потом погода прояснилась,
крыши (земляные) домов позеленели“. *Дарманны ичген-
лей сау болгъанды.* „Как только принял лекарство, (сразу
же) выздоровел“. *Кюн ачылгъынчы битдиргенбиз.* „Мы
закончили раньше, чем установилась хорошая погода“.

6. Выводы, решение, умозаключение, внутреннее состоя-
ние субъекта: *Сыртымы отха къыздырсала да, айтырым:
элде джюрген осал хапар ол эки адамны арасында
болмагъанды.* (Х. Аппаев). „Пускай жгут меня на огне,
скажу одно: грязные сплетни в ауле не касались тех двух
людей“. *Туруб къарады: „Бизге боллукъ болгъанды, теге-
регибиз патчах аскерден толгъанды.* (МПА). „Встал и
осмотрелся: „Уже случилось наихудшее (что могло): все
вокруг заполнилось царскими войсками“. *Афенди Абдул-
Къадыргъа джити къараб айтды: „Сен бла мен бир-бири-*

бизге бош тюбемегенбиз" (Х. Аппаев). „Мулла, посмотрев в упор на Абдул-Кадыра, сказал: „Не зря встретились мы с тобой друг с другом.“ *Сормай-сурамай билгенди.* (МЖ). „Узнал, никого не спросив“. *Мен джашауумдан безгенме, тюньюлгенме, мен, джанымы кьутхарыб, кьачыб келгенме.* (А. Уртенев. Сафият). „Жизнь моя мне опостылела, потеряла веру (в неё), спасая душу, я, сбежав, пришла. *Мен не кёб джерде тургъан эсем да, ма бу кьатымда олтургъан орус джашдан иги адамгъа тюбемегенме.* (Х. Аппаев). „В каких бы местах я ни побывал, не встретил человека добрее, чем вот этот сидящий рядом русский парень“.

7. Действие, перешедшее в свойство, характеристику субъекта:

*Халкъым кишилик керек кюн кзылычны
Сермеб, кьолуна эрча ала билгенд,
Кюндюз жаула бла этиб урушну,
Кечеледе уа сабанларын сюргенд.*

(К. Кулиев).

„Народ мой в дни, когда мужество нужно,
Умел мужественно браться за меч,
С врагами днём сражаясь,

Ночами же пахал он свои поля“ (т. е. таков характер народа). *Анасындан туугъанлы араб тилден аны чырт халары болмагъанды.* „С самого рождения не было у него никакого представления об арабском языке“.

*Ол кёб залим боюн бургъанд,
Ол патчахладан кьутулгъанд
Зинданладан учуб чыккыгъанд,
Темир бугъоу жоялмагъанд.*

„Она многих жестоких шей свернула,
Она от царизма освободилась,
Из темниц стрелой взмывала,
Кандалы её не погубили“.
(Такова справедливость).

(МПА. К. Мечнев,)

*Жеринде мюрзеу угъай,
Ташы, зыгъыры кёб болгъанд,
Жаугъа, ачлыкыгъа хорлатыб
Жоюлмагъанд, жашагъанд.*

(К. Кулиев),

„На земле (его) не хлеба—
Камня, песка больше было,
Врагу, голоду не дав себя
одолесть,
Не погиб, (а всё) жил он“.

Бютеу юйню тубюне кьатана кюйюз тешелгенди... онъ джанында, имбашлары погонладан джылтыраб, тюрлю-тюрлю кийимле тагылгъандыла. (Х. Аппаев). Весь пол. услан коврами..., справа висела различная одежда с блестящими погонами“. *Ол заманда джюз байтал бла бир аж-ирни джылкыгъа санай болгъандыла.* (МЖ). В те времена сто кобыл и одного жеребца за табун считали“, (В последнем примере уточняется общепринятое мерило, как характеристика табуна; время уточняется обстоятельством „ол заманда“ — „в те времена“).

Спрягаемая форма на *-гъан* в некоторых случаях в составе лексикализованных сочетаний имеет значение будущего времени: *Санъа баргъан кюнюнде ёлгенди ол.* „Она умерла в тот день, когда вышла за тебя, т. е. со значением: 1) „пусть лучше умрет, чем выйдет за тебя“; 2) „она скорее умрет, чем выйдет за тебя“.

Значение будущего времени привносится ситуацией или когда говорящий представляет ближайшее будущее действие неотвратимым фактом:

Бурун кюнум къайдан кел- син, кетгенди, „Не вернуть мне прежних дней, они прошли,
*Мен джазыкъ, ахыр кюнум Несчастлива я, последний день
джетгенди.* мой настал.“

(Д. Байкулов. Джырла бла таурухла).

Къайры ашхы джолгъа тебрегенсе? (Х. Аппаев). „В какой ты добрый путь направился?“ Здесь путник уже в пути; действие началось сравнительно недавно и продолжается в момент речи. Вопрос же ориентирует на будущее время: „*Къайры... тебрегенсе?*“ — „*Къайры... барлыкъса?*“ „Куда ты пойдешь, должен пойти?“

Прошедшее неопределенное время в карачаево-балкарском языке употребляется чаще всего в повествовании, рассказах, в героическом и народном эпосе.

Сложные (описательные) формы прошедшего времени

Сложные формы прошедшего времени представляют сочетание соответствующей временной основы спрягаемой формой недостаточного глагола *эди*.-*эди*- со всеми первичными причастиями (*-гъан*, *-ычу*, *-ар* || *-ыр*, *-лыкъ*) и деепричастиями (*-а* || *-е* || *-й*, *-ыб* || *-б*). *эди*- обычно перено-

сит действие в плоскость прошедшего времени. При этом значение прошедшего времени имеют только формы: *-гъан+эди-*, *-ыучу+эди-*, *-а || -е || -й+эди-*, *-ыб || -б+эди-*. С основой прошедшего категорического времени *на-ды эди-* не сочетается вообще, за исключением формы *-ды эсе эди* (в условном периоде).

Сочетания *-ар || -ыр эди-*, *-лыкъ || -рыкъ || -ныкъ эди-* встречаются в основном только в условно-сослагательном наклонении.

Давнопрошедшее время

Давнопрошедшее время в карачаево-балкарском языке образуется от основы прошедшего неопределенного времени *на-гъан+эди* + краткие афф. лица:

ед. ч.

джазгъан	{	<i>эди-м</i> „я писал (тогда)“
		<i>эди-нъ</i> „ты писал“
		<i>эди-</i> „он писал“

мн. ч.

джазгъан	{	<i>эди-к</i> „мы писали“ (тогда)
		<i>эди-гиз</i> „вы писали“
		<i>эди-ле</i> „они писали“

В разговорной речи и в поэзии *-ди* в *эди-* в 1 и 2 л. ед. и мн. ч. обычно выпадает: *джазгъанэм (энь, эк, эгиз, элле)*¹, в 3 л. ед. ч. *-ди* обычно стягивается в *Дт* (или *Тд*), а во мн. ч. как указано, *эдиле*—в *элле*: *джазгъан эдт || этд, джазгъан элле*.

В сложносоставных основах с глагольными компонентами спрягается *эди-*: *атыб джиберген эдим (эдинъ, эди, эдик* „я (ты, он) выбросил“, „мы выбросили“ и т. д. В сложносоставных основах с именными компонентами он может изменяться по possessиву: *кёлюм (кёлюнъ, кёлю, кёллюбюз) къалгъан эди* „я (ты, он) обиделся“, „мы обиделись“ и т. д. Формы отрицания, возможности и вопроса включаются в предшествующие *эди-*компоненты (*эди-* изменяется только по лицам и числам): *ал-ал-гъан-мы эдинъ?* „сумел (смог) ли

¹ Ср. П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского яз. ч. I. СПб, 1894, стр. 46.

ты взять?"; *ал-ма-гъан эдик* „мы не взяли“ (тогда). Когда акцентируется временной план (а не действие), вопрос может содержаться в *эди-: алмагъан эдикми?*“ разве (тогда) мы не брали?”

В сочетании *-гъан-мы+эди-* гласная вопросительной частицы в устной речи обычно выпадает: *сатханмы эди?-сатханмед?* „продал ли он (тогда?)“; *сатханмек?* „разве мы продали (тогда?)“ Это явление (элизия) в карачаево-балкарском языке впервые отмечено В. Прёле и А. К. Боровковым.

Давнопрошедшее время обозначает объективное действие, которое произошло в ряду других прошлых действий или событий. Давнопрошедшее следует прошлым действиям, событиям или предшествует им. Прошлые действия и события, служащие уточнением для давнопрошедшего времени, говорящий воссоздает часто мысленно, не упоминая о них, но сама форма давнопрошедшего времени уже вызывает представление о связи её с подобным фоном (т. е. произошло то-то, тогда-то, после или перед тем-то, при таких-то обстоятельствах). Фоном („передним“ или „задним“) может служить не только конкретное действие, но и невысказанные воспоминания говорящего.

Соотношения и связь между давнопрошедшим и другими формами прошедшего времени отмечены В. А. Гордлевским, Н. К. Дмитриевым, А. Н. Коновым и др. Другие же тюркологи (напр. А. А. Юлдашев) на первый план выдвигают „изобразительный репродуктивный характер“.

Примеры:

*Сейир къууанчы сынагъан эдинъ сен,
Аны назмуларынъа кийиргененъ,
Ол къууанчы чомарт юй иесинлей,
Дуниягъа толу аякъча бергененъ.*

(К. Кулиев. Поэт бла таула)

„Чудесную радость испытал ты (тогда),
Её ты ввёл в свои стихи,
Эту радость, как запах щедрого очага,
Миру, как полную чашу, поднёс“.

Мен сени тюргеге тюшген атамы бошларгъа деб джиберген эдим (Х. Аппаев). „Я тебя послала (тогда) освободить попавшего в тюрьму отца моего“.

Уу ичириб ёлтюрюк джол „Напоив ядом, убить решил алгъанды.“

Обур Сатанай аны сезген жи, Чародейка Сатанай это почувствовала,
Ёрюзмекге айтыб билдирген эди. Сообщив, Ёрюзмека известила (тогда).
(МПА).

Биз чыккыган эдик тар Басхандан жер кыарай,
Жюрюген эдик жалган дунияда кюн санай (МПА).

„Мы вышли из тесного Баксана в поисках земли,
Ходили мы, считая дни на бренном свете“.

Действие—выход поселенцев в поисках земель— произошло в неуточнённом прошлом. Затем, когда они осели, прожили определенное время на новом месте, произошли трагические события—почти все они были истреблены эпидемией чумы.

Эти последующие события и служат фоном для формы-*-гъан эдик*.

Давнопрошедшее *на-гъан эди*-предшествует другому прошедшему действию, когда описание ведётся из ближнего временного плана в глубь прошлого:

Жугъутур ол сызгада
Сау кюн, сау кече турду
Къутулуб мараучудан,
Тауда гелеу кырдыкга

Къатханед таза къаны,
Ачыед, кюе эд
Ауур джарасы аны.

„Горный тур в том буераке
Целый день и ночь пробыл,
Спасись от охотника,
В горах на горную траву (до этого)

Присохла (его) горячая кровь,
Болела, горела
Его тяжелая рана“.

(МПА. К. Мечиев)

Действие давнопрошедшего *-гъан эди*- может быть и в причинно-следственной связи с другими предшествующими действиями:

Солуусуз, аяусуз хаман джюк кёлтюре,
Талчыккыган эдик, тинибиз талган эди... (А. Уртенев).
„Всё таская ношу без передышки, нещадно,
Притомились мы, моченьки не стало...“

В связи с другим действием форма на *-гъан эди*- выражает вывод, умозаключение говорящего: *Хапар чыгъаргъанлай оггуна да, Файрузну халиси таб болмагъанын эслеген эдим*. (Х. Апплаев). „Как только пустили слух, я почувствовал что-то ненормальное в поведении Файруз“.

Иногда форма на *-гван эди-* обозначает длительное действие, продолжающееся вплоть до момента речи, причём вне связи с другими действиями. Такое употребление возможно в отрицательной форме: *Джаратылгганлы повестка кьолума тиймеген эди.* (Х. Аппаев). Во всю свою жизнь невестка не коснулась моих рук⁴.

Форма на *гван эди-* в диалоге (в разговорной речи) имеет значение недавно прошедшего времени или формы на *-ды*: *Нек келген эдинь, иги джаш? Джукъ кереклинъ затынь болурму?*⁴ Зачем ты пришёл (сейчас), парень? Может, тебе что-нибудь нужно?⁴

Давнопрошедшее время на *гван эди-* употребляется при описании событий относительно далекого прошлого, на фоне других событий, воспоминаний, обстоятельств, уточняющих время действия косвенно, опосредованно. Форма *-гван эди-* не связана с завершенностью или незавершенностью действия: *чалгван эдиле* „они косили || косили“.

Прошедшее незаконченное время

Прошедшее незаконченное образуется из основы настоящего времени (деепричастие на *-а || -е || -й*) + *эди-* в спрягаемой форме:

ед. ч.

мн. ч.

<i>бара</i>	{	<i>эди.м</i> „я шёл“	{	<i>эдик</i> „мы шли“	(я видел)
		<i>эдинь</i> „ты шёл“		<i>эдигиз</i> „вы шли“	
		<i>эди</i> „он шёл“		<i>эдиле</i> „они шли“	

В устной речи и поэзии особенности произношения часто и написание *эди-* в этой конструкции соответствуют с такими *-гван эди-*. Отличие составляет сгечение гласных *-а || -е* и *э* на стыке компонентов, где вставляется *j* (эпентеза, анаптикасис): *барајем, бара-јелле.* (Ср. у М. Р. Рясенен: „... балкарский *бара—ј -edim* „Я пошел“, *бара—ј есем* „если я пойду“¹). В. Прёде предполагал, что *j < -гвай*, т. е. *баргај есем > барај есем*.² Нивелируются, таким образом, в произношении основы на *-а || -е* и на *й* перед *эди-*: *барайек, санайем.* Разумеется, аналогично и произношение отри-

¹ М. Р. Рясенен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 121.

² Pröhle W. Karatschaische Studien. Keleti Szemle, t. X, Budapest, 1909, стр. 171.

цательной формы *-май* || *-мей*: *бармайек, келмейек, келмейелле*. В языке отдельных говорящих замечено *-а* || *-е* > *ы*, и перед *й*: *барыйем, ёлийем* (<ёле эдим) „Я чуть не умер“ или „Я жаждал“.

Форма возможности и вопроса—по обычной модели, т. е. включают в основной компонент: *джаз-ал-май-эдим* (*джазалмейем*) „обычно я не мог писать“ (тогда); *джазала эдиле* (*джазалейелле*) „обычно они могли писать“ (тогда); *джазамы эди?* “ (*джазамет*—элизия, выпадает *ы*) „писал ли он?“ Возможно употребление вопросительной частицы *с эди-*.

В сложносоставных основах с глагольными компонентами изменится *эди-*: *тукгюч кюйюб кетиб бара тура эди* „пень сгорел“ (интенсивный процесс). В сложносоставных основах с именными компонентами именной компонент может изменяться по possessиву; вспомогательный несёт в себе признаки залога, времени, формы возможности, отрицания и вопроса: *хатер(ин) эте эдик* (*этейек*), *ансы...* „Уважали мы его, не то...“; *кволубуздан келалмай эди* мы (тогда) не могли“. Вопрос может содержаться в одном из глагольных компонентов: *келеми эди?* „разве он ехал?“ (*келемеди*—выпадает и в *-ми*—элизия): *келе эдими* (*келейетми*)?“ он ехал?“ (тогда)—при переспрашивании; *келе эдигизми*—*келейегизми?* „вы ехали?“.

Эту разновидность прошедшего времени Н. К. Дмитриев называет прошедшим незаконченным.¹ Аналогичного взгляда придерживается ряд авторов, иногда с небольшими уточнениями (А. А. Юлдашев; у М. К. Милых — „прошедшее незаконченное I;“ у К. Убайдуллаева—прошедшее незаконченное определенное время²).

В толковении значения прошедшего незаконченного времени почти единодушно отмечается содержание в нём двух моментов: 1) незавершенность, незаконченность действия и 2) говорящий—очевидец действия. Другие оттенки значения (связь с другими действиями и событиями прошлого, отношение к определенному моменту прошедшего времени или к настоящему и т. д.) объясняются различно. Не-

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 113.

² А. А. Юлдашев, Система..., стр. 151; М. К. Милых глагол ногайского языка.—Труды Черкесского НИИ, вып. 11, Черкесск, 1954, стр. 146; К. Убайдуллаев. Категория прошедшего времени глагола изъявительного наклонения в современном каракалпакском языке. А. к. д., М., 1955 г.

которые авторы (напр., А. А. Юлдашев, В. И. Филоненко) незаконченность понимают как несовершенный вид.

Прошедшее незаконченное время в карачаево-балкарском языке употребляется со значением незаконченного в неутраченном прошлом объективного действия, очевидцем которого был говорящий. Часто действие протекает на фоне прошлого или бывает связано с другими предшествующими прошлыми действиями. Такая уточняющая связь содержится в контексте или мысленно воссоздается говорящим.

Из оттенков значения прошедшего незаконченного времени следует отметить следующие:

1. Многократное или длительное незаконченное действие на фоне прошлого или как воспоминание о нём, например:

... айланнганма

Уруш баргган фронтлада ...

„... проходил

На фронтах, где шли сраженья...

Мен, кьоншуларым, тенълерим,

Я, как мои соседи, как друзья,

Ахлуларым урушханча,

Как родные воевали,

Урушаем, артыггым жокъ.

Воевал, ничуть не больше.

Чыдай эдим мен алача.

Выносил я, как и они.“

(К. Кулиев).

Кеме адамлары бла хаман суугъа кете эди. (МЖ).
„Корабль с людьми каждый раз тонул“.

На фоне прошлого иногда чередуется ряд действий:

Бир къоба этда (эди да) баш джанына келеед,

Бир аякъ джанына олтураед.

Бир келиб джанындан къучакълаед. (Д. Байкулов).

„То, встав, она подходила к изголовью,

То усаживалась у её ног,

То прильнув сбоку к ней, обнимала.“

2) Многократное или длительное прошлое действие с тенденцией характеристики обычных, постоянных свойств:

Бийле ариу кие элле,

Тынч жашаргъа сюе элле.

„Бии красиво одевались,

Беспечно жить они любили“
(обычно).

(К. Мечиев).

Таулу жолда жырлай эди,

Жырын къая къатлай эди,

„Горец распевал в дороге,

Песню повторяли скалы“.

(К. Кулиев.)

Аны чачы накъут-налмазгъа, тишлери инджиге ушагъ

эдиле. (МЖ). Её волосы алмазу, зубы жемчугу были по-хожими.“

Со значением обычного свойства употребляются пословицы и поговорки („... в прошлом обычно так было, и теперь случается...“) *Джылан дугъуманы суймей эди, ол а барыб аны тешигини аллында бите эди.* „Змея мятую терпеть не могла, а та (как нарочно) росла прямо напротив её гнезда“. *Урушха барырын да сую эди, окъ тиймезин да сую эди.* „И на войну хотелось, и хотелось, чтобы не ранило.“ *Балтасы суугъа кетген сабын да ызындан ата эди.* „Уронивший топор в реку и топориче вслед кидал.“

3. Незаконченное действие, в процессе которого совершилось другое действие в прошлом. Второе выражается вторичным деепричастием на -гъанда, осложненным притяжательными аффиксами; первое -а || -е || -й (или -ыб || -б || -тура + эди-. Вся конструкция, помимо причинно-следственной связи, выражает оттенок неожиданности: *Бир заманда уяныб къарагъанында, ... джолну арасында бир акъ сархлы, джашил абалы адам, онъ бутундан ауур асхай, келе тура эди.* (Х. Аппаев), „Когда же, проснувшись, он оглянулся, (вдруг видит) посреди дороги, тяжело припадая на правую ногу, идёт некий в белой чалме и зеленом халате“. *Джатманы тюбюне барыб къарагъанында, кесини аты джакъ, къабыргалары ашалгъан эшек кибик, бир осал ат тагъылыб тура эди.* (Там же). „Когда он пошел и посмотрел под навес, (видит) его лошади нет, стоит какая-то кляча, как ишак, с сбитыми боками.“

4. Вывод, умозаключение, решение, удивление субъекта: *Абдул-Къадыр „шыйыхны“ бу джапыда кёрлюкме деб турмай эдим.* (Х. Аппаев). „Не ожидал я „святого“, Абдул-Кадыра увидеть в таком виде“.

Такая характеристика иногда выражает желания субъекта в плане настояще-будущего времени: *Шыйыхны алагъа оноуу къалай болгъанын эшитирге сую эдим.* (Х. Аппаев). „Хотел бы (хочу) знать я решение шейха в отношении их“.

Из модальных оттенков следует отметить выражение опасения субъекта по поводу едва не случившегося или только что случившегося нежелательного события: *бир паллахха къала эдик* „едва не случилась беда с нами“; *тас этиб къоя эдим* „я чуть не потерял“; *кюйюб кете эдик* „мы чуть не сгорели“.

В подобные конструкции входят вспомогательные глаголы с семантикой произвольного, неожиданного действия.

Прошедшее результативное время

Прошедшее результативное время образуется по схеме: основа на *-ыб* || *-б+эди-* в спрягаемой форме:

ед. ч.		мн. ч.	
<i>кетиб</i> {	<i>эдим</i> „я уехал“	<i>кетиб</i> {	<i>эдик</i> „мы уехали“
	тогда был		(мы тогда были
	хавшим“)		уехавшими)
<i>эдинь</i> „ты уехал“		<i>эдигиз</i> „вы уехали“	
<i>эди</i> „он уехал“		<i>эдиле</i> „они уехали“	

Прошедшее результативное время в карачаево-балкарском языке—сравнительно редко употребительная форма. Достаточно сказать, что на 338 страницах романа карачаевца Х. Аппаева „Къара кюбюр“ („Чёрный сундук“) не более 10 примеров на *-ыб+ды* и ни одного примера на *-ыб* || *-б.эди-*. Немногим отличается в смысле употребительности этой формы и язык балкарцев. Такое ограниченное употребление объясняет немногочисленные модели словоизменения и словообразования этой основы. Область распространения этой формы в глагольной лексике ограничена узким кругом отдельных глаголов движения, процесса и состояния. Отсутствие специальных (вообще и всяких) работ по глаголу и цели избранной темы не позволяют нам сделать более подробные обобщения по затронутому вопросу, бесспорно достойному стать предметом интересного исследования.

Основа на *-ыб* || *-б.эди-* почти не сочетается с формами возможности, отрицания, как, напр., в казахском *бармап эдим*.¹ Отрицательная форма на *-май* || *-мей* явно относится к формам на *-а* || *-е* || *-й*: *бара—бар-ма-й*.

В сложносоставных основах с глагольными компонентами *-ыб* || *-б* с временным содержанием не встречается; в основах с именным компонентом *-ыб* || *-б.эди-* сохраняет свою семантику; напр.: Осман тас болуб эди. „Осман (тогда) был пропавшим“, „потерянным“ („потерялся и пребывал в прошлом таковым“).

Вопрос обычно содержится в основе с *-ыб* || *-б*, реже в *эди-*: *джатыбмы эди* (*джатыбмеди*)? „лежал он? („пребывал ли он лежа?“); *джатыб эдими*? „лежа (говорите) пребывал он?“—при уточнении сообщения.

В значении прошедшего результативного времени многие

¹ И. Е. Маманов. Вспомогательные глаголы в казахском языке. Изд АН Каз. ССР, Алма-Ата, 1949. стр. 10.

авторы отмечают момент завершенности. ¹ В. И. Филоненко эту форму времени называет прошедшим несовершенным. Он пишет: „Эта форма употребляется только тогда, когда то или иное совершенное действие ещё не окончилось, или просто констатируется факт, что действие продолжалось, но нет указания на законченность его, нет указания на результат его“; ² Приводится пример: „по-русски: было...: *джазыб эдим*—, писал было“. Подобная трактовка не вполне отражает содержание данной формы. Ведь если и воплотить такой перевод „*писал было*“, частица „было“ выражает намерение субъекта приступить к действию или, в редких случаях только приступ к нему. Следовательно, при таком толковании невозможно допустить, что действие продолжалось. Здесь не учитывается основное, характеризующее значение этой формы—переход динамического прошлого действия в статику, в свойство, в постоянную характеристику, в новое качество, значит,—в результат. Этот результат уже не есть действие, а статический признак, который выносится в плоскость настоящего времени, совпадая с моментом речи. Это т. наз. прошедшее субъективное время (см. стр. 142—143) на *-ыб* || *-б*+афф лица: *суу кзобубду* „река поднялась“ (т. е. она поднялась раньше, теперь пребывает в этом состоянии—поднявшейся); *атам ачыуланыбды* „отец рассердился“, т. е. „рассердившись пребывает“. *Бусагъатда бутуму джели тутубду* (МЖ). „Сейчас у меня приступ ревматизма ноги“, т. е. совершенно неинтересно, когда „приступил“ ревматизм, важно, что сейчас, в момент речи нога в „ревматическом“ состоянии.

Тюгюнъ, джалынъ джохар кибик сыланыбды.

Ат джеринъ алтын бла джасалыбды. (Дж Дж),

„Шерсть и грива твои кудряво-гладко приглажены,
Седло твое золотом украшено“ (т. е. таково у тебя всё теперь).

Что касается формы *-ыб* || *-б*+эди-, то *эди*- перемещает результат формы в плоскость прошедшего времени. Как и все описательные формы прошедшего времени с *эди*-, форма *-ыб* || *-б* *эди*-, связано с фоном или событием прошлого:

¹ П. М. Мелно ранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. 1—2. СПб., 1894, стр. 56; Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948; Б. О. Юрузбаева. Формы прошедшего времени глагола в киргизском языке. ИЯЛИ, Фрунзе, 1955, стр. 56

² В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940, стр. 68.

Бир мадар излеб, дыгалас „Ища выхода, в напряжении, этиб.

Сагъыш кюшлеб эд аны мый- Мрачные думы давили на
ысын. мозг“.

(букв. „мысли заполнили его
мозг“).

(ДжДж).

Элден чыкыгъаныкъда¹, танъны тебен джаны агъарыб эди.
„Когда мы вышли из аула, уже посерел восток“ (т. е. „се-
рым пребывал“).

Прошедшее многократное время

Прошедшее многократное образуется от спрягаемой осно-
вы *-уучу* || *-уучю* + *эди-* в спрягаемой форме. (Причастие на
-уучу || *-уучю-* и личная форма на *-уучан* || *уучен* и соот-
ветствующее время. Эта конструкция спрягается по обычной
форме:

ед. ч.		мн. ч.	
<i>барыуучу</i>	<i>эдим</i> „я хаживал“ (обычно)	<i>барыуучу</i>	<i>э ик</i> „мы хаживали“ (обычно)
	<i>эдинъ</i> „ты хаживал“		<i>эдигиз</i> „вы хаживали“
	<i>эди</i> „он хаживал“		<i>эдиле</i> „они хаживали“

У карачаевцев, наряду с *-уучу* || *-уучю*, употребительна
и другая форма *-уучан* || *-уучен эди барыуучан эдик* „мы
часто хаживали“, „мы имели обыкновение ходить, (туда).

Сложносоставные основы спрягаются по обычной модели:
изменяется только *эди-* или, в зависимости от характера
итруктуры, именной компонент—по притяжательной форме:
кёре турууучу эдим (турууучем) || *кёре турууучан эдим* (ту-
рууучанем)—„я часто видел“; *кёре турууучу* || *турууучан эдик*
„мы часто видели“ (обычно); *кёолумдан* (*кёолунъдан*, *кёо-*
лундан) *келиуучю* || *келиуучен эди* „я, ты, он мог“, „имел воз-
можность“ (обычно, часто, всегда).

Формы возможности и отрицания сочетаются с предше-
ствующим *эди-* компонентом; вопросительная частица в ред-
ких случаях (о чём сказано выше) может сочетаться и с
эди-: *сана-ял-уучу эдигиз* „вы (обычно) могли считать“;

¹ Любопытно употребление (особенно в языке карачаевцев) двух разных
производных причастных форм в 1 л. мн. ч. с единым значением:
чыкыгъан-ыкъ-да — *чыкыгъан-ыбыз-да*, *баргъан-ыкъ-да-баргъан-ыбыз-да*
«когда мы сходили...» Это явление говорит за параллельное бытование из-
древле форм 1 л. мн. ч. — *-быз* || *-биз* и *-къ* || *-к*.

Әжет-ал-ма-учу эдинъ „ты (обычно) не мог догонять“;
алыучан-мы эдиле (алыучанмелле)? „разве они обычно брали?“; или: *алыучан эдилеми?* (логическое ударение—на „эдилеми“) „они часто брали (говорите)?“

В карачаево-балкарском языке прошедшее многократное время (У Б. О. Орузбаевой— „давнопрошедшее длительное время“; форму на *-чанъ* || *чень* без *эди-* Н. П. Дыренкова называет формой „прошедшего времени многократная“; у большинства авторов в определении этой формы часто встречается „многократная форма“¹) выражает обычное многократное или длительное действие, развертывающееся на фоне неопределенного прошлого. Многократное действие субъекта содержит оттенок его характеристики, постоянной привычки, *эди-* привносит фон прошлого, вызывая представление о нём. Например:

Секириб ёрге туруучем „(Бывало) выскакивал я,
Мен. жиягъыма ургъанлай, Будто кто ударил в щеку,
Танъым атыб кетиучю эд, Заставал меня рассвет
Босагъада олтургъанлай. Сидевшего на пороге.“

(К. Мечиев)

Здесь поэт говорит о своих воспоминаниях, о том, что часто повторялось во времена его молодости. *Джантемир „бир кесек ауузу ачыды, кеси да къаратонду“ деб ичги сёзюн айтхан адамларына тарыгъа туруучан эди,* (Х. Аппаев). „Джантемир (бывало) часто жаловался близким, кому доверял свои тайны, что мол на язык уж востра она да и бесплотна сама“.

Жаш эдим мен ол заманда. „Молод был в то время я.
Келиучем къар жауғанда. (Бывало) приду, когда идёт
Туруучем санъа къараб. снег,
Простаиваю, глядя на тебя.“

(К. Кулиев. Воспоминания у памятника А. С. Пушкину)

Къумукъ джырчы Къазакъ „Кумыкский певец Казак
аллай джырчыед— был таким певцом—
Хар джюрекге да асыу бо- Каждому сердцу утешеньем
луучуед. он бывал“.

(К. Кулиев).

Характеристика певца—в своё время он был таков.

Повторение однократных результативных действий в сумме как бы представляет общую многократность, например,

¹ Б. О. Орузбаева. Указ. соч., стр. 6; Н. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948, стр. 95.

в форме прошедшего категорического „айтыб кьойдунъ“ выражается однократное произвольное, неожиданное действие „ты проговорился“. В форме „айтыб кьююучу || кююучан эдинъ“ „(обычно) ты проговаривался“ (тогда-то) многократность по-русски передается с помощью суфф. *-ива*. В карачаево-балкарском *--ыучу || -ыучан* не отменяет однократность, многократно повторяет её, т. е. многократность складывается в данном случае из суммы „однократностей“. Русское „два раза скашивали“ в карачаево-балкарском звучит как „два раза скосили“.

Прошедшее регулярное время

Это форма времени образуется из основы будущего неопределенного времени на *-ар || -ыр + эди* в спрягаемой форме:

Ед. ч.

<i>келир</i>	{	<i>эдим</i> „приду бывало“
		<i>эдинъ</i> „придешь бывало“
		<i>эди</i> „придет бывало“

Множ. ч.

<i>келир</i>	{	<i>эдик</i> „придем бывало“
		<i>эдигиз</i> „придёте бывало“
		<i>эдиле</i> „придут бывало“

Отрицательная форма *-маз || мез эди*; форма возможности почти не употребляется: употребительна обычно форма невозможности: *тут-ал-ма-з эдим* „я не мог поймать“ (так бывало обычно).

Вопросительная форма возможна только при четком контексте, с четким фоном прошлого, при наличии других временных оттенков слов. В прочих случаях она имеет ряд модальных оттенков, не относящихся к сфере прошедшего времени: *барырма эди?* „не пойти ли ему?“, *бир барырма эдик?* „не пойти ли нам?“—сомнение и любопытство с лёгким оттенком положительного решения; *алырма эдик: арта да табабырма, кьалабырма...* (а) не взять ли нам: ведь найдём ли, нет ли потом...—решение, совет с последующим обоснованием; *бир барырма эдинъ, марджа* „сходил бы уж ты“—осторожное предложение, просьба, увещание; *барырма эдинъ, ансы...* „лучше сходить бы тебе, не то...“—скрытая угроза или предложение -просьба.

В вопросительной форме *-мы || -му || -ми || -мю + эди* наблюдается явление элизии, т. е. выпадение гласного частицы перед *э* при стечении гласных: *алырма эдинъ? -алыр-*

мень? „не взять ли тебе?“; сорурму эдим- сорурмем? „не спросить ли мне?“ Кесин „хаджирет“ Къанамат этиб айланъанны бир табармы эдим деген мурадта: „Туура къалайда тонады?“—деб сордум. (Х. Аппаев). „Не найти ли мне того, кто себя выдает за „абрек Канамата“, подумал я и спросил: „Где именно ограбил (тебя) он?“—решение, цель.

Сложносоставные основы спрягаются по обычной модели других сочетаний с эди-, описанных выше.

С частицей бир модальная конструкция -ар || -ыр эди- выражает желание, иногда с оттенком любопытства. Причём эта конструкция не изменяется и по значению соотносительна не только с I л. (говорящим), но и со всеми лицами и числами. Лицо и число субъекта и время уточняются контекстом, ситуацией. Такие конструкции соответствуют безличным оборотом в русском языке: *Аны болгъан джерин бир билир эди.* „Вот бы узнать (мне, тебе, ему, нам и т. д., в зависимости от мнения говорящего), где он находится“. *Бусагъатда Къобанны сууундан бир ичер эди!* „Эх, попить бы сейчас кубанской воды!“ Частицы „шо“, „иги сагъан“ усиливают желание: *Шо Москваны бир кёрюр эди!* „Эх, увидеть бы Москву хоть раз!“ *Иги сагъан аны бир таныр эди!* „Как хочется узнать его!“

Действие, выражаемое этой формой, как пожелание вообще, связано с будущим временем; при этом акцентируется не столько перспектива реализации возникшего желания, сколько оттенок экспрессии.

Разумеется, подобные значения указанной модальной конструкции уточняются и обуславливаются контекстом, ситуацией и имеют значение будущего времени.

Ученые форму -ар || -ыр эди- обычно называют прошедшим незаконченным временем. У Н. К. Дмитриева— „прошедшее незаконченное II или неопределенный имперфект“,¹ так же именуют его Н. А. Кононов, М. К. Милых и др.² В. М. Насилов эту форму рассматривает в аспекте её видового значения и называет „прошедшим несовершенным временем“.³

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948; Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940.

² Н. А. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 225; М. К. Милых. Указ. соч., стр. 147.

³ В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, стр. 65.

В трактовке значения формы на *-ар || ыр эди-* мнения в основном сходятся на том, что „эта форма выражает не факт, реально случившийся в прошлом, а предположение о факте, который мог бы совершиться, но фактически, очевидно, так и не произошёл“¹. Другие авторы (В. М. Насилов, К. Убайдуллаев) значение данной формы характеризуют как длительное или многократное действие, не соотнесенное с определенным моментом прошлого.

Обусловленность и причинная зависимость формы *-ар || -ыр эди-* (а также *-аджак || еджек эди-*) позволяют рассматривать их А. А. Юлдашеву как конструкции, которые „с категорией времени ничего общего не имеют и служат исключительно для обозначения соответствующих модальных оттенков, входящих в сферу условного (предположительного) наклонения“².

В карачаево-балкарском языке форма *-ар || -ыр эди-* в некоторых случаях употребляется в значении прошедшего времени, выражая регулярно повторяющееся действие, представляющее обычно воспоминания говорящего. Многократное действие регулярно повторялось на фоне прошлого („тогда-то“, „в те времена...“), свидетелем которого бывал сам говорящий. Этим форма на *-ар || -ыр эди-* сходна с формой многократного прошедшего *-ычуу || ычан эди-*. Например: *Бюгюн кибик эсимдеди атанъ харибни келичюсю. Келиб олтурур эди, саулукъ, эсенлик сорур эди, хапар айтыр эди, сора атабыз бла экиси да ныгышыха кетер эдиле.* „Как сегодня помню приходи покойного твоего отца. Бывало, придёт и сядет, справится о здоровье, затем с нашим отцом оба пойдут на завалинку к старикам“. Здесь контекст („как сегодня помню“) вводит слушателя в воспоминания рассказчика о далеком прошлом, эпизоды которого живо сохранились в памяти говорящего. Именно в этих целях форма прошедшего времени передается по-русски будущим простым с уточнением „бывало“, „придёт“, „сядет“, „пойдут“.

Иногда форма *-ар || -ыр эди-* выражает предположение говорящего о прошлых действиях и свойствах субъекта: *Бек аламат юй болур эди бу.* „Должно быть (в своё время), это был великолепный дом“. Эта конструкция на *болур эди* (см, стр. 164) употребляется и в отрицательной форме, однако она не имеет отрицательного значения: *Ким*

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 151.

² А. А. Юлдашев. Система..., стр. 148.

эсе да бу элли кзыйырында басдырылгъан, сынына салын-
нъан суратлагъа кёре, аз бек джигит адам болмаз эди.
(Х. Аппаев). „Этот неизвестный, похороненный на окраине
аула, судя по картинам на его памятнике, несомненно был
очень храбрый человек“.

Все другие случаи употреблением *-ар* || *-ыр* *эди*- не
связаны с определенным временем и соотнесены с услов-
ным периодом (см раздел „Условное наклонение“).

Форма *на-лыкъ* || *-рыкъ* || *-ныкъ эди*

Эта форма карачаево-балкарского языка соответствует
форме *-аджакъ* | *-эджек* || *-аяк* || *-ейек* + *эди*- других тюрк-
ских языков, определяемая авторами как будущее-прошед-
шее время (Н. К. Дмитриев), прошедшее неосуществлен-
ное (В. А. Гордлевский), прошедшее-будущее или про-
шедшее-желательное (М. К. Милых). Авторы объясняют зна-
чение этой временной формы, как выражение наметившего-
ся желательного или обязательного действия, которое воз-
можно в определенный момент прошлого, но не осущест-
вилось по какой-либо причине.

В карачаево-балкарском языке форма *-лыкъ* || *-рыкъ* ||
-ныкъ эди- в большинстве случаев не связана с определен-
ным временным планом. Она выражает обязательное дей-
ствие с оттенком долженствования, желания, которое при
определенном условии могло бы (или может) произойти в
любое время. Чаще всего эта форма употребляется в зна-
чении долженствование-сослагательного наклонения (см.
раздел „Условное наклонение“). Время тогда уточняется
контекстом, ситуацией. Например, *барлыкъ эдим* „я дол-
жен (желал, хотел) пойти“ можем представить в любом
временном плане:

былтыр
бюгюн
бусагъатда
тамбла
келир джыл
къачан долса да

барлыкъ эдим
„я должен
(был) пойти

в прошлом году“
сегодня“
сейчас“
завтра“
в будущем году“
когда-либо“

В плане прошедшего времени (*былтыр*) русский пере-
вод требует уточнения конструкции связкой „быть“: „я дол-
жен был...“ Временные слова „сегодня“, „сейчас“ (наречия
времени) лежат в плоскости настоящего времени, но выхо-

дят за рамки этой плоскости и простираются в пределы ближайшего прошлого или будущего. В этой связи карачаево-балкарское *„мен бюгюн (бусагъатда) барлыкъ эдим* по-русски может быть выражено: „сегодня (сейчас) я должен || должен был || должен буду пойти“.

Употребление этой формы в значении прошедшего времени очень редко. В этом случае она выражает прошедшее неосуществленное должностовательное время, которое складывается из основы будущего категорического времени (причастие) на *-лыкъ || -рыкъ || -ныкъ* + спрягаемая форма *эди-*:

		Ед. ч.		
<i>барлыкъ</i>	{	<i>эдим</i>	„я	} должен был сходить“
		<i>эдинъ</i>	„ты	
		<i>эди</i>	„он	
		Мн. ч.		
<i>барлыкъ</i>	{	<i>эдик</i>	„мы	} должны (были) сходить“
		<i>эдигиз</i>	„вы	
		<i>эдиле</i>	„они	

Таким образом, действие, выраженное формой на *-лыкъ || -рыкъ || ныкъ эди-* не связано с определенным временем и является по сути дела ирреальным (неосуществимым), причинно-обусловленным. Наличие условия или причины (обусловливающие возможную реализацию действия) в прошлом предрешили реализацию действия, ибо условие или причина не были предварительно устранены; в будущем действие снова сопряжено с условием или причиной, но неизвестно, каков будет исход действия: *Джаумаса, бошарыкъ эдик*. „Если бы не пошёл дождь (снег) (не будь дождя || снега), мы бы закончили“ (вчера, завтра)“; „бошарыкъ эдик, ама... (алай’а) „кончили бы“, но...“—что-то помешало.

Только отрицательная форма более четко воспринимается в плане прошедшего времени, если нет контекста с причинно-условным уточнением: *мен джазарыкъ тьююл эдим* „я не писал бы“ (не хотел, не желал, не должен был)—тогда, в неопределенном прошлом; *биз битдираллыкъ тьююл эдик* „мы не смогли бы закончить“.

Форма *-лыкъ эди* выражает модальные оттенки намерения, желая, соотносенные с предстоящими действиями: *Назифатлагъа барлыкъ эдим* „я хочу сходить (хотела бы сходить) к Назифат“ (к семье Назифат); *фермагъа чыгъарыкъ эди* „он должен был поехать на ферму“. *Санъа не боллукъ эди, кайнай эдинъ сен*. „Ведь что тебе, что бы с

тобой могло случиться?“—со значением длительного, постоянного свойства в прошлом—„ведь ты в прошлом всегда был таков, что ничего бы с тобой не могло (не может) случиться“.

Из особенностей спряжения следует отметить: 1) *к, къ в-лыкъ || -рыкъ || -ныкъ* перед *эди-* (в интервокальной позиции) в произношении переходят в *г, гъ*: *аллыкъ эди—аллыгъеди, кёрлюк эди—кёрлюгеди*; 2) отрицательная форма образуется аналитически—с помощью именного отрицания *тюл-* || *тююл эди*: *барлыкъ тююл эди* „он не пошел бы“ (не желал, не должен был); *билинник тююл эди* „не узналось бы“ (тогда); *джазарыкъ тюлем* „я не должен был писать“ (не хотел, не желал).

В остальном спряжение аналогично с другими конструкциями с *эди*.

Повелительное наклонение

Повелительное наклонение выражает действие, отражающее волю говорящего, направленную на побуждение субъекта к действию. Воля-побуждение градируется от робкой просьбы до категорического повеления. Такая дифференциация оттенков значения побуждения обусловлена интонацией (с особым словесным и логическим ударением), контекстом (наличие частиц, обращений и т. д.), ситуацией и семантикой самой основы.

Отсутствие специальных формантов наклонения, времени, своеобразие произносительных норм, перемещённое ударение, представление субъекта-исполнителя в основном разумным и одушевленным существом, количество и оформление лиц—всё это чётко отличает повелительное наклонение от других наклонений.

Повелительное наклонение в карачаево-балкарском языке представлено вторым и третьим л. ед. и мн. ч., которые образуются по схеме: основа+афф. лица (и числа):

Ед. ч.

Мн. ч.

2 л. *ал* „бери || возьми“
солу „отдыхай || отдохни“
бил „знай || узнай“
кют „паси“

ал-ыгъыз „берите || возьмите“
солу-гъуз „отдыхайте || отдохните“
бил-игиз „знайте || узнайте“
кют-югюз „пасите“

3 л.	<i>ал-сын</i>	„пусть возьмёт“	<i>ал-сынла</i>	„пусть (пускай) возь-
	<i>солу-сун</i>	“отдохнёт“		мут“
	<i>бил-син</i>	“узнает“	<i>солу-сунла</i>	“отдохнут“
	<i>кют-сюн</i>	“пасёт“	<i>бил-синле</i>	“узнают“
			<i>кют-сюнле</i>	“пасут“

Из форм употребительна только отрицательная, прочие не употребляются или нарушают повелительное значение глагола: *джазсын* „пусть напишет“; *джазсынмы?* „написать ли ему?“—вместо пробуждения субъекта к действию „побуждающий“ или лицо, передающее его повеление, „разрешают“ вопрос—писать или нет субъекту; повеления не было, следовательно, субъект его не получил. Таким образом, форма вопроса упраздняет повеление.

Не употребительна и форма возможности или встречается крайне редко в сложносоставных конструкциях типа: *бир кёз джетдирелсин де* „скажи, чтобы он смог посмотреть.“

Сложносоставные основы спрягаются обычно по общей модели: изменяется замыкающий компонент. Отрицание может содержаться в одном из компонентов или в обоих, если они глагольные: *атыб кёюггуз* „бросьте“; *атыб кёймаггыз* „не бросайте“; *атмай кёюггуз* „оставьте“, „не бросайте“; *атмай кёймаггыз* „непременно бросьте“; *барма* „не ходи“; *кетмесин* „пусть не уезжает“; *тебдирмесинле* (... *синле*) „пусть не сдвигают с места“.

К особенностям следует отнести:

1. Во 2 л. ед. ч. основа повелительного наклонения по своему звуковому составу совпадает с первичной основой глагола, но не равна ей, т. е. повелительный глагол „*ал*“ и первичная глагольная основа „*ал-*“—разные вещи. Первое „*ал*“ интонационно и грамматически оформленное слово, знаменательный член предложения, сказуемое императивного предложения; оно выражает определенное наклонение, а нулевой показатель залога и лица через сопоставление позволяют определить их лексически. Что касается второго „*ал-*“, то оно неформальное слово—первичная основа глагола, которая не выражает ни наклонения, ни времени, ни залога и т. д., т. е. оно ещё не является оформленным словом в сфере глагола, а представляет всего лишь основу, материал для этого слова.

2. Во 2 л. мн. ч. после основ на согласные присоединяются афф. *-ыгъыз || -угъуз || -игиз || -югюз*; после же основ на гласные—афф. без узкого гласного *-гъыз || -гъуз || -гиз || -гюз: ат-ыгъыз* „бросьте || бросайте“; *аша-гъыз* „кушайте“; *сор-угъуз* „спросите“; *солугъуз* „отдыхайте“; *кеч-игиз* „простите“; *минде-гиз* „обрежьте“; *тюртюгюз* „толкайте“; *джюлю-гюз* „побрейте“.

ПРИМЕЧАНИЕ: До последних 20—30 лет карачаево-балкарский язык не знал и не употреблял вежливой формы для 2 л. ед. ч. *сиз* (Вы) и, следовательно, личные глаголы в этой форме. Однако в последнее время в результате длительного и частого языкового общения с другими народами, карачаевцы и балкарцы всё чаще стали употреблять вежливую форму „сиз“ в отношении 2 л. ед. ч. В особенности это наблюдается в языке интеллигенции и учащейся молодежи: *Умар, сиз айтыгъыз*. „Умар, скажите вы“.

3. В 3 л. ед. и мн. ч. в основах на 3 перед. *-сын || -сынла* в произношении наблюдается полная регрессивная ассимиляция, т. е. *Зс > сс: къаз-сын = къассын* „пусть копает“; *къаз-сынла = къассылла* „пусть копают“; *тиз-синле = тиссилле* „пусть выстроят“, „ставят в ряд“;

„похудеть“ *аз > ассылла <* „пусть похудеют“
 „повесить“ *ас > ассылла <* „пусть повесят“ > омонимия;

в 3 л. мн. ч. *-нл* регрессивно ассимилируется в *-лл: бар-сын-ла—бар-сылла* „пусть сходят“; *кел-син-ле = келсилле* „пусть приходят“.

Безударная частица *-чы || -чи || -чу || -чю* в разных личных формах имеет разные места (пишется слитно): во 2 л. мн. ч.—перед личным аффиксом, в 3 л. ед. и мн. ч.—перед ним, т. е. является замыкающим формантом: *бар-* „ходить“:

2 л. *бар-чы* „сходи-ка“ *бар-ма-чы* „не ходи-ка“
бар-чы-гъыз „сходите-ка“ *бар-ма-чы-гъыз* „не ходите-ка“

3 л. *бар-сын-чы* „пусть сходит“ *бар-ма-сын-чы* „пусть не ходит“

бар-сын-ла-чы „пусть сходят“ *бар-ма-сын-ла-чы* „пусть не ходят“

ПРИМЕЧАНИЕ: В карачаево-балкарском языке наблюдаются случаи употребления личных глаголов в значении имени. К числу подобных явлений относится конструкция „барчы-келчи“ с ударением на *-чы* || *-чи*. Она употребляется исключительно в сочетании с вспомогательными глаголами (преимущественно с *бол-*): *барчы-келчи болуб турдум* || *джюрюдюм айландым* „я был на побегушках (букв. „я был „сходи-ка, приходи-ка“), т. е. по модели именных конструкций с *бол-* типа „сюрюучю болуб айландым“ „я был пастухом“ (долгое время). „барчы-келчи“ имеет все формы именного притяжания: *барчыгъыз-келчигиз болуб...* „бывши у вас на побегушках...“, *барчылары-келчилери болуб...* „бывши у них на побегушках...“ и т. д.

В отношении 1 л. в тюркологии существуют различные мнения. 1 л. ед. ч. на *-ай-ым* || *-ей-им* || *-ай—ыи* || *-ей-ин* и мн. ч. на *-ай-ыкъ* || *-ей-ик* (в хакасском соответственно *-ийм* и *-анъ* || *-енъ*, *-анъар* || *-енъер*) и другие разновидности одни авторы рассматривают в составе повелительного наклонения (иногда указывая, что это желательная форма), другие—в составе желательного наклонения. Есть и 3-ье мнение, согласно которому 1 л. ед. ч. рассматривается в составе желательного наклонения, а мн. ч.—в составе повелительного наклонения. Так, например, 1 л. обоих чисел рассматривают в составе повелительного наклонения авторы „Граматики алтайского языка“,¹ А. Казембек,² В. А. Богородицкий,³ Л. Н. Харитонов,⁴ В. М. Насилов⁵, Н. П. Дыренкова⁶. Н. Т. Сауранбаев, выступая против отнесения 1 л. к желательному наклонению, считает ошибочным мнение языковедов, определяющих сущность повелительного наклонения как повеление, приказание; суть же его, по автору, заключается в обращении, следовательно, и в обращении к себе или ко многим.⁷

¹ Грамматика алтайского языка. Казань, 1869.

² А. Казембек. Общая грамматика... Казань, 1846, стр. 197.

³ В. А. Богородицкий. Введение..., стр. 175.

⁴ Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. М., 1947, стр. 186.

⁵ В. М. Насилов. Указ. соч., стр. 59.

⁶ Н. П. Дыренкова. Указ. соч., § 87.

⁷ Н. Т. Сауранбаев. О категории лица повелительного наклонения. Изв. АН Каз. ССР., вып. 1—2, Алма-Ата, 1954, стр. 35—36.

Н. К. Дмитриев,¹ А. Н. Кононов,² М. К. Милых³ и некоторые другие из парадигмы спряжения повелительного наклонения исключают только 1 л. ед. ч. „по логическим основаниям“ или, включая в эту парадигму 1 л. мн. ч., однако отмечают, что оно относится к желательному наклонению.

Другая часть тюркологов (Н. А. Баскаков, И. А. Батманов, А. Н. Кононов и др.) 1 л. ед. и мн. ч. рассматривают в составе желательного наклонения. И. А. Батманов отмечает: а) повелительную форму, выражающую просьбу или приказание 2-му лицу (или лицам) при непосредственном обращении к нему говорящего; б) желательную форму, выражающую формулировку собственного желания говорящим лицом или коллективом (обращение к самому себе, или самим себе, т. е. 1 л. ед. и мн. ч.); в) пожелательную форму, выражающую желание говорящего, передаваемое логическому объекту через посредника.⁴

Н. А. Баскаков в составе повелительно-желательного наклонения выделяет желательное наклонение, куда относится 1 л. обоих чисел, и повелительное—с остальными формами лиц.⁵ А. Н. Кононов 1 л. ед. и мн. ч. решительно относит к желательному наклонению, как „не имеющее ни формального, ни смыслового сходства с формами повелительного наклонения“, и рассматривает там.⁶ А. А. Юлдашев не включает 1 л. в парадигму повелительного наклонения вообще.⁷

Семантическая общность форм повелительного и желательного наклонений представляет значительные затруднения в разграничении этих наклонений, что и отражается в взглядах ученых по этому вопросу. Помимо значения, единые грамматико-лексические конструкции выражают в одном случае повеление, приказание и т. д., в другом—желание, пожелание.

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 118—119.

² А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 200—201.

³ М. К. Милых. Глагол ногайского языка. Труды Черкесского НИИ, вып. III. Черкесск, 1954, стр. 157.

⁴ И. А. Батманов. Грамматика киргизского языка, вып. 3. Фрунзе, 1940, стр. 45.

⁵ Н. А. Баскаков. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы—ИСГТЯ, ч. II, М., 1956, стр. 301.

⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М., 1960, § 252.

⁷ А. А. Юлдашев. Система..., стр. 156—164.

Оттенки значения повелительного наклонения в карачаево-балкарском языке весьма различны, многообразны. Такая дифференциация оттенков значения обусловлена, как отмечено выше, контекстом, интонационным рисунком, ситуацией и семантикой самого глагола. Степень категоричности повеления, его безапелляционность определяется и содержанием требования. В этой связи не последнюю роль играет как психо-физическое состояние, настроение повелевающего—говорящего, так и его восприятие обстановки (личности субъекта-исполнителя, оценка сущности повеления) в момент акта речи. Многое привносится в значение повелительной формы глагола и употреблением некоторых форм других наклонений в значении повелительного наклонения.

Наиболее категорическая форма приказания или повеления возможна в форме 2-го л. ед. и мн. ч. Однако и она попадает неизбежно в выше указанное окружение. Так, например, *бар* „сходи“ или „съезди“ может обозначать: *бусагъат бар!* „сейчас же иди!“—резкое повеление; *барчы* „сходи, пожалуйста“—вежливая форма повеления с оттенком просьбы;—*Къалай этейим, бараймы?*—*Бар, айхай.*—„Как мне быть, сходить ли?“—„Сходи, конечно“—совет; *барсанъ'а* „сходил бы ты“—просьба, осторожный намёк на необходимость совершить указанное действие; *барыб бир кёр (!)*: а) „попробуй сходи“—совет; б) „попробуй только сходи!“—угроза и т. д. Некоторые основы (или конструкции) лексически содержат определенный категорический, повелительный оттенок значения (при соответствующей интонации); например, *чыгъыб кет!* „выходи вон!“, „убирайся вон!“ не может иметь при себе „смягчающие“ слова или частицы вроде *марджа* „пожалуйста“.

Повеление особенно чётко воспринимается в форме повелительного залога: „*тургъуз*“ „заставь встать“; *джаздыр* „заставь написать“, „дозволь списать“; *къобар* „заставь встать“.

Категоричность, безапелляционность иногда подчёркиваются временными словами: *бусагъатдан тебре!* „сейчас же отправляйся!“; *инъирде бери джетигиз* „вечером же непременно явитесь“.

Важность приказания, повеления подчёркивается и словами, указывающими на лицо, от кого исходит приказание: *алыб кет дейме да!* „унеси, я говорю!“

Частица *-чы* придает императиву более мягкий тон с от-

тенком фамильярности, смягчает категоричность повеления.¹ Однако исполнение действия, содержащегося в повелении, мыслится немедленно, вслед за приказанием: *джаз* „напиши“—сегодня, завтра...—в неопределенном будущем; *джаз-чы* „напиши-ка“—сейчас же, безотлагательно. Такое положение наблюдается во 2 л. ед. и мн. ч. -чы в сочетании с 3 л. приобретает модальный оттенок, значение угрозы: *джазсынчы* „пусть только напишет“—по аналогии с конструкцией *джазыб бир кёрсюнчю* „пусть только попробует написать“.

Примеры:

Къанамат ичыуланьб: „Эшек улоуунъ, къатын нёгеринъ болмасын дегенлей, бери чырмалыб турма да ары тур“,—беб тюртерек этиб юсюнден айырды. Х. (Аппаев). „Как говорится, пусть ишак твоим транспортом, а баба попутчицей твоей да не будут, не приставай (мешая), отстань“,—сказал Канамат, рассердившись, и слегка оттолкнул её от себя“. *Энди мында сен ызынга къарар зат да къалмагъан эди, бу джуртдан къора дерикме.* (Там же). „Теперь ведь и не осталось здесь ничего интересного для тебя, скажу тебе: убирайся ты с этих мест“ (подобру-поздорову). *Бар, болуш, къууандыр!—дейди.—Малны, джерни къандыр!—дейди.* (К. Кулиев). „Иди, помоги, обрадуй!—говорит.—Скот и землю напой!—говорит“.

В первом примере передается резкое приказание (не приставай..., отстань!), обращенное непосредственно ко 2-му лицу. При этом контекст уточняет состояние говорящего („рассердившись“) и поступки в этой связи („оттолкнул“). Во втором примере внешне сдержанный, мягкий тон повеления с оттенком совета („скажу я“), уточняемый контекстом, наоборот, усиливает непреклонность, безапелляционность приказа. В третьем примере содержится, помимо повеления, оттенок согласия и просьба говорящего.

Кроме повеления, приказа, формой повелительного наклонения выражается ряд других оттенков значения, из которых следует отметить:

1. Значение совета, предложения:

Ашларына, сууларына иги къара, „Накорми, угости их ты хорошенько.“

¹ Ср. в киргизском вежливая форма на «Вы» — *джазынъыз* «напишите», *джазынъыз-чы* — еще более вежливая форма. И. А. Батманов. Грамматика киргизского языка, вып. 3. Фрунзе, 1940, стр. 236.

Мени атымы бир да айтма. Не упоминай ты ни разу моего имени.
Тийребизни жатма кьой.

Подожди, пока успокоятся соседи наши“

(МПА, 62).

Элни чайкьаб айланма да оркуньда турсань'а. (Х. Аппаев). „Вместо того, чтобы взбудораживать аул, сидел бы ты (лучше) дома“.

2. Значение просьбы: *Атаньы атасыны, ананьы ана-сыны джанлары бла тилейме, элге барма!* (Х. Аппаев). „Заклинаю тебя душами твоих дедушки по отцу, бабушки по матери, не ходи ты в аул!“ (горячая просьба).

Айыр бизни арабызны, тю- „Вникни ты во всё, что меж зетчи. нами исправь.

Кесинь билген кибик оноу Беспристрастно, как сам зна-
этчи. ешь, посоветуй нам“.

(Д. Байкулов).

Просьба со значением увещевания передается формой на *-са* || *-се* с частицей *-а* || *-уа*:

Чыкьсань'а, Борсукь, уядан „Вышел бы, Барсук, из норы чыкьсань'а. вышел бы.

Мен айтхань'а эсиньги бир Послушался бы, что тебе
бурсань а. скажу“ (осторожное пред-
(МПА). ложение Лисы).

Значение совета, поучения, предупреждения имеют повелительные глаголы, сказуемое которых представлено повелительным глаголом. В таких конструкциях с дидактическим значением сказуемое чаще выражено в форме 2 л. ед. ч., реже—в форме 3 л. ед. ч. Примеры: *Ана махтагьаньны алма, эл махтагьандан кьалма.* „Не бери (ту девушку), которую хвалит мать, не упусти ту, кого хвалит аул (народ)“; *атлыгьа бир айт, джаяугьа эки айт* „конному один раз говори, пешему два раза повтори“; *батхакьгьа кирме, кирсень, этек кётюрме* „не лезь в грязь, если грязь, то не поднимай подошвы“ (этим не уберешься от грязи); *кьызым, саньа айтама, келиним, сен эшит* „дочка, тебе говорю, сноха, а ты слушай“; *кьаньны кьан бла джуума, аманьны аман бла кьуума* „не смывай кровь кровью, не преследуй плохого злом“ (не преследуй зло злом); *мырхык кибик джабышма, кирпи кибик да чанчылма* „не

приставай, как репей, но и не колись, как ёж"; *ал акъылынъ кесинъи болсун, арт акъылынъ мени болсун* „первая мысль своя будет, последняя (более глубокая, верная) пусть моя будет“.

В пословицах адресат—лицо обобщенное, неконкретное („всякий“ ты или он). Что касается говорящего, то он никогда не чувствует себя подлинным автором дидактического изречения, а скорее представляет его передатчика, посредника. В результате повелительный тон смягчается, приобретая повествовательный характер, т. е. здесь мы имеем не повелительную интонацию, а повествовательную, „поучительную“. В большинстве своем пословицы в повелительной форме содержат предупреждение в отрицательной форме: *алма* „не бери“, *къалма* „не отставай“, *джуума* „не смывай“, *чанчылма* „не колись“ и проч. В обычных повелительных конструкциях они имеют более категорический характер.

3. Значение пожелания, желания:

Тёбен жанынъ тенъиз болсун, терк болсун.

Огъары жанынъ бийик болсун, кёк болсун,

Эки кёнделенинъ шайтан кирмез бек болсун,

Аны ичинде жашар кюнюнъ кёб болсун!

(М П А. Бийнёгер).

„Внизу у тебя да будет море, пусть будет река.

Сверху пусть будет неприступно высоко, пусть небо будет,

По обе стороны пусть будет крепость, недоступная шайтану;

Да будет отпущено тебе в ней жить много дней!“

Алтын сауъга сени болсун, „Золотой подарок пусть будет твой,

Къаншаубийни къараб джаныз бир Лишь один взгляд на Къаншаубия

Кёрмеклик мени болсун!

Пусть будет мой!“

(М П А).

В этих примерах выражено скорее желание говорящего, но не повеление; поэтому желание не соотносительно с побуждающей волей говорящего. Желание адресовано непосредственно к 3-му лицу. Причем „желается“ только конечный результат; процесс действия и подлинный субъект остаются вне поля зрения: „*пусть будет море, пусть будет*

река...“ Кто их „сотворит“ и сам процесс этого превращения неизвестны. Оформляясь по модели 3 л. (-сын || -син) повелительного наклонения, подобные конструкции по своим логическим связям входят в систему желательного наклонения.

Сюда же относятся призывы—лозунги, которые выражают значение, гораздо близкое к повелительным формам:

Алчыбыз—компартиябыз джашасын!
Джашасын Совет байрагы! Хорласын!
Сау жер шаргыа ие болуб орналын! (МПА).
„Пусть здравствует наш вождь—наша компартия!
Пусть здравствует советское знамя! Пусть победит!
Пусть воздрзвится, став хозяином Земли!“

Значение просьбы с оттенком дозволения передается конструкцией *-магыа || -меге кзой, -ма || -ме кзой*: *Бу терекни бюк да манга кёгет ашама кзой дегенди.* (МЖ). „Пригни это дерево и позволь мне есть плоды“,—сказал он“. *Хайт деб ёсдюр жашынзы, киши болма кзой.* (Там же). „Старательно расти сынка своего, пусть становится мужчиной (допусти стать мужчиной)“. *Сора минчакзгыа тиймегиз, кьоркьмагыз, турма кьоюгьуз.* (Там же). „Затем не трогайте жемчужину, не бойтесь, оставьте в покое“. Усеченная форма *-ма || -ме¹* (имя действия на *-макь || -мек + афф.* направительного падежа *-кыа || -ка > -макькыа || -мекке > -магыа > -меге > -ма || -ме*) отличается от соответствующего омонима в отрицательной форме ударением. В „*барма кзой*“ ударение падает на *-ма*, в отрицательной конструкции „*барма, кзой!*“ „не ходи, оставь!“ ударение падает на основу и акцентируется логически каждое слово.

2 л. (чаще мн. ч.) обозначает призыв, повеление, которое уже не имеет никакого отношения к желательному наклонению:

Аха, жашла, джыйлыгыз! „Эй, джигиты, собирайтесь,
Кюрешде эрле болугьуз, Мужами будьте в сражении!
Кьызыл Аскерге киригиз, Армию Красную пополняйте,
Кьурч сатыргыа тизилигиз. В стальной строй станьте“.

(К. Мечиев. Избр.)

4. Значение вывода, умозаключения, решения: *Джашлыкь этиб, кьалгьанлагыа мени амалтын бир от джан-*

¹ О происхождении этой формы см.: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II. М., 1952, стр. 496; Г. И. Рамstedт. Введение... стр. 101.

масын деб кьойдум ансы... (Х. Аппаев) „Удержался, подумав, пусть не свалится беда на остальных из-за меня, из-за моего легкомыслия, не то..“

*Ицсин сууукъ сууну, суут-
сун аузун.*

„Пусть (себе) пьет студено-ую воду, пусть остудит свою пасть.

*Нек инджитеме бу джазыкь-
ны джаньн?*

Зачем мне мучить душу этого бедняги?!“

(Д. Байкулов).

В последнем примере, наряду с решением говорящего выражается оттенок дозволения— „пусть себе пьёт...“

5. Значение опасения, предостережения выражается отрицательной формой, чаще в форме 3 л.:

*Сакъ бол, жарлы чыбчыкь-
чыкь,*

„Будь осторожна, бедная пташка.

Жашчыкьла алдамасынла,

Мальчики пусть не обманут (могут),

Гыржын бурхула атыб,

Заманув хлебными крошками,

Тузакъгъа салмасынла.

Пусть не заведут тебя в силок“.

(К. Мечиев. Избр.)

Тюнене бизни болгъаныбызны адам не кёрмесин, не зшитмесин (Х. Аппаев). „То, что с нами вчера случилось, пусть никто не увидит и не услышит“.

Сени ала кёрмесинле,

„Пусть они тебя не увидят,

Эчкиле кемирмесинле,

Пусть козы тебя не грызут,

Кюйсюз желле бюкмесинле,

Свирепые ветры пусть не гнут,

Кюйсюз кьолла кесмесинле!

Безжалостные руки пусть не срубят!“

(МПА).

В последнем примере выражено как желание поэта („чтоб ебя не согнули, не срубили...“), так и опасение его („как ы тебя не согнули, не срубили...“). В то же время атвор бращается к объекту (речь идёт здесь об ивушке на бе-ежку)—2 л., следовательно, содержится и оттенок предо-ережения.

Отрицательная форма 3 л. выражает и другие оттенки значения, как сомнение, предупреждение, угрозу и др. Они передаются обычно средствами контекста, например: *джы-джым ингичгерек кёрюнеди, юзюлюб кетмесин* „верёвка кажется тонковатой, как бы не оборвалась“; *ауб кетмесин, сени бойнуньдады* „пусть не упадёт, ведь ты отвечаешь за это“ („смотри!“); *былайдан озаргъа умут этмесин* „пусть не вздумает пройти здесь“.

С повелительно-желательной семантикой употребляется условная форма (иногда с частицами *-а || -уа* и *бир*). В этих конструкциях условная форма имеет соответствующий интонационный рисунок и логическое ударение. Эта форма выражает вежливую просьбу, осторожное предложение: *сагъат юде бизге бир келсенъ* „если бы тебе зайти к нам часа в 3“ (знач.: „зашёл бы ты к нам часа в 3, прошу, заходи“); *Хамитге бир айтсагъыз, марджа* „Как бы вы передали Хамиту“ („передайте, пожалуйста“); *Осман, тубесенъ бир айт, Къазий атын бир берсе деб.* „Осман, передай, если встретишься, пусть Кази отдаст свою лошадь“. *берликчиклерин бир берселе* „Как бы они вернули свой должок“ („пусть вернут“). В этом значении употребляется; и будущее неопределенное на *-ар || -ыр*, но с оттенком обязательности: *сагъат 3-де бизге бир келирсе* „зайдешь к нам часа в 3“ (обязательно); *Хамитге бир айтырсыз* „передадите Хамиту“ (обязательно).

Условная форма с частицей *-а || -уа* в повелительной функции употребляется для выражения просьбы, вежливого обращения, приглашения, предложения, нарочитой обиды и т. д. Например: *Бизге бир болушсанъ'а* „помог бы ты нам“ („помоги, пожалуйста“). *Ичгери келсенъ'а аурунъ алайым, тышында нек тохтагъанса?* „Зашёл бы ты в дом, уважаемый („взять бы твою болезнь на себя“), „зачем ты остановился снаружи (во дворе)?“ *Джашчыкъгъа бир билдирсегиз'а.* „Сообщили бы сынишке“ („... моему“: по этикету мать не уточняет, чей он); *манъа да бир айтсагъыз'а.* „Сказали бы уж и мне“. *Бизге да бир келселе'уа.* „Хоть бы к нам приехали“ („к другим, возможно, ездят, пусть и к нам хоть раз приедут“).

В этих конструкциях слоговое ударение обычно падает на частицу *-а || -уа*: *барсанъ'а, барса'уа*: параллельно употребляется и форма *барсан'а* по нормам условного наклонения. *Барсанъ'а* обозначает „сходил бы ты уж“ (чем заниматься чем-то другим)—совет, осторожное предложение.

Форма на *-ар || -ыр* без смягчающей частицы *бир* приобретает оттенок строгого наказания: *инъирге этиб бошарса* „к

вечеру закончишь“ (непременно); *сагъат алтыда былайда болурсуз* „часов в 6 вы будете здесь“ („будьте обязательно“). В отношении 3 л., при передаче приказа через посредника, тон повеления смягчается: *унутмай айтырса, кечге къалмай ишге чыгъарла* „не забудь передать, пусть выйдут на работу без опоздания“. Эта же форма выступает со значением предупреждения, опасения: *сындырыб къаярса, марджа* „разобьешь“ („смотри!“)

Значительно реже встречаются другие формы изъявительного наклонения в значении повелительной формы: *билиб къал: тамбла джаздынъ, бошадынъ, алыб келдинъ* („знай же: завтра напиши (написал), кончай (кончил), принеси принёс“)—форма прошедшего категорического на *ды*; *къалгъанла кетедиле, сиз'а къаласыз; Къайсынны буйрۇгъу алайды*. „Остальные едут (пусть едут), а вы остаетесь (останетесь); таков приказ Кайсына“.

Такое употребление, рязумеется, связано с условиями контекста, с ситуацией.

Формы повелительного наклонения, в свою очередь, употребляются со значением других наклонений. Это наблюдается и в устойчивых сочетаниях, в состав которых входят как компонент повелительные формы. В некоторых случаях формы повелительного наклонения выступают с условно-уступительным значением. Функциональная дифференциация форм повелительного наклонения также обусловлена условиями контекста и отсутствием императивной интонации. Примеры:

Хаман ары бар, бери кел, тамам арыдым. „То туда все ходил, то сюда ходил (букв. „То туда ходи, то сюда приходи“), вконец устал“—со значением прошедшего времени на *-ды* или деепричастия на *-а || е- || -й* при личном глаголе: *хаман ары бара, бери келе... арыдым* „всё идя туда, идя сюда... устал“; эта конструкция употребляется для выражения противоположного или многократного нежелательного (надоедливое) для субъекта действия. Причём время действия и лицо субъекта уточняются контекстом. *Хаман ары бар...* может означать „всё туда ходил...“, „всё туда хожу“..., „всё туда буду ходить“; или: „я (ты, он) ходил“; „мы (вы, они) ходили“. Лицо уточняется формой личного глагола в конструкции, в составе которой обычно имеются усилительные частицы *хаман, хайда, бир* и др., подчёркивающие повторность, многократность, интенсивность действия: *бири кел, бери кет, бездим* „один приходит, другой уходит, надоели мне“; *бири кел, бери кет, безген эдигиз* „то один приходит, то другой уходит, надо-

ели они вам“; *бир кел, бир кет, бездирликдиле* „то приходя, то уходя, надоедят ведь“; *хайда джырла, хайда тебсе, азаб бергендиле* „всё танцевали, всё пели, прямо надоели“; *хаман къаз, хаман ариула, алай бла кючдан бошадыхъ* „всё копали, всё подчищали, таким способом насилу закончили“.

Со значением обычности, постоянства употребляется конструкция с *тур-*: *не къыйынлыгъы барды, олтур да сана да тур* „какая там трудность: сиди себе и считай“—со значением „сидишь себе и считаешь“.

Форма 3 л. ед. и мн. ч. *-сын || -сынла* выступает с условно-уступительным значением—при соответствующих условиях контекста и не императивной интонации: *Ким да джазсын, манъа башхасы джокъду*. „Кто бы ни писал, мне всё равно“; *къабханнъа бир тюшюн ансы, ычхынмаз* „попади (если попадет) только она в капкан, не сорвётся“; *айтсынла, айтмасынла, сизни ишигиз туююлдю* „пусть говорят или нет, не ваше дело“; *сюйсе кетсин, суйсе къалсын, меннъе андан не барды?* „хочет—пусть едет, хочет—пусть остается, что мне от этого?“

В карачаево-балкарском языке нет повелительных форм 2 л. на *-ынъ || -ин:* *укъинг!*—„читайте!“, *ёзинг!* „пишите!“; *тынъыланъ* „слушай“, *барынъ* „иди“.¹ Форма 2 л. ед. ч. на *-гъын || -гин*, 3 л. ед. и мн. ч. *-сын || -син, -сынла*, выражающие пожелание, добро-и зложелание, рассматриваются в составе желательного наклонения.

Карачаево-балкарский инфинитив *-ыргъа || -ирге* в значении повелительного наклонения употребляется весьма редко и не наделён характерной для некоторых языков безапелляционностью, как, например, в башкирском языке.² Он выражает совет, призыв, предупреждение: *заманында къобаргъа* „вставать вовремя“; *чёблеу ашамазгъа* „семечек не грызть“; *эртденбла былайда болургъа* „утром быть здесь“; *артха къалмазгъа* „не отставать“.

Таким образом, основной формой выражения повелительного наклонения в карачаево-балкарском языке является форма 2 и 3 л. ед. и мн. ч. Наряду с ней, для выражения императивного действия используются формы и средства других наклонений (условного, изъявительного). В свою очередь, формы повелительного наклонения при оп-

¹ А. Н. Кононов. Грамматика совр. узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, § 252.

² А. А. Юлдашев. Система., стр. 157.

ределенных лексико-грамматических условиях, в составе отдельных конструкций, приобретают различные оттенки значений, выходящие за рамки повелительного наклонения. Оттенки значений и переходные случаи форм повелительного наклонения находятся в тесной связи с контекстом, с интонацией, с ситуацией в момент речи. Поэтому повелительное наклонение теснее связано с моментом речи и синтаксически более обусловлено, чем другие наклонения.

Отсутствие форманта наклонения восполняется в повелительном наклонении личными формами, представляющими специфику только данного наклонения (2 и 3 л. ед. и мн. ч.).

Желательное наклонение

Желательное наклонение употребляется для обозначения действия, исполнение которого представляет желание, волеизъявление говорящего. Желания, волеизъявление говорящего представляют различные оттенки значения: желание, пожелание, решение, совет, опасение, сомнение, согласие, раскаяние, клятву, заклинание и т. д. Побуждение к желательному действию иногда имеет оттенок повеления,¹ призыва.² Оттенки значения желательного наклонения очень часто бывают обусловлены контекстом, ситуацией в момент речи, лексическими свойствами основы. Интонационный рисунок желательной формы в основном отличается „мягкостью“, „повествовательным“ тоном, но при пожелании, призыве, повелении приобретает оттенок повелительный.³

Сходство оттенков значений, общность отдельных форм повелительного и желательного наклонений является поводом для многих исследователей и авторов практических грамматик к объединению их в составе повелительного наклонения. В работах по карачаево-балкарскому языку Н. А. Караулова, А. Д. Жарихина, А. М. Байрамкулова желательное наклонение дается в составе повелительного наклонения как „желательная форма“ или не употребляется вообще (см. раздел „Категория наклонения“).

Однако симантический критерий и специфика грамматических форм, справедливо отмеченные А. Н. Кононовым,⁴ достаточное основание, чтобы выделить желательное наклонение, как самостоятельное, в системе наклонений.

¹ Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 122.

² А. А. Юлдашев, Система., стр. 165.

³ Там же.

⁴ А. Н. Кононов, Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 235.

Основным значением повелительного наклонения является побуждение субъекта к положительному или отрицательному действию, которое чётко отличается от желания или пожелания. Действие положительное или отрицательное в повелительном наклонении мыслится, как реальное, после момента речи—повеления, т. е. в будущем; желательное действие представляет скорее желание говорящего, нежели реальное действие. Здесь нет активного субъекта—исполнителя, как в повелительном наклонении; здесь действие оседает в побуждениях говорящего, не доходя до адресата. Следовательно, в сравнении с повелительным наклонением, действие, выраженное желательным наклонением, представляется нереальным. В повелительном наклонении побуждающая воля говорящего включает как побуждение к действию, так и исполнение этого действия. В желательном—только волеизъявление, желание говорящего.

Семантический критерий даёт ключ к чёткому разграничению этих двух наклонений, так как:

1) повелительное наклонение представляет побуждение к реальному действию; действие адресуется конкретному субъекту-исполнителю, к 2-му или 3-му лицу. В желательном наклонении действие представляет желание, волеизъявление, согласие говорящего, сформулированные как его намерение, решение, повеление, призыв и т. д. Желательное действие направлено к самому (или самим) себе. Если же оно адресовано, как пожелание, к другим лицам (2-му, 3-му), то не достигает намеченного говорящим адресата, значит, фактически нет субъекта—исполнителя. В этом случае трудно говорить о реальном действии.

2) Действие повелительного наклонения предполагается во всех случаях после высказывания о нём, после самого повеления, после момента речи. Желательное наклонение может выражать и прошлые желания, намерения: *Джаш заманында бир кёргей эдинь аны.* („Эх) видел бы ты его в молодости“. *Шо тюнене анда бир болгъай эдик.* „(Эх) хорошо бы нам вчера быть там“.

В карачаево-балкарском языке желательное наклонение выражается тремя специальными формами:

1. Основа + *-ай* || *-ей* || *-й* + кратки е афф. 1 л. ед. и мн. ч.;
2. основа + *-гъын* || *-гин*;
3. основа + *-гъай* || *-гей* + *эди-* в спрягаемой форме.

В значении желательного наклонения, кроме специальных, употребляются повелительные формы 2 и 3 л. ед. и мн. ч., некоторые временные формы изъявительного наклонения и формы условного наклонения.

I. Форма на *-ай* || *-ей* || *-й* восходит к более полной форме, к древнему афф. желательного наклонения *-гъай*¹.

Эта форма спрягается по схеме:

ед. ч.	мн. ч.
<i>бар-ай-ым</i> „пойду-ка“	<i>бар-ай-ыкъ</i> „пойдем-ка дайвай пойдём“
<i>сана-й-ым</i> „посчитаю-ка“	<i>сана-й-ыкъ</i> „посчитаемте“
<i>кет-ей-им</i> „уйду-ка“	<i>кет-ей-ик</i> „уйдёмте“
<i>тиле-й-им</i> „попрошу-ка“	<i>тиле-й-ик</i> „попросимте“

-ай || *-ей* присоединяются к основам на согласные, *-й*—к основам на гласные.

В балкарских диалектах отмечена (В. Прёле, А. М. Аппаевым) форма 1 л. ед. ч. *барайын* „подуй-ка“, *кетей-ин* „уюду-ка“ (ср. другие языки. Н. А. Баскаков.—ИСГТЯ, стр. 301).

Форма отрицательная, вопроса и возможности образуются по обычной модели: *барайым-мы?* „пойти ли мне || схожу-ка, а?“; *бармайыкъмы?* „не ходить нам?“, „не пойти ли нам?“ Форма возможности-невозможности не употребительна.

Форма на *-ай* || *-ей* || *-й* часто сочетается с частицами *-чы* || *-чи* || *-чу* || *-чю* или с глаголами-частицами *кел*, *джюр* (от глагола *джюрю*— „ходить“, „двигаться“), которые усиливают значение основы, придавая оттенок решительности, безотлагательности.

Частицы отрицания, вопроса и *-чы* пишутся слитно.

II. Четырехвариантная форма на *-гъын* соотносится с *-гил* || *-гыр* других тюркских языков, которые, по мнению многих ученых, восходят к одному источнику. В. В. Радлов, затем Ж. Дени и В. Банг афф. *-гил* || *-кил* возводят к глаголу *къыл*— „делать“; афф. *-къыл*, *-къын* Котвич возводит к монгольскому глаголу *ки*— „делать“.² Н. А. Баскаков состав *-гъын* || *-гин* рассматривает как „сложные сочетания аффиксов, в составе которых исторически, возможно, вошли элементы словообразования и словоизменения“³ и которые находятся в непосредственной генетической связи с

¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, III, стр. 447; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, М.—Л., 1960, стр. 235; Г. И. Рамstedт. Введение..., § 54.

² А. М. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960. § 254.

³ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II, М., 1952, стр. 448.

-гъан || -ген.¹ Г. И. Рамстедт -гъын || -гин возводит к древнему причастию на -н от вторичной глагольной основы.²

В карачаево-балкарском языке -гъын || -гин по первому согласному представляют полную аналогию с гъан || -ген. т. е.: -гъын || -гин после основ на гласные и й, у, з, л, м, р; -хын || -кин—после основ на согласные б, п, с, т, ч, ш; -къын || -кин—после основ на къ, к и -нъын || -нъин—после основ на нъ, н. Но, в отличие от -гъан || -ген, гласные в -гъын || -гин представлены полным составом узких гласных: -гъын || -гъун || -гин || -гюн и т. д. (Орфография не отражает -къын || -кин, соответственно пишутся -гъын || -гин).

-гъын || -гин, обычно представляющие форму 2 л. ед. ч., в карачаево-балкарском языке по своему значению могут соотноситься со 2 и 3 л. ед. и мн. ч. Формана -гъын || -гин употребляется только в сфере пожеланий—добро- и зложеланий и не имеет формы возможности и вопроса; почти не употребляется вне контекста, чем, возможно, и объясняется семантика этой формы, соотношенная не только со 2 л. ед. ч.

Отрицательная форма -ма-гъын || -ме-гин: таб-ма-гъын „чтобы тебе не найти“; кёр-ме-гин „чтобы тебе не видеть“.

III. Форма на -гъай || -гей эди- представляет сочетание. основа+афф. причастия будущего желательного³ на -гъа(й) || -ге(й)+эди в спрягаемой форме.

Карачаево-балкарский язык не имеет самостоятельной спрягаемой формы на -гай || -гей без эди-, как, например, в каракалпакском языке⁴: мен баргъайман, сен баргъайсанъ и т. д.; в киргизском, как и в карачаево-балкарском, спрягается сочетание -гай эле (эди).⁵ Таков состав этой формы и в кумыкском языке.⁶

В карачаево-балкарском языке, вероятно, представлен усечённый вариант -гъай || -гей > гъа || -ге, отмеченный Г. И. Рамстедтом.⁷ В произношении всегда имеется й, вставляемый между гласными на стыке слов: -гъа || -ге—й—эди-. В пользу вставного (анаптикического или эвфонического, облегчающего артикуляцию) й говорит и то, что литера-

¹ Г. И. Рамстедт. Введение..., Примечание Н. А. Баскакова, 140.

² Г. И. Рамстедт. Введение..., стр. 136.

³ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. II. М., 152, стр. 445.

⁴ Н. А. Баскаков. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. — ИСГТЯ, ч. II, 1956, стр. 300.

⁵ И. А. Батманов. Грамматика киргизского языка, вып. 3, Фрунзе, 1940, стр. 53.

⁶ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 123.

⁷ Г. И. Рамстедт. Введение..., § 54.

турно-письменный язык карачаевцев и балкарцев никогда не отмечал и не отмечает *й* между *-гъа* || *-ге* и *эди-*, т. е. орфография не отражает *й*, и везде встречается форма „баргъа эди“, „келге эди.“ В поэтической речи часто применяется слитное написание основы с редуцированной формой *-эди*: *келгеем, баргъаенъ, айтхаелле, болмагъаает*.

В этой связи небезынтересно сравнить карачаево-балкарскую желательную форму *баргъа эди-*, *кёрге эди-* с соответствующей башкирской формой *барыргъа ине, кюрерге ине*.¹

В башкирском эта форма образована на базе целевого инфинитива на *-ргъа* || *-рге*.

В семантическом отношении эти формы в обоих языках идентичны:

Б а ш к.

Барыргъа ине, кюрге ине
Эфлисундынъ юскэнэн...
 кар.-балк.
Баргъа эди, кёрге эди
Апельсинни ёгенин...

„Поехать бы, увидеть бы,
 Как растут апельсины...“

Разница заключается в необходимости личной формы *эди-* в карачаево-балкарском языке. Башкирский вариант в приведенном примере представляет безличную форму. Что касается отсутствия *-ар* || *-ыр* в карачаево-балкарском языке в варианте, то оно объясняется закономерным выпадением *-ар* || *-ыр* в абсолютном конце или перед согласными последующих аффиксов (см. подробнее стр. 129):

полная форма	редуцированная форма:
<i>барырма</i>	<i>барыма</i>
<i>келирсе</i>	<i>келисе</i>
<i>барыргъа</i>	<i>бар(ы) гъа</i>
<i>келирге</i>	<i>кел(и) ге</i>

Но во многих случаях *-ар* || *-ыр* не выпадает: *ач-ар-ма кес-ер-ле, айтыр-сыз*. Поэтому форму на *-гъа (й)* || *-ге (й)* *эди-* невозможно свести к инфинитивной форме *-ргъа* || *рге* + *эди-*, тем более к форме *-гъан эди*, как утверждает А. Т. Базиев.² Таким образом, карачаево-балкарская желательная форма на *-га* || *-ге* представляет усеченную форму на *-гай* || *-гей*.

¹ А. А. Юлдашев. Система., стр. 166—167.

² А. Т. Базиев. Система спряжения в кумыкском и ногайском языках. Канд. дисс., М., 1940, стр. 121—122.

Парадигма спряжения формы *-гай* || *-гей эди-*:

<i>баргъа(й)</i> <i>келге(й)</i>	{	<i>эдим</i>	{	ед. ч	„поехать бы приехать бы мне“
		<i>эдинъ</i>		„поехать бы приехать бы тебе“	
		<i>эди</i>		„поехать бы приехать бы ему“	
		<i>эдик</i>		„поехать бы приехать бы нам“	
		<i>эдигиз</i>		мн. ч. „поехать бы приехать бы вам“	
		<i>эдиле</i>			„поехать бы приехать бы им“

Формы возможности-невозможности, отрицания и вопроса образуются по обычной модели: *бар-ма-гъа эдинъ* „как бы тебе не пойти“ („лучше бы остаться“), или: „зря ты пошёл“; *джукъла-й-алгъа эдигиз* „как бы вы смогли уснуть“ („хорошо бы, если вы смогли уснуть“, или: „едва ли сумеете уснуть“); *джет-ал-ма-гъа эдиле* „как бы они не смогли догнать“ („хорошо бы, если не догонят || не догнали“).

Вопросительная форма употребляется при уточнении высказывания, при переспрашивании: *вопросительная частица присоединяется к эди-*: *къайтмагъа эдиле-ми (дейсе)?* „Как бы они не вернулись (говоришь)?“ В этом случае слоговое ударение падает на вопросительную частицу *-ми*.

Все три специальные формы (*-айым* || *-ейим*, *-айыкъ* || *-ейик*, *-гъын* || *-гин*, *-гъай* || *-гей эди-*) желательного наклонения выступают в составе сложносоставных основ, например: *кетиб къалайым* „уйду-ка я“ (сейчас же); *къайтмаздан кетиб къалгъын* „чтобы ты ушёл безвозвратно“, *кетиб къалгъа эдик* „хорошо бы было нам уйти“ („вот если бы уехали мы“). Сложносоставные основы, в которых спрягаемый, служебный компонент имеет только форму 3 л. ед. ч., естественно, не могут иметь формы словоизменения на *-айым* || *-айыкъ* и *-гъын* || *-гин*, представляющие 1 и 2 л. Чаще это наблюдается в сложносоставных основах с именным компонентом: от *„келлююз къалмады“* „мы не обиделись“ желательная форма возможна только на *-гъа(й)* || *-ге(й) эди-*, т. е. только эта форма имеет 3 л. ед. ч.: *келлююз къалмагъа эди* „как вы бы не обиделись“.

В свою очередь, форма на *-айым* || *айыкъ* ограничена кругом тех глаголов, которые по своей семантике могут быть действиями 1-го л. В этой связи Н. К. Дмитриев заметил: „... в кумыкском, как и в карачаево-балкарском, сохранилось только 1 л. ед. и мн. ч.; 2 и 3 лица обоих чисел не сохранились, и грамматическая схема заменяет их соответственными лицами повелительного наклонения.“¹ Например,

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 121.

джау- „идти“ (о снеге, дожде) не может иметь желательную форму *джауайым, джауайыкъ*. Таковы глаголы, отражающие явления природы, фауны, флоры и т. д. Однако в фольклоре, при олицетворении возможно употребление данной формы: „*Отлайыкчы*“, — *дейди Къочар*. „Давайте попасёмся“, — сказал Баран.“

Оттенки значений желательного наклонения весьма различны. Между тем каждая специальная форма имеет ряд особенностей, присущих только ей.

Форма первого лица на *-айым* || *-ейим, -айыкъ* || *-ейик* выражает в основном желание. Она употребляется со значением совета, призыва, приглашения, побуждения к совместному действию: „*Бир-бирибизге темир багъана болайыкъ*“, *дейди*. (Х. Аппаев). „Станем крепкой опорой друг другу (букв.: „друг другу железным столбом станемте“)“, — сказал он.“ *Барайыкъ да бу ашхы адамны ёлтюрме дейик да тилейик; бу бизге берген саугъаланы да кёргюзтсийк*. (МЖ). „Пойдём-ка и попросим, пусть (он) не убьёт этого доброго человека (... „этого доброго человека не убивай, скажем-ка и попросим-ка“) и покажем его подарки нам“. *Алай эсе, къабырлагъа барайыкъ да Кёсеге къабыр къазыб келейик, Кёсе'уа быллай жатсын*. (МЖ). „Если так, пойдёмте на кладбище, выроем Безбородому могилу и вернёмся, а он (за это время) пусть полежит здесь“.

Бирлешейик, бир-бирибизни джокълайыкъ.
Тар ёзенде джуртубузну сакълайыкъ. (Х. Аппаев).

„Даванте объединитесь, вспомним друг друга,
В ущелье узком защитимте нашу землю“.

Биз да аныча ёлейик, Умрёмте мы, как и он,
Эрлени таукел этейик. Вдохновимте мужей на подвиг“.

(МПА. К. Мечиев)

Желание с оттенком призыва, совета иногда усиливается глаголами-частицами *кел-*, *джюр-*, употребляемыми для побуждения слушателя:

Кел, Къарачач, Къара-ташдан „Давай, Карачач, с Чёрного
Тёбен таргъа къарайыкъ. каменя
Къаншаубийим келе эсе, На Тёбен тар посмотрим.
Жюрюгенлеге сорайыкъ. Если едет мой Каншаубий,

*Келмей эсе, жилий-жилий
турайыкь,
Бияггы кванлы кваягга
ёрлейик.*
(МПА)

У путников мы расспросим,
Если не едет, плача, мы
пробудем,
Взберёмся опять на прокля-
тую скалу“.

Жюр, биз Кёсени афендисиз асырайыкь да кьояйыкь.
(МЖ.) „Давай мы Безбородого похороним без муллы“.

Форма на *-айым* || *-айыкь* выражает желание 1 л. мн. ч. с оттенком повеления, когда 1-ое лицо подчиняет соучастников своей воле, высказывает им свое решение (Ср., напр., кумыкский язык: *алайыкь* „давайте возьмём“). Например: *Хайдаггыз, тебрейик, былайда мурукгу этмейик*. „Поторапливайтесь, выходим (выходите) в путь, не будем здесь задерживаться“. Повелительный тон говорящего здесь подчеркивается побудительной частицей „*хайдаггыз*“ в форме 2 л. мн. ч. (со значением просторечных „айда!“, „айдите!“).

В числе других оттенков значений формы на *-айым* || *-айыкь* следует отметить оттенки, выражающие решение, вывод, пожелание, согласие, сомнение, цель, намерение, клятву, угрозу и др. Примеры: *Муну тургган жерин бир бир кёрейик*. (МЖ). „Пойдёмте и посмотрим, где он живёт“. *Кьонакьлагга кьонакьбай хазырайым*. (МЖ). „Подготовлю-ка я место для гостей“. *Мен сизни бир кёрейим, бир билейим, таныйым деб келген эдим ансы, аш, харакет, мал тилей келмеген эдим. (Там же)*. „Я ведь приехал, решив: повидая-ка вас, узнаю, познакомлюсь, а не приехал просить (у вас) кушанья, добра, скота.“

*Кьор болайым мен санга,
Сенден алгга ёлейим,
Халкьынънъа тюз иннетли
Адам болуб кёрейим.*
„Да буду жертвой для тебя,
Да умереть мне раньше тебя.
Да увидеть мне тебя человеком,
Народа достойным граждани-
ном“.

(ДжДж).

*Мен башыггызны андан кёб
Аурутмагганлай тохтайым,
Джанггы жашауну огьурлу
Кюн башлайыкь!— деб кьояй-
ым.*
„Не заставлю я больше ва-
ши головы
Болезь, приостановлюсь-ка я,
— Да начать нам новую
жизнь в счастливый день!—
Провозглашу и кончу.“

(К. Кулиев).

Огъай демейме... бюгюн элге барайыкъ да алайда кече къалыб тынчайыкъ. (Х. Аппаев). „Не возражаю... поведемте сегодня в аул и, переночевав там, отдохнёмте“. *Не зат керек эсе да айт*, аны эштейим. (Там же). „Скажи, что нужно, пусть я услышу.“

*Мен суусуз къалгъан тенгизге батайым,
Этден тоуб, кюн турушда жатайым,
Къойдан толу юзгереге тыгъылайым,
Анда киши да кёрмейин къалайым.*
(М. П. А. Клятва Волка Барсуку.)

„Чтобы утонуть мне в безводном море,
Чтобы, наевшись мяса, на солнцепёке мне лежать,
Чтобы в полную овец овчарню мне залезть,
Чтобы там не видеть никого.“

Арабин, къалай этейим, къоюбму кетейим, огъесе сакъ-лагъандан ары сюд бошалгъынчын турайыммы? (Х. Аппаев). „Что же мне (теперь) делать: то ли бросить и уйти или, раз уж ждал, дожидаться конца суда?“

Форма на *-айым* || *-айыкъ* встречается в составе устойчивых сочетаний и в оборотах с риторическим вопросом-*аурунъ* (*аурууунъу*) *алайым* „да взять на себя твою болезнь“ — вежливое обращение с оттенком просьбы или заискивания; в этой же функции употребляются: *къурманынъ, къорунъ болайым* || *болайыкъ* „да буду я (да будем мы) жертвой тебе“, т. е. со значением: „да принести себя в жертву Вам“ — при горячей просьбе, мольбе; *джанынъа къурман болайым* || *болайыкъ* „да будем мы жертвой ради души твоей“ и проч.; *кимге айтайым, кимге тарыгъайым...* „кому мне сказать, кому мне жаловаться.“; *не мадар этейик, не кычырыкъ этейик* — со значением: чем тут можешь...“ (или букв. „что за выход нам делать, что за крик нам делать...“); *къууаныб'а неге къууанайым...* „а радоваться-то... чему мне радоваться...“ *Бу минчакъгъа не этейим (нетейим): кетергенми этейим, огъесе турмагъамы къояйым... Билмейме.* (М. Ж). „Что мне делать с этой жемчужиной: то ли убрать (её), или пусть себе побудет... Не знаю“. *Не этейим, жарлы сабийчиклени къайры атайым?* (Там же). „Что я сделаю, куда я брошу бедненьких малюток?“

В значении угрозы: *Кёрейим сени мен къалай къалыуунъу!* „Посмотрю, как ты останешься!“ („попробуй только останься!“). *Кёрюшейик аны бла биз!* „Увидимся мы с ним ещё!“ (пусть только встретим его!).

Форма на *-айым* || *'айыкь* часто встречается в составе парных или повторных основ типа *барайым-бармайым* „пойду ли, нет ли“—с уступительным значением; здесь обычно первый компонент представлен в положительной форме, второй—в отрицательной. По этому типу сочетаются и разные основы, но без оформления отрицательной частицей: *барайыкь-кьалайыкь* „пойдем ли, останемся ли“ (ником никакого дела нет, как бы мы не поступили“). Положительно-отрицательное сопоставление здесь организуется с помощью семантической корреляции, т. е. сочетаются слова с противоположным значением: *бар* „иди“, *кьал* „останься“, *кел* „приди“, *кет* „уйди“, *джырла* „спой“, *джыла* „заплачь“ и т. д.

Желательная форма на *-гьын* || *-гин*, в отличие от некоторых тюркских языков,¹ ограничена сферой пожеланий—добро-и зложелания. Иногда *-гьын* || *-гин* входит в состав устойчивых сочетаний, пословиц, оборотов с риторическим вопросом. В письменной литературе она встречается весьма редко. Примеры: *Жаньыз бир эчки кьалгьан эди да, аны да сен ёлтюрдюнь. Апсатыны кьолундан ёлгюн.* (МЖ.). „Оставалась единственная одна коза, и ту ты убил. Чтоб ты погиб от руки Апсаты“.²

Любопытно отметить в этой связи, что параллельно с формой *-гьын* || *-гин* употребляется повелительная форма на *-сын* || *-син*. В этой же сказке горный дух Зынъырдауукь во второй раз, встретив второго охотника (младшего брата), повторяет ту же трафаретную фразу, но уже с другой концовкой: „*Сени уа Апсаты ёлтюрсюн!*“—„... А тебя пусть убьет Апсаты || а, чтоб тебя убил Апсаты!“

Озгьан джанъурну джамчы алыб сьургенликге, кьайдан джетгин. (Х. Аппаев). „Как бы ни погнался, схватив бурку, за прошедшим дождём, откуда догнать (догонишь)“. *Аны не умут этгенинъ кьайдан билгин...* „Откуда узнать (знать), что он задумал“. *Бу аман хапарны кьалай бла*

¹ Например, в киргизском языке форма на *-гьын* выражает настойчивое понуждение: *жазгьын!* «да напиши же!», *тургьун!* «да стой же!» При этом И. А. Батманов эти формы по значению соотносит с понудительным залогом.—И. А. Батманов, Грамматика киргизского языка, вып. 3. Фрунзе, 1940, § 45; форма на *-гьын* в казахском языке также усиливает обращения.—Н. Т. Сауранбаев, Указ, соч.

² В древности у караево-балкарцев язычников Апсаты — божество диких животных и охоты.

билдиргин. „Каким способом сообщить эту неприятную вещь“. Семантика подобной конструкции с риторическим вопросом выражает невозможность желательного действия или его сопряженность с большими трудностями, неудобствами. В составе этих конструкций обычно имеются вопросительные слова *къалай* „как“, *къайдан* „откуда“, *не* „что“ и др., усиливающие отмеченное значение оборотов с *-гъын || -гин*. Здесь форма 2 л. ед. ч. *--гъын || -гин* по своему значению соотносима с обобщенным лицом или с безличным оборотом: *Не этгин, къайыры баргъын, кимге айтхын*. „Что тут поделаешь (я, ты, он, всякий) || что тут поделать (всякому), куда пойти || пойдёшь, кому скажешь || сказать и т. д.

Основное значение формы на *-гъын || -гин*, как было отмечено выше, — добро- и зложелание.¹ Пожелание говорящего направлено к конкретному лицу, субъекту. Однако 2 л. так-таки не становится реальным субъектом, так как пожелание говорящего, представляемое им как действие, на самом деле не есть реальное действие, которое в конечном счёте остаётся нереализованным. Итак, форма на *-гъын || -гин* в карачаево-балкарском языке содержит только значение добро- и зложелания, в которых по существу нет реального действия и реального субъекта; личная форма глагола становится названием пожелания говорящего. Примеры:

Жугъутурну чынъылладан жюздюрюню!
... Ажаллынъ тюбесин аллыма,
Бермесин душман къанлыма,
Берир болсанъ, тыя келгин аллыма.
Сындыртхын ауур санларын,
Бюркдюре чыгъаргъын ёбге къанларын,
Уруб сындыртхын ауур санларын!

(МПА. Ансаты)

„Чтоб ты допустил тура в пропасть свалить!
 ... Чтоб обреченный твой попался мне навстречу,
 Пусть не достанется врагу моему,
 Если дашь, чтобы ты пригнал мне навстречу.
 Чтоб ты дал сломать тяжелые его члены,
 Чтоб ты дал ручьём бить его крови из лёгких,
 Чтоб ты допустил сломать его тяжёлые члены!“

¹ Ср. с соответствующими кумыкскими формами. Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 120.

В этой древней песне говорится о мольбе охотников, обращённой к божеству охоты Ансаты, от которого зависит удача на охоте. Параллельно с *-гъын* || *-гин* здесь употреблена повелительная форма *-сын* || *-син* с тем же значением пожелания.

Мисирбийни къатыны алай айтыб къаргъагъанды дейдиле:

Ары айлансанъ, акъ атынъ бла ал болгъун,

Бери айлансанъ, акъ атынъа кесинъ сал болгъун,

Къара чебгенинъи тьюмеси сайын окъ тийсин. (МПА).

„Мисирбия жена так прокляла, говорят:

„Когда тебе туда ехать, чтоб ты на своем белом коне первым был.

Когда тебе сюда ехать, чтоб тебя мёртвого вёз твой белый конь,

Чтоб по числу твоих пуговиц на чёрной черкеске пуля попало“.

Темиринъи тьюгъин сен, „Чтоб ты ковёл своё железо.
Назмуланы тизгин сен. „Чтоб ты слагал стихи.“

(К. Мечиев).

Как и повеление, пожелание адресуется 2-му лицу мн. ч. и 3-му лицу обоих чисел. Желательное наклонение не располагает специальными средствами выражения отдельно для желания и отдельно для пожелания в форме этих лиц. В этих целях используются формы повелительного наклонения на *-гъыз* || *-гиз*, *-сын(ла)* || *-син(ле)*.

Наряду с *-гъын* || *-гин*, 2 л. ед. ч. повелительного наклонения употребляется с повелительным значением, когда пожелание обращено к конкретному лицу. При таком употреблении 2 л. приобретает оттенок непосредственности: *Муратынъа джет, бет джарыкълы бол, къууанъ бла кел.* „Чтоб ты достиг своей цели, чтоб тебе сопутствовал успех (букв.: „чтоб ты был с светлым лицом“), чтобы ты с радостью (счастливо) возвратился“. Здесь возможна соответственно замена глагола *джет, бол, кел* формами *джетгин, болгъун, келгин*.

При зложелании употребляются или отрицательные формы доброжелания или лексические зложелания: *муратынъа джетме(гин)* „чтобы ты не достиг своей цели“; *джашауунъдан къууанма(гъын)* „чтоб ты не радовался своей жизни“; *манъа къазгъан урунъа кесинъ тьюш(гюн)* „чтоб ты попал в (свою) яму, которую копал для меня“; *къыйынлыкъ сына* „чтоб тебе испытать несчастье“.

2 л. мн. ч. употребляется, когда пожелание адресовано нескольким лицам, группе лиц: *кзууанч бла кзайырыггыз* „да вернуться вам счастливо“ || „чтоб вы вернулись счастливо“; *джашаулу болуггуз* „чтоб долго жить вам“; *мен кёрген кюнню кёрюгюз* „чтоб вам испытать то, что я испытал“; *ёсдюрген балаларыггыздан кзууаныггыз* „чтоб дети ваши доставили вам радости“.

Повелительная форма 3 л. ед. и мн. ч. на *-сын* || *-сынла* широко употребляется в значении пожелания. Говорящий, адресуя свое желание-действие 3-му лицу, обычно представляет конечный результат; но возможно пожелание и со значением процесса. Форма 3 лица более употребительна в художественной литературе. Примеры:

*Аналагга джангыз улан туумасын,
Тууса, туусун, аурумасын, ёлмесин.
Аны анасы аны ачыуун кёрмесин!* (МПА).

„У матерей пусть не родится один сын,
Если родится, пусть родится, (но) пусть не
болеет, не умирает,
Его мать да не испытывает его горя“.

Почти все застольные поздравления (*алггыш*) оформлены *-сын* || *сынла*:

*Кзууанчыбыз кюнде да былай болсун.
Бу кзууанчха келген насыбдан толсун,
Насыб халкьдан кетмесин.
Кзыйынлыкь анга жетмесин,
Келгенлени жашаулагы мамыр болсун,
Ажаллары сабыр болсун...
Насыблы ишге алчы болсунла.
Келген жаугга ачы болсунла.* (МПА, Алггыш)

„Радость наша всегда да будет такой.
Пусть исполнится счастья, кто пришёл на этот пир.
Пусть счастье не покидает народа,
Пусть несчастья он не истытает.
Жизнь пришедших сюда да будет мирной,
Их смерть пусть будет неторопливой..,
Доброму делу пусть будут главой,
Врагу идущему (к вам) пусть будут грозой“.

Формой 3 л. передаются зло-и доброжелания, проклятия, адресованные ко 2-му лицу. В этих случаях конкретным адресатом пожелания бывает принадлежащий ему предмет

или какая-нибудь принадлежность 2 лица¹: *Юйюнъ тартылсын, юйюнъе улу!* (Х. Аппаев). „Чтоб дом твой закрылся, вой на свой дом!“ (принятое по адресу воющей собаки проклятье; собачий вой—недобрая примета, предвестник чьей-либо смерти). *Темуркьаны аты ушхууур артында айтылсын.* (Там же). Пусть имя Темурки упоминается после ужина („пусть имя его упоминается недобрым словом“). *Бутунъ-кьолунъ тартынсын.* „Чтоб тебе руку-ногу парализовало“. *Кьызгьангьан малынъ бош кьалсын.* „Добро твое, которое тебе жаль, пусть так (без хозяина) останется“. *Худжу кьалсынла тереклеринъ.* „Чтоб без владельца остались твои деревья (в саду)“. *Кенъ джайылсынла бутакларынъ, терен орналсынла тамырларынъ.* „Да раскинутся широко ветви твои, да глубоко укрепятся корни твои“. *Башынъ кьыйынлыкъ кььмесин.* „Да не испытает твоя голова невзгод“. В этих примерах адресат (имя) выступает всегда в притяжательной форме.

По этому типу сложились приветственные трафареты с глаголом *болсун: кьб болсун!* „да приумножится (твой) ваш скот!“; *кече ашхы болсун!* „добрый вечер!“; „*иш кьолай болсун!*“ да будет удача в работе!“ (см. стр. 121).

Специальная аналитическая форма *-гъа(й) || -ге(й) эди* отличается от предыдущих форм на *-айым || -айыкъ* и *-гьын || -гин* как своей структурой, так и формой спряжения. Данная форма спрягается по всем лицам обоих чисел. Следует отметить, что эта форма, в отличие от первых, соотносима не только с настоящим-будущим временем, но и с прошедшим (см. выше, стр. 184).

Значение формы *-гъа(й) || -ге(й) эди* в основном сходно со значением формы на *-ай || -ей* и отчасти на *-гьын || -гин*. Оттенки желания говорящего могут выражать желание, пожелание, опасение, сомнение, раскаяние, совет, вывод, адресованные им себе или любому другому лицу. Примеры: *Семенну кьаллай адам болгьанын сен бир кьрге эдинг,*² *Апанасха аны бир джери ушамайды.* (Х. Аппаев). „Ты бы увидел, что за человек Семён, ничем он не походит на Афанасия“. *Номазлыкьда дууа тилеселе да эм алгьын:* „*Тууарчыкьла джазгъа чарпымай чыкьгъа эдиде,*—*деб аны тилейдиде.* (Там же). „Даже когда молятся на коврике (старики), в первую очередь просят (у бога): „Как бы благополучно перезимовала („вышла бы к весне“) скотинка.“

¹ Ср. А. А. Юлдашев, Система..., стр. 167.

² Здесь и далее дается укрепившееся в художественной литературе написание *-гъа || -ге эди* — вместо *-гъай || -гей эди*.

Аладан мен не кёрмегенме, аланы артлары болгъа эди. (Х. Аппаев) „Что я только не вытерпел от них, чтоб пропасть им всем“ („чтоб им был конец“). Аны ашагъан тамагъына эшек гуммос чыккыга эди. (Там же). „Чтоб в горле его, проглотившем её (овцу), появилась ослиная опухоль (шишка)“. Ол, эти ачыгъан адам, кызыб, башын да, элни да бир палахха кзоймагъа гди. (Х. Аппаев). „Тот, перенёсший боль (от побоев), вгорячах как бы не вверг в какую-нибудь неприятность свою голову и аул“. Джолгъа джыгъылыб къалмагъа эдинъ, ашырымь эдик? (Там же). „Как бы ты не свалился в пути, не проводить ли нам?“ Джаным чыккыга эди да, бусагъатда аны къалайда болгъанын билге эдим. (Х. Аппаев) „Да лишиться бы мне души своей, лишь бы только узнать, где сейчас находится он.“ Не этеме аны кёрюб, кёрмегеним таб ол болгъа эди. (Там же). „На что мне его видеть, хоть бы его всю жизнь не видеть“. Сени кибик акгыллы жаш ол ишни ызындак болмагъа эди ансы, мен ёлген окъуна этге эдим. (МЖ). „Пусть даже умер бы я, чем такой, как ты, умный парень взялся за такое дело“. В этом примере сожаление говорящего обращено непосредственно к 2-му лицу, но оно оформлено 3 л. ед. ч. болмагъа эди. Онъсуз жашчыккыны жылатмагъа эдинъ да, къарындашларынъ, бла эгечинъ къайда болгъанларын билге эдинъ. (МЖ). „Чем обижать сироту мальчика, лучше ты узнал бы, где находятся твои братья и сестра.“ Здесь желательная форма имеет значение повеления с оттенком совета: „... лучше ты узнай, где...“

С семантикой желанья, наряду с специальными, употребляются неспециальные формы в сочетании с эди-. Таковы модальные конструкции на-ар || -ыр эди-, -са || -се эди-.

В конструкциях на-ар || -ыр эди-обычно участвуют частицы, междометия, которые вносят экспрессивный оттенок, усиливают значение конструкции:

Ай, иги сагъан аузу толу ичиб ёлюред
Уллу Къарачайны буздан эсе сууукъ сууундан.
Ой, иги сагъан бир кёк кёгюрчюн болуред,
Къанатларын къагъыб мийик кёкге чыгъыб кетерге.

(МПА. К. Кочкаров. Дебош).

„Ах, умереть бы, набравши полный рот
Воды Большого Карачая, что студеннее льда,
Эх, обернуться бы в сизого голубя,

Чтоб взмахнуть крыльями и взвиться в высокое небо“. *Шо тенгизни бир кёрюр эди, аны ёмюрлюк джырын бир зшитир эди.* „Эх, хоть раз увидеть бы море, услышать бы его вечную песню“. *Иги сагъан, Апанасча семиз болуб, къагда бир ирк кесер эди.* (X. Аппаев). „Эх, заколоть бы осенью жирного, как Афанасий, барана.“ *Бусагъатда Тебердиге тюшюб бир къалыр эди.* „Попасть бы сейчас в Теберду“.

В этих примерах говорящий выражает свое желание. При этом *-ар || -ыр эди-* неизменно выступает в форме 3 л. ед. ч. Поэтому желание говорящего может быть выражено от имени не только первого лица (или первых лиц), но и любого другого. Всякое изменение формы лица или числа упраздняет модальный оттенок, и конструкция не имеет тогда всякого значения желания. Невозможна и вопросительная форма: *бир барырма эди?* „не сходить || съездить ли ему?“—прошедшее регулярное время изъявительного склонения (см. стр. 164).

С семантикой осторожно выраженного намерения, решения или долженствования употребляется другая модальная форма на *-са || -се эди-*. Формами лиц оформляется основа на *-са || -се*, реже—*эди-*. Значение желания имеет только 1 л. ед. и мн. ч. В кумыкском эта форма *-са || -се* + аф. лица + *эди-* является прошедшим временем.¹ В карачаево-балкарском языке эта форма не имеет конкретного временного значения:

<p><i>тюнене</i> <i>бюгюн</i> <i>бусагъат</i> <i>тамбла</i></p>	}	<p><i>барсам эди...</i> „если бы сходить мне</p>		<p>вчера сегодня сейчас завтра“</p>
---	---	--	--	---

А желательная модальность „*кете барсам эди*“ „итти бы мне“, наоборот, имеет значение будущего времени.

Н. К. Дмитриев форму на *-гъай эди-* относит к прошедшему времени,² которая в карачаево-балкарском аналогична с „*барсам эди*“, т. е. не выражает значения времени, точнее, имеет соотносительное время.

2 и 3 л. приобретают характер вежливого повеления, выражаемого говорящим в осторожной форме, в виде на-

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 168.

² Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 123.

мёка, но с претензией на неукоснительность исполнения: *Энди кете барсакъ эди*. „Теперь отправляться бы нам“ („пора уж...“); *Умаргъа бир тюбесень эди*. „Хорошо бы тебе встретить Умара“ („обязательно повстречай Умара, пожалуйста“).

Желание с оттенком сомнения, любопытства выражается производной формой причастия на -гъан+афф. дат. пад. -гъаннъа || -геннъе, т. е. вторичным деепричастием. В подобную конструкцию обычно входит частица „бир-: шо ары бир баргъаннъа „вот бы поехать туда“ (мне, тебе, нам и т. д.—желание соотносимо с любым лицом, хотя в основном подразумевается желание говорящего); *Хусейге бир соргъаннъа* „хорошо бы спросить Хусея“ („пожалуй, следует“).

Со значением желания употребляются и обороты типа: причастие на -ар || -ыр (реже—ня) в притяжательной форме *кеledi, -ргъа || -рге+суй-*. Первая конструкция представляет сочетание субстантивированного причастия или имени (именной компонент) с вспомогательным глаголом *кел-* в форме 3 л. ед. ч., т. е. сложносоставную основу, которая имеет оттенки значения неожиданности, непроизвольного желания; например: *тарыгъырым келеди* „мне хочется пожаловаться“; *сени хаман айтырынъ келиб турады* „тебя так и подмывает высказаться“; *аланы накъырда этерлери келеди* „им хочется пошутить“.

Имеется менее употребительная, но более полная форма на-ар-ыкъ || -ер-ик-, арыгъым || -еригим *кеledi* (варианты полной формы-ар || ыр+-лыкъ || -рыкъ || -ныкъ; см. стр. 84): *ары барырым || барлыгъым келеди* „мне хочется поехать туда“; *накъырда этери || этериги келеди* „ему хочется пошутить“. В ногайском языке соответственно употребляются формы на-гъы || -ги || -къы || -ки+афф. принадлежности и „кеledi“¹:

в ногайском:

мен къайткъым	} келеди
сен къайткъынъ	
ол къайткъысы	

в карачаево-балкарском:

<i>мени къайтырым къайтырыгъым</i>	} келеди
<i>сени къайтырынъ къайтырыгъынъ</i>	
<i>аны къайтыры къайтырыгъы</i>	

¹ М. К. Милых. Указ. соч., стр. 157.

Вторая конструкция—инфинитив на-ргъа || -рге+ глагол „суй- „любить“—выражает желание говорящего или констатацию им чужого желания: *Мен сизни ючюн шыыхлыкъ этерге тебрегенден сора, манъа не узатыргъыгъызны билирге сюеме.* (Х. Аппаев). „Раз уж я решился послужить вам шейхом (для вас), то желаю знать, чем вы меня отблагодарите“. *Кёлююзге Келгенни айтыргъа сюебиз*“, „Хотим высказать свое мнение“. *Окъургъа барыргъа хазырлантыргъа сюедиле.* „Хотят готовиться поехать учиться“.

В этих конструкциях, особенно в последней, значение желания вытекает не из структуры, не из грамматической формы, а из семантики самой основы, т. е. желание „из желания“ -арым || -ерим келеди, сюеме— „хочу“, „хочется“, „желаю“. Поэтому обзор подобных конструкций в системе желательного наклонения, как не имеющих прямого отношения к данному разделу, может быть отчасти оправдан в целях стилистической или лексической их особенности.

В заключение следует отметить, что желательное наклонение в карачаево-балкарском языке представляет особую семантико-грамматическую систему, располагающую специальными, отличными от других наклонений грамматическими формами, спецификой словоизменения и синтаксическими связями. Вместе с тем желательное наклонение не изолировано и находится в тесной связи со всей системой категории наклонения, что подтверждается использованием в нём средств и форм других наклонений и близость семантики с ними.

Условное наклонение

Условное наклонение обозначает возможные действия, взаимно обусловленные реальными или нереальными предпосылками.

В карачаево-балкарском языке по своей структуре формы условного наклонения представлены двумя типами:

- 1) простая форма—основа+показатели наклонения-са || -се+краткие аффиксы лица;
- 2) аналитические формы: а) основа времени (в форме причастия или деепричастия)+э-се- в спрягаемой форме; б) конструкции с эсе+эди-.

Аналитические формы представлены и другими сочетаниями с эди-, в первую очередь сочетаниями -ар+ -ыр эди, -лыкъ | -рыкъ+ -ныкъ эди- (условная модальность).

1. Простая форма спрягается по схеме:

ед. ч.

мн. ч.

1 л. <i>ал-са-м</i> „если возьму“	<i>ал-са-къ</i> „если возьмем“
<i>ур-са-м</i> „ударю“	<i>ур-са-къ</i> „ударим“
<i>бжет-се-м</i> „догоню“	<i>джет-се-к</i> „догоним“
<i>бюк-се-м</i> „согну“	<i>бюк-се-к</i> „согнем“
2 л. <i>ал-са-нъ</i> „возьмёшь“	<i>ал-са-гъыз</i> „возьмёте“
<i>ур-са-нъ</i> „ударишь“	<i>ур-са-гъыз</i> „ударите“
<i>джет-се-нъ</i> „догонишь“	<i>джет-се-гиз</i> „догоните“
<i>бюк-се-нъ</i> „согнёшь“	<i>бюк-се-гиз</i> „согнёте“
3 л. <i>ал-са</i> „если возьмёт“	<i>ал-са-ла</i> „если возьмут“
<i>ур-са</i> „ударит“	<i>ур-са-ла</i> „ударят“
<i>джет-се</i> „догонит“	<i>джет-се-ле</i> „догонят“
<i>бюк-се</i> „согнёт“	<i>бюкселе</i> „согнут“

Из фонетических особенностей следует отметить два случая ассимиляции на стыке основы и *-са†-се*: а) в основах на „з“ наблюдается полная регрессивная ассимиляция перед *-са || -се*; *джаз-са > джасса* „если он || она напишет“; *къаз-са > къасса* „если выроет“; *юз-се > юссе* „если оторвёт“; *тёз-се > тёссе* „если выдержит“; б) в основах на „ч“ — диссимиляция перед *-са || -се*, т. е. ч : ш: *къач-сакъ > къашсакъ* „если убежим“; *уч-сакъ > ушсакъ* „если улетим“ *кёч-сенъ > кёшсенъ* „если переедешь“.

Формы отрицания, возможности-невозможности образуются по обычной модели: *алмаса* „если не возьмёт“; *этме-сек* „если не сделаем“: *джеталсанъ* „если сможешь догнать“; *сана-ял-ма-са-гъыз* „если не сможете сосчитать“. Вопросительная частица имеет особый модальный оттенок неожиданности, предупреждения, угрозы, который усиливает значение условной формы: *бар-санъ-мы?* „если ты пойдешь?“ („ведь известно, что тебя ждёт тогда ...“); *джетал-ма-сам-мы?* если (вдруг) не смогу догнать (говоришь, думаешь...)? „Логическое ударение в русском переводе делается на глагольной форме — „пойдешь?“.

В сложносоставных основах спрягается служебный (последний) компонент по типу простых основ, если компоненты глагольные: *джаза тебресем* (*тебресенъ*, *тебресе*, *тебресек* и т. д.) „если начну (начнёшь, начнёт, начнём...) писать“.

В подобных основах формы отрицания, возможности — невозможности употребляются факультативно, в зависимости от стилистических целей: *джаза тебресек* „если не начнём писать“; *джазмай тебресек* „если не начнём

писать“: *джазмай тебресек* „если (вдруг) перестанем писать“ (букв.: „если начнём не писать“); *джаза теб-ре-ял-сакъ* „если сможем начать писать“; *джа-зал-а тебресек* „если начнём мочь писать“ (редко употребляется). Возможно употребление вопросительной формы с вышеуказанными оттенками значения: *джаза тебресекми?* „если начнём писать?“; *джазаны тебресек:*“ — с логическим ударением на *джазаны*.

В сложносоставных основах с именным компонентом служебный глагол спрягается по типу простых основ на *-са* || *-се* или имеет форму 3 л. ед. ч. *разы болсам* (*болсанъ, болса, болсакъ...*) „если я соглашусь“, „если согласишься“, „если он согласится“, „если мы согласимся“.

Формы отрицания, возможности-невозможности сочетаются с служебным компонентом; вопросительная форма употребляется факультативно (чаще в составе служебного компонента).

Аналитические формы условного наклонения в карачаево-балкарском языке отличаются своим многообразием и сложностью структуры, спецификой словоизменения. В системе условного наклонения используются все временные формы изъявительного наклонения, осложняясь „оттенками, свойственными формам условного наклонения“.¹

Аналитические формы представляют сочетание временных основ на: *-гъан, -ды, -а* || *-е* || *-й, -ычу* || *-ычан, -ыб* || *-б, -ар* || *-ыр, -лыкъ* || *-рыкъ, -ныкъ* с *эсе-*. Эти сочетания с *эсе-* осложняются еще и *эди-*: *баргъан эди эсе* или: *баргъан эсе эди*. *Эди* сочетается непосредственно и с основами на *-са* || *-се*. В конструкциях с *эсе-*, за исключением формы на *-ды*, спрягается обычно *эсе-*, в конструкциях с *эди-эсе-* спрягается один из этих глаголов (чаще предпоследний), но возможно спряжение и обоих. Например, спряжение конструкций с одним изменяемым компонентом:

1. <i>алгъан эсем</i> (<i>эсенъ, эсе</i>)	«если я (ты, он) взял брал...»
2. <i>ала эсем</i> (<i>эсенъ, эсе</i>)	« ->- я беру, ты берешь...»
3. <i>алычу</i> <i>алычан эсем</i>
(<i>эсенъ, эсе</i>)	« ->- (обычно) я беру, ты берешь...»
4. <i>алыб эсем</i> (<i>эсенъ, эсе</i>)	« ->- я (ты, он) уже взял...»
5. <i>алыр эсем</i> (<i>эсенъ, эсе</i>)	« ->- я возьму, ты возьмешь...»
6. <i>аллыкъ эсем</i> (<i>эсенъ, эсе</i>)	« ->- я возьму (непрерменно)...»

Во мн. ч. — *баргъан эсек, баргъан эсегиз, баргъан эселе*.

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, § 292.

В перевод все оттенки значений, разумеется, не вошли (более подробно см. соответствующие разделы данной работы).

Форма на *-ды эсе-* спрягается двояко: а) спрягается в сочетании только форма *-ды, эсе-* не изменяется; б) факультативно спрягаются оба компонента:

а) <i>алдым</i>		б) <i>алдым эсем</i> «если я взял»
<i>алдынъ</i>	} <i>эсе</i>	<i>алдынъ эсенъ</i> «если ты взял»
<i>алды</i>		<i>алды эсе</i> «если он взял»
<i>алдыкъ</i>		<i>алдыкъ эсек</i> «если мы взяли»
<i>алдыгъыз</i>		<i>алдыгъыз эсегиз</i> «если вы взяли»
<i>алдыла</i>		<i>алдыла эселе</i> «если они взяли».

Формы отрицания, возможности-невозможности включаются в состав временной основы: *ал-ма-гъан эселе* «если они не взяли || брали»; *ал-май эсек* «если мы не берем»; *ал-ма-учу(-чан) эсегиз* «если вы (обычно) не берете». От «*аллыкъ*» отрицательная форма, как обычно, образуется с помощью именного отрицания *тюл туююл*: *аллыкъ туююл эсем* «если я не должен брать || взять». Отрицательная форма от «*алыб*» (совпадающая с «*ала*»-*алмай*) и «*алыр*» (*ал-маз*) почти не употребительны; редко употребительны и конструкции *-ыб || -ыб эсе-* и *-ар || -ыр эсе*.

Форма возможности: *ал-ал-гъан эсе* «если он сумел || смог взять»; *ал-ал-ды эсе* «если он смог взять»; *ал-ал-уичу(-чан) эсегиз* «если вы (обычно) можете брать»; форма невозможности (отрицательная форма возможности): *ал-ал-ма-ды-гъыз эсе* «если вы не смогли взять»; *ал-ал-май эсек* «если мы не можем брать».

Вопросительная форма обычно присоединяется к *эсе* и придает сочетанию, указанному на стр. 201, оттенки значения: *алгъан эсенъми?* «если ты взял?»; *ала эсемми?* «если я беру?»; *алдыкъ эсеми?* «если мы взяли?»; *аллыкъ тюл эселеми?* «если они не возьмут?» («не должны брать?»).

Из фонетических особенностей следует отметить 3 случая: а) выпадение узкого гласного *-ды* перед *эсе* (апокопа): *алды эсе алдыесе* (это явление отмечено В. Прёле, М. Рясененом¹); б) появление *й* на стыке гласных в «*ала эсе*» *алайесе*; иногда такое же явление наблюдается в «*алды эсе*» — *алдыйесе* (эпентеза, вставка), хотя чаще встречается «*алдесе*»; в) чередование *къ : гъ, к : г* в основах на *-лыкъ || -лик* в интервокальной позиции перед *эсе-*: *аллыкъ эсек аллыгъесе, кетеригесек*.

¹ В. Преле, Указ, соч. 15, стр. 174; М. Рясенен. Материалы..., стр. 52

В аналитических конструкциях с *эсе* + *эди* более употребительной, следовательно, и более приемлемой моделью спряжения считается порядок компонентов: временная основа — *эди* — *эсе*:

1. <i>алгъан</i>	} <i>эди.м</i> <i>эсе</i>	«если я (тогда) брал взял».
2. <i>алды</i>		«если я (тогда) взял (уже)».
3. <i>ала</i>		«если я (тогда) брал (часто)».
4. <i>алыучу(-чан)</i>		«если я (тогда) брал (регулярно)»
5. <i>алыб</i>		«если я (тогда) взявшим был»
6. <i>алыр</i>		«если я (тогда) мог взять»
7. <i>аллыкъ</i>		«если я (тогда) должен был взять».

(В примерах даны только формы 1 л. ед. ч.).

Факультативно встречается еще несколько вариантов спряжения этой конструкции, из которых наиболее употребительны 2:

1. Когда спрягаются *эди-* и *эсе-*:

ед. ч.

мн. ч.

} <i>алгъан</i>	<i>эдим эсем</i>	} <i>алгъан</i>	<i>эдик эсек</i>
	<i>эдинъ эсенъ</i>		<i>эдигиз эсегиз</i>
	<i>эди эсе</i>		<i>эдиле эселе;</i>

2. Когда спрягается форма *эсе-* ставится впереди *эди-*

} <i>алгъан</i>	<i>эсим</i>	} <i>эди</i>
	<i>эсинъ</i>	
	<i>эсе</i>	
	<i>эсек</i>	
	<i>эсегиз</i>	
	<i>эселе</i>	

В конструкции *-ды*+*эди*+*эсе* в основном спрягается форма на *-ды*: *бардым* (*барды*, *бардыкъ...*) *эди эсе*, хотя в языке факультативно встречаются формы спряжения одного или обоих служебных компонентов: *бардым эдим эсе*, *бардым эдим эсем*, *бардым эди эсем*.

В конструкции *-са*||*-се* *эди* обычно спрягается первый компонент, хотя в языке встречаются случаи изменения *эди*: *алсам эди* и (реже) *алса эдим* (*эдинъ*, *эди...*)

Формы отрицания, возможности-невозможности никогда не присоединяются к *эди-* и *эсе-*. Вопросительная форма обычно ставится в конце сочетания, присоединяясь к замыкающему компоненту или, в стилистических целях, — к одному из предшествующих с логическим акцентом: *бармадым эди эсе* «если я не сходил»; *бар-алды эди эсе* «если он смог (тогда) сходить»; *ал-ма-сакъ эди* «если бы мы тогда не взяли || брали»; *ал-ал-ма-са-гъыз эди* «если бы вы (тогда) не

смогли брать «взять»; *барал-ма-дыкъ эди эсе* «раз мы не сумели поехать»; *бардым эди эсеми?* «если я уже ходил?»; *алсаммы эди?* «если бы взяли мне тогда?»; *алсанъ эдими?* «если бы я тогда взял?»

В аналитические конструкции условного наклонения могут входить и сложносоставные основы с глагольными и именными компонентами.

Словоизменение в этих конструкциях подчиняется общим правилам, свойственным обоим структурным типам: *сыныб кетерик эди эсе* «если оно должно было сломаться»; *джаза тургъан эди эсе* «если он (регулярно) записывал «переписывался»; *кьолубуздан келаллыкъ тюл эди эсе* «раз (уже) мы не смогли бы (тогда)»; *сагъыш эте турсакъ эди* «если бы мы подумали».

Аналитические формы условного наклонения, таким образом, состоят из двух грамматически оформленных центров:

1) центр временных форм, включающий все временные основы изъявительного наклонения, т. е. формы на *-гъан, -ды, -а || -е || -й, -ыб || -б, -ычу || -ычан, -ар || -ыр, -лыкъ || -рыкъ || -ныкъ*, осложняемые *эди*;

2) центр условных форм — *эсе*. Временные формы отражают свойственные им временные значения; *эсе* придает всему сочетанию значение, свойственное условному наклонению.

* * *

Формы условного наклонения в тюркских языках давно привлекали ученых, которые рассматривали их в различных аспектах. В тюркологической литературе освещаются вопросы, связанные с:

- а) происхождением условной формы¹,
- б) функцией и значением условной формы²,
- в) соотношением обусловленных глагольных форм в условном периоде,
- г) временем условной формы и др.

¹ Н. А. Баскаков. К вопросу о происхождении условной формы на *-са || -се* в тюркских языках. Сб. акад. В. А. Гордлевскому; Его же. Каракалпакский язык, II, стр. 455; П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке; В. Банг. Указ, соч; К. Брокельман. Указ, соч.; Г. И. Рамstedт. Введ., § 90.

² В. А. Гордлевский. Грамматика турецкого языка, стр. 110—112; П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизск. яз.; Н. К. Дмитриев. Грам. кум. языка, Грам. башк. яз.; И. А. Батманов. Грам. кирг. языка, ч. III; А. А. Юлдашев. Система... и др.

Условная форма на *-са* || *-се* восходит к более полной форме причастия будущего времени, образованного, в свою очередь, от имени действия на *-ыгъ* || *-иг* + формант *-са* || *-се*, т. е. по схеме: *бар-ыгъ-са-р*, где выпали форманты *-ыг* и *-р* *бар-(ыгъ)-са(р)* > *барса*.

Употребление условной формы на *-са* || *-се* и *эсе* тесно связано с контекстом, с синтаксисом. Условная форма предполагает наличие в данном предложении другого глагола,² обусловленность двух действий, необходимость теснейшей связи между этими действиями. Глагол в условной форме не представляет семантически самостоятельной единицы, как, например, глаголы в форме других наклонений. *Джаз* «пиши» (повелит. наклонение), *джаздыкъ* «написали» (изъявительн. накл.), *джазайым* «напишу-ка» (желат. накл.) не требуют контекста, пределами одного слова выражают мысль, которой можно ограничиться, сделав завершительную паузу (на письме — соответствующие знаки препинания конца предложения). Условная форма *джазса* «если напишет» внешне имеет все данные на самостоятельность, на завершенность: выражает действие, соотношенное с определенным субъектом (3 л. ед. ч.), т. е. как бы составляет предложение, грамматически оформленное субъектом и предикатом. Однако «*джазса*» не завершено ни интонационно, ни в плане логическом. *Джаз*, *джазды* и т. д. выражают реальные действия, тогда как *джазса* — предполагаемое действие, обуславливающее другое возможное действие. Интонационная и логическая незавершенность *джазса* вытекает из отсутствия другого обусловленного действия, т. е. в конечном счете условие и следствие в отдельности не проявляются, а их наличие представляет синтаксический контекст, условный период.

Здесь следует уточнить временное значение условной формы на *-са* || *-се* в карачаево-балкарском языке. Форму на *-са* || *-се* многие ученые трактуют как основу настояще-будущего времени.³

¹ Н. А. Баскаков. К вопросу о происхождении условной формы на *-са* || *-се* в тюркских языках. — Сб. В. А. Гордлевскому. М., 1953, стр. 53; Каракалпакский язык, II, М., стр. 455.

² А. А. Юлдашев. Система..., стр. 175.

³ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 124; Н. А. Баскаков. ИСГТЯ, ч. II, М., 1956, стр. 298; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 238; П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка. СПб, 1894, стр. 53; М. К. Милых. Указ. соч., стр. 168 и др.

Такое временное значение условной формы на *-са* || *-се* соответствует семантике и карачаево-балкарской формы на *-са* || *-се*: «алса» вне контекста или состава условного периода означает «если возьмет» — в будущем, по крайней мере, после момента высказывания. Однако наряду со значением будущего, в «алса» заключено и значение прошедшего — «если взял». О плоскости настоящего времени невозможно говорить, т. к. в пределах одной основы (лексема, слова) заключено обусловленное действие, т. е. условие и действие; действие не может протекать без устранения условной предпосылки, а в момент высказывания (в наст. вр.) оно представлено совместно с предпосылкой, «с оговорками» в самой форме на *-са* || *-се*, которые не устранены. При этом нет особого временного показателя ни в составе основы «алса», ни в основе *эди*-. Поэтому форма на *-са* || *-се* обозначает констатацию нереализованного по причине обусловленного действия в прошлом или предполагаемого в будущем, но отнюдь не в настоящем.

Следовательно, только в контексте выясняется время формы на *-са* || *-се*; при этом она соотносима с любым временем, кроме конкретного настоящего, например:

<p><i>тюнене</i> <i>бусагъатда</i> <i>бюгюн</i> <i>тамбла</i></p>	}	<p><i>барса</i> <</p>	<p>«если бы он пошел вчера» «если он пойдет сейчас (сегодня, завтра)»</p>
---	---	--------------------------	---

ПРИМЕЧАНИЕ: Наречия «бюгюн» «сегодня», «бусагъатда» «сейчас» и другие указательно-временные слова (<бу «этот» + кюн «день» = бюгюн «сегодня») обозначают время, включающее период настоящего времени с моментом речи, а также недавнее прошлое и ближайшее будущее, т. е. временный отрезок, который содержит элементы прошедшего, настоящего и будущего, расположенные концентрически. Поэтому «барса» относительно при этих и подобных временных словах как с периодом до высказывания, так и периодом после того, т. е. «бусагъатда барса» включает: а) «если бы он пошел сейчас», б) «если он пойдет сейчас».

Такое «вневременное» представление¹ о форме «барса» вызывается, когда оно вне контекста, вне условного периода.

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, §§ 494, 1061.

В составе условного периода условие—обусловленное действии (следствие), соотношение времён и наклонений несколько иное.

Условная форма на *-са* || *-се* соотносится с основным глаголом в главном предложении в форме времён изъявительного наклонения, с глаголами в форме повелительного наклонения, долженствовательной модальности; нет сочетания условие на *-са* || *-се*—следствие в условной форме (т. е. „условие“ + „условие“ = условный период).

Условная форма на *-са* = *-се* сочетается и с *эди*-. Это сочетание чаще встречается в составе условно-сослагательного наклонения, где следствие выражается формами *-ар* || *-ыр эди*- или *-лыкъ эди*-; напр.: *Атанъ сау болса эди, ала санъа ол артыкълыкъны этмез эдиле.* (МЖ). „Если бы был (будь) отец твой жив, они не позволили бы подобную несправедливость по отношению к тебе“. Подобная конструкция имеет значение прошедшего или будущего времени, что уточняется контекстом, смыслом конструкции, напр.: *Джайы салкын болса эди, кёгерлик эдиле бу сыртла.* „Если бы лето было прохладное, то зазеленели бы эти сырты“ (в прошлом или, как предполагаемое обусловленное действие,—в будущем).

Чёткое временное соотношение в условном периоде *-са* || *-се*—обусловленное действие-следствие проявляется, когда основной глагол выражен в форме будущего времени или другие формы времени употреблены в значении будущего. То же самое следует сказать и относительно соотношения *-са* || *-се* с основным глаголом с дуративным значением и наклонений с семантикой будущего времени (повелительного, желательного, отчасти долженствовательной модальности). Сочетания *-са* || *-се*—формы прошедшего времени менее употребительны. Например: *Биягъы сен бир болушмасанъ болмады, Къыямыт!* (Х. Аппаев). „Если ты опять не поможешь, то ничего не получится, Къыямыт!“ *Атынъы табсам не бересе?* (МЖ). „Если я найду твою лошадь, то что мне дашь за это?“ *Жау ёчюлтсе отубузну. Тиргизгенбиз жанъыдан.* (К. Кулиев). „Если враг тушил наш очаг. Разжигали снова мы его“... *Бёрюню неда аман адамны атын зшитсенъ, отха салам ат* (народное поверье). „Если услышишь имя волка или недоброго человека, кинь в огонь солому“. *Сабий джылауукъ болса, бешигине бёрю джаякъ тагъаргъа керекди* (народное поверье). „Если ребёнок плаксивый, то на люльку нужно повесить волчью челюсть“. *Ала адам бла тутушсала, не сюек сын-*

дырмай, неда ёлтюрмей кьоймаучу эдиле. (МЖ). „Когда они с кем-либо боролись, то (обычно) ломали либо кости, либо убивали самого борца“. *Ёлсек бирден ёлдюк, кьалсакь бирден кьалдыкь* (поговорка). „Умрём—то все вместе, останемся, то тоже вместе“. Здесь форма на *-ды* в „ёл-дю-к“, „кьал-ды-кь“ употреблена в значении будущего.

Временные соотношения в условном периоде представлены более полно и разнообразнее в сочетаниях с *эсе-*. В этом случае само условие-действие приобретает временной план, способный выразить временное значение самостоятельно, независимо от временного значения основного глагола в главном предложении, т. к. в *-гьан эсе, -гьан эди эсе, -ды эсе-, -а || -е || -й эсе, -ыучу эсе-, -ар || -ыр эсе-, -лыкь эсе-гьан, -ды, -а || -е || -й, -ыучу, -ар || -ыр, -лыкь* и др. являются основами временных форм, *эсе-* же придаёт конструкции только характер условия.

Однако соотношение времён в условии и следствии обусловлено общим значением условного периода, отражающим характер как условия, так и следствия.

Обусловленное действие в форме одной из временных основ изъявительного наклонения (в форме причастия или первичного деепричастия) *+эсе* в спрягаемой форме составляет условный, синтаксически обусловленный компонент условного периода, т. е. условное придаточное предложение; следствие, т. е. главный компонент условного периода—главное предложение, выражается глаголами изъявительного, повелительного, желательного наклонений или долженствовательной модальностью. Соответственно оно может быть выражено и именным предикатом. Крайне редко встречаются в языке сочетания типа временная основа *+эсе -гьан эди* или *-ыучу || -ыучан*.

Самостоятельное временное значение условного компонента в периоде ограничивает его сочетаемость с временными формами основного компонента. Чёткое время следствия предполагает предварительное исполнение условия. Время условия должно предшествовать времени следствия. В результате нечёткости хронологических границ времени глагола возможна одновременность условия и следствия. Поэтому если, напр., условие выражено будущим временем, то следствие не может выступать в форме прошедшего времени: „*Джауарыкь эсе, суу кёпюрню алгьанды*“—„Если (непременно) пойдёт дождь, то рекой унесло мост“—невозможно. Следовательно, возможны временные соотношения между условием и следствием типа:

Огъары джауун	джаугъан	эсе, суу уллу	болгъанды
	джауду		болду
	джауа		болады
	джауа тура		бола турады
	джаууб тура		болуб турады
			болур
			боллукъду

„Если вверху (в горах) идёт
дождь, то река

разлилась	}	разливается
(возможно) разольётся		
(непреренно) разольётся“		

или: „Если вверху пошёл
дождь, то река

разлилась	}	разливается
(возможно) разольётся		
(непреренно) разольётся“		

Условие с будущим или постоянным временным значением соотносимо с подобным же временным значением следствия, т. е.:

Огъары джауун	джаууучу	эсе, суу уллу	болур
	джауар		боллукъду
	джауарыкъ		болуучуду

„Если вверху (в горах)	(обычно) идёт пойдет (непреренно) пойдёт	дождь, то река	(возможно) разли-
			вается
			(непреренно) раз-
			ольётся
			(обычно) разли-
			вается“

Сочетание условия с обычным или будущим временным значением с следствием со значением настоящего или прошедшего времени употребляется для выражения вывода, умозаключения, решения, предположения, долженствования в следствии: *Бёрю, Аслан санъа къонакъгъа келлик эсе, юйюнь къуругъанды.* (Из сказок) „Волк, если Лев решил (непреренно) пожаловать к тебе в гости, то ты пропал“ (букв. „то пропал твой дом“). Быллай *ишлеге къатышыучу эсе, сора Алийден да муну хапары болгъанды.* (МЖ). „Если (обычно) он принимает участие в такого рода делах, то у этого были сведения об Али“.

Указанные конструкции могут осложняться *эди*-. Свободно сочетаясь с условным компонентом с *эсе*, *эди* менее употребительно в следствии. Дело в том, что *эди*-, сочетаясь с любой формой времени, переносит её обычно в плоскость прошедшего времени, а форма прошедшего на *-гъан* благодаря *эди*- представляет наиболее удаленную в глубь прошлого точку. Хронологически, при наличии *эди*- в обоих компонентах условного периода, не уточняется, время какого компонента предшествует другому. Если по смыслу всей конструкции выясняется, что время условия предшествует времени следствия, то *эди*- включается в структуру следственного компонента. При обратном соотношении времён употребление *эди*- или невозможно, или обусловлено стилистическими целями (сравнения, противопоставления, перечисления и т. д.) текста, или когда временное значение *эди*- в составе следствия ослаблено в связи с дополнительной модальной нагрузкой.

Соотношение времён в условном периоде с простыми и описательными формами, „восполняющими недостающие времена и временные оттенки условного наклонения“,¹ тесно связано с характером обусловленного следствия. В этом плане в условном периоде различаются обычно 3 случая: 1) реальный случай, когда условие представляет реальную предпосылку к осуществлению действия, содержащегося в следствии; например: *Мешинагга кечиксенъ, сора кеталмай къаллыкъса*. „Если опоздаешь на машину, то тогда не сможешь уехать“; 2) случай возможности (предположительный случай) — условие хотя и реально, „но осложнено оттенками предположительности, возможности, желательности или невозможности, нежелательности осуществления действия“²; напр: *...Джашчыкъны джети-сегиз джылы толса, | ...Ол да суугъа келиб, хансланы кёрсе, — Джыяма деб джаргамлагъа илинсе, — Абыныб-сюрюнюб Къобангъа кетсе, | Мен не этерме?* (Д. Байкулов) „...А сыночку если (допустим) исполнится лет с семь-восем, — И если он у воды увидит цветы, | Если, задумав их соб-

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, § 292.

² В. А. Гордлевский, Грамматика турецкого языка. М., 1928, стр. 110—112. А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, §§ 545—548; Н. З. Гаджиева. Типология придаточных предложений в современном азербайджанском языке. — ИСГТЯ, ч. III. Синтаксис, М., 1961. стр. 211—219 и др.

³ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, § 548.

рать, взберется на кручу, | И если спотыкнется и упадет в Кубань, | То что я буду делать?";

3) случай невозможный (нереальный)—условие исключает предпосылку к осуществлению действия в следствии, напр.: *Кърау урмаса мени къундуз чачыма, тагъылмаса джюк мени илячин саныма, учар эдим мен тенъизни джагъасына, ёрлер эдим Минъи-Тауну кюмюш башына.* (фольк.) „Если бы не посеребрились мои черные волосы, не привязался бы груз (старости) на мои соколиные члены, полетел бы я на берег моря, взобрался бы на серебряную вершину Эльбруса.“

Условная форма в составе условного периода, кроме условия, имеет ряд значений, связанных с общим значением периода, с наличными в нем относительными союзными и обстоятельственными словами. Условная форма, выступая в различных обстоятельственных значениях (места, времени, сравнения, образа действия и др.), не теряет своей условной функции; основное значение—условие осложняется значением обусловленного места, времени, сравнения, образа действия и т. д.: *Джел къайдан урса, джанъур андан келиученди.* (Пословица). „(Если) откуда ветер дует, оттуда (обычно) и дождь идет“.

Известный условно-временной синкретизм в семантике условной формы часто затрудняет разграничение условного значения от временного. Иногда и контекст не помогает четкому разграничению этих значений. Подобная „слитность“ значения условия и времени в основном связана с простой условной формой на *-са* || *-се*: *Тубесек, сёлеширбиз.* „Если || когда встретимся, то (тогда) поговорим.“

*Къабыргъанъа кюнню алтын таягъы тийсе,
Джанкъылышча джылтырарса, джанарса,
Тулпар иенъи деу къолу сени силксе,
Алтын кюренли от тогъайла сызарса.*

(ДжДж. М. Урусов. Къурч къыльчым)

„Когда || если засветит бок твой солнца золотой луч,
Как радуга, засверкаешь, загорисься,
Когда || если взмахнет тебя могучая рука хозяина-богатыря,
В золотом сверкании ты очертишь огненные круги.“

Хан жалан да аслан эт ашаб, ызындан аслан сют исе, сау боллукъду. (МЖ). „Если хан съест львиное мясо, затем выпьет львиное молоко, то (только тогда) выздоровеет“.

Значение обусловленного сравнения, сопоставления, противительных отношений:

Кесим джаяу джюрюгенден эсе, ат белинде барсам сюеме. (Х. Аппаев) „Чем мне итти пешком, уважаю, если я еду верхом на лошади“. *Егюз берсенъ, ат алырса, беш берсенъ, алты алырса, кыызгъансанъ'а, кюру къалырса.* (Посл.) „Дашь быка—коня получишь, отдашь пять—получишь шесть, а пожелаешь—ни с чем останешься“.

Значение обусловленного образа действия, причины, цели: *Акъырын-акъырын ашыкъмай бара-барсанъ, узакъда эки тау кёрюннюкдю.* (М Ж). „Если ты медленно-медленно, не торопясь будешь продвигаться, то вдали покажется две горы“. *Темуркъа ююрю бла туз ашагъан эсе, суу ичеди* (Х. Аппаев). „Если Темурка с семьей заварил кашу, то сам и расхлебывает“ (букв.: „Если поел соли, то теперь пьет воду“.) *Сен „шыйыхха“ къараргъа сюе эсенъ, бу юсюнъ бла барыргъа джарарыкъ тюлдю.* (Там же). „Если ты хочешь посмотреть на шейха, то в таком наряде тебе нельзя идти“.

Значение обусловленного вывода, решения, умозаключения, совета: *Сен джыгырам болмасанъ, айтырыкъ да тюл эдим, алай болса да санъа айтмасам, ауур джюк басханча болуб турлукъма.* (Х. Аппаев). „Не будь ты мне загадочным другом, и не сказал бы, но если тебе не выскажу, то буду чувствовать, будто давит тяжелый груз“. *Бу тар ёзенни быллагъа кююб, башыбызны алыб къачмай эсек,... кырылыб къалабыз.* (Там же). „Если не оставим это тесное ущелье им, не сбежим, спасая свою голову, ...погибнем“. *Марджама бери бир кирмесем.* (М Ж). „Не я буду, если не найду сюда“.

Значения обусловленного желания, намерения, предположения, долженствования:

*Къонакъла уа ол ёгюзню марайла,
Аны бир кесалсакъ деб термилиб.* (Д. Байкулов).

„А гости высматривают того быка,
Мечтая, как бы зарезать его“.

*Биз'а къартла болуб тюгениб кълсакъ,
Суугъа да келалмай кълалыр кибик,
Жашчыкъны' уа кесибибизге алсакъ.* (Там же).

„А мы если постареем, станем дряхлыми,
Такими, что даже по воду не сможем ходить,
А мальчишку если к себе возьмём.“

Бююн ары джетмесенъ, амалынъ джюкъду. „Невозможно, если тебе не поехать сегодня туда.“

Значение обусловленного предупреждения, угрозы:.. *бусыгъатдан сынджырны бере эсенъ бер, бермей эсенъ, былай-*

дан ары атлатмагъанлай къаблайма. (Х. Аппаев). „Отдай сейчас же цепочку, если отдашь, если не отдашь (добром), то и шага не сделаешь, как уложу“. *Санъа джукъ сорулгъан заманда тил тутмасанъ, экинчи манъа тюбесенъ, эшитмедим деме.* (Там же). „Когда спросят обо мне, если не сделаешься немым, потом встретишься со мной, то не говори, что ты не слышал“.

В карачаево-балкарском языке широко распространено употребление повторных основ, из которых первая выступает в форме условного наклонения, вторая — в форме других наклонений. Такие конструкции выражают безразличие говорящего в оценке факта действия или допущение осуществления действия, выраженного второй основой, или содержат оттенки желанья, уступки и т. д. Примеры: *Чыгъара эсенъ чыгъар бери!* „Выводить — так выводи скорее!“ *Барса барыр, къалса къалыр.* „Если пойдет, то пойдет, если останется, так останется“. *Джибисе джибисин.* „Мокнет, так пусть себе мокнет“. *Сынса сынсын кюзгючюк, энгда алырбыз джанъычыкъ.* „Что же что сломалось зеркальце, еще купим новенькое“. *Келлик эсе бир келгей эди!* „Уж если он должен приехать, то пусть приедет!“

Подобные конструкции часто выражают значение сравнения, противопоставления; напр.: *Келген эсе баргъанма, ол болушхан эсе, мен да болушханма.* „Приходил он — и я ходил к нему, помогал он (мне) — я тоже помогал (ему)“.

Условный период часто выражает следствие, как неожиданный результат, не обусловленный предпосылкой. Действия в придаточном и главном предложениях выступают как самостоятельные, без условно-следственной связи. Отсутствие подобной связи подчеркивается и тем, что действие в главном предложении выступает как результат предшествовавшего условию действия: *Кёзлерин ачыб къараса, элине жууукъ жетиб тура эди.* (МЖ). „Когда же открыл он глаза, то оказалось, что он у своего аула“. *...деб терезеден къарасам, тутмакъла къораб, джасауай да ичине тёнъереб тура.* (Х. Аппаев). „... посмотрел в окно, и что же: арестованных нет, а часовой валяется внутри“. Свообразие большинства таких конструкций заключается в отсутствии связки *-ды* (как в последнем примере: „тура“ вместо „турады“.)

Условная форма выступает в составе лексикализованных словосочетаний, риторических вопросов, оборотов с модальными оттенками сожаления, пожелания, намерения и т. д. В этих конструкциях условная форма часто осложняется модальными словами и частицами: *Мен жилимасам, ким*

жилляр?! (МЖ). „Кому плакать, если не мне?“ *Айхай, окъу-сау'уа, нек джарлы эдинь*. „Эх, если бы учился он“ (не учится). *Энди кете барсакъ дейбиз*. „Теперь хорошо бы трогаться в путь“.

В устной речи часто встречается обобщенно-личная конструкция типа *барсанъ'а алайгъа бар...*“, „*къарасанъа алайгъа къара*“, выражающие субъективную оценку неожиданного, необусловленного результата. Например: *Къарасанъ аллайгъа къара, болгар чачылыб, къатышыб тура(ды)*. „И что же вы подумали: все разбросано, перемешано (букв. „если смотришь, то смотри на подобное...“).

Об употреблении условной формы в значении повелительного и желательного наклонений было отмечено при обзоре этих наклонений.

Сравнительно часто встречается условная форма в составе пословиц, поговорок, загадок, афористических выражений, народных поверий и т. д. Подобные конструкции чаще имеют обобщенно-личное или неопределенно-личное значение. Примеры: *Арбанъ сынса, кёргюзткючю кёб болур*. „Если сломается твоя арба, то указывающих (обычно) много бывает“. *Гелеу керсенъ, джер сорма, келбет кёрсенъ, эр сорма*. „Видишь траву-гелеу — не спрашивай, что за земля (значит, хорошая), видишь представительную наружность — не спрашивай, что за человек“. *Джаз сюрсенъ, кюз орурса*. „Посеешь весной — пожнешь летом“. *Келин къайын анасыны не къайыныны атын айтса, тиши ауруйду*. „Если сноха назовет по имени свою свекровь или шурина, то у нее зуб заболит“. *Къууса джетмез, джетсе джибермез*. „Погонится — не догонит, догонит — не отпустит.“ (Капкан). *Сююб кирмезсе, кирсенъ чыкъмазса*. „Войдешь не по своей воле, но если войдешь, то уже не выйдешь.“ (Могила). *Жыйсам — жундурукъ, жайсам — ундурукъ*. „Соберу — жменя, раскину — кровать“. (Головной платок).

Кроме специальных, имеется ряд неспециальных форм с условно-следственной семантикой. К таким конструкциям относится в первую очередь вопросительная форма прошедшего категорического времени на *-ды, -ар || -ыр* в следствии: *Тюбедими — тарыгъыб башлар*. „Стоит ему встретиться (если только встретится), так начнет жаловаться“. „*Суугъа кирдинъми — чыкъдан ырыслама*. „Раз залез в воду, то не остерегайся росы“.

С условно-следственной семантикой употребляется и ряд других конструкций; напр.: *Чыбыкълыгъында бюгюлмеген къазыкълыгъында бюгюлмез*. „Если будучи хворостиной не гнулся, то уже будучи колом (взрослым, большим) не со-

гнется“ (смысл: воспитывать нужно с детства). *Джай джы-ландан кьоркьгъан кьыш аркъандан юркеди.* „Испугавшийся летом змеи, зимой от аркана шарахается“. *Сынаб бир кьргенъе...* „Что если попробовать...“ *Башынь сау болсун ансы, бьрк табылыр.* „Лишь бы голова была цела, а шапка найдется“. *Кесинъ сагъыш эт—анъыларса.* „Подумай сам—поймешь“ и т. д.

Употребление условной формы в качестве структурного элемента неопределенных местоимений, наречий, союзов не имеют прямого отношения к теме.

Условно-уступительная форма

Условно-уступительная форма по своей структуре сходна с условной формой, но значительно отличается от последней своей семантикой. Условно-уступительный оборот представляет, как и условная форма, несамостоятельный, синтаксически обусловленный компонент сложноподчиненного предложения, в котором содержание, вытекаемое из следствия, противоречит предпосылке условия, совершается вопреки этому условию. Она представляет сочетание условных форм с частицей да. Примеры: *Аякъ тайса да, баш таймаз.* (Посл.) „Хотя поскользнется нога, но голова — нет.“ *Байны кызы баймакъ болса да, юде кьалмаз.* „Хоть дочка бая и криволапая, но дома не останется“ (выйдет замуж). *Сюйсенъ, сюймесенъ да кьонакъгъа кьонакъча кьараргъа керекди.* (Х. Аппаев). „Любишь ли, нет ли, нужно принимать гостя, как гостя.“ *Кьарт болса да нарт кибикди.* (Посл.) „Хоть и стар, но как нарт“ (могуч, еще в силах). *Сыртла кьгерген эселе да, алкъын джылыу анъыламагъанды.* „Хотя уже и позеленели сырты, но еще не потеплело“.

С условно-уступительной семантикой употребляются и другие конструкции с глагольным компонентом в форме других наклонений. Например: *Тау таугъа тубемейди, адам адамгъа тубейди.* (Посл.) „(Хотя) гора с горой не сходится, человек с человеком встречается“. *Еле турса кьатына бармам.* „Пусть умрет он || она—и близко не подойду“. *Барсын, кьалсын—анда бизни шибибиз джокьду.* „Едет ли, нет ли—нам нет дела до этого“. *Шо бир баргъанъа...* „Эх, хоть бы поехать...“

Условно-сослагательная форма

Данная форма встречается в составе сложноподчиненного предложения, где следствие представляет обусловленное предположительное действие с реальной или невозможной

к осуществлению предпосылкой. Условно-сослагательная форма представляет сочетания *-ар || -ыр эди- и -лыкъ || -рыкъ || -ныкъ эди-* в следствии и условия, выраженного условной формой или конструкцией с условным значением.

Схема спряжения:

условие:	следствие:	ед. ч.	мн. ч.
		{ <i>эдим</i>	<i>эдик</i>
<i>-са -се</i>	<i>-ар -ыр(-лыкъ)</i>	{ <i>эдинъ</i>	<i>эдигиз</i>
		{ <i>эди</i>	<i>эдиле</i>

Спецификой этой конструкции является наличие оттенка предположения как в условии, так и в следствии. Другой особенностью, отличающей эту конструкцию от условного периода, является особенность ее структуры—аналитическая форма *-ар || -ыр, лыкъ+эди-*. В условном периоде условие является предпосылкой обязательного наличия следствия в нем, тогда как в условно-сослагательной конструкции—обратная зависимость: следствие (*-ар || -ыр, -лыкъ эди-*) предполагает неперенное наличие условия в контексте или условной ситуации—при его отсутствии.

Условно-сослагательная форма в зависимости от контекста имеет значение прошедшего или будущего времени. Но при временной форме условия (аналитические формы с *эсе-, эди-*) следствие связано только с будущим.

Джаўмаса, барлыкъ эдик { *тюнене*
тамбла

„Если бы не пошел дождь (снег),

то мы поехали бы { *вчера*
завтра“

Или: *Джаўмады*
джаўмагъан
джаўмай тура
джаўарыкъ тьююл } *эсе, барыр эдик*

„Если { *не пошел*
не идет
не пойдет } дождь (снег), то мы поехали бы
(завтра).

Условно-сослагательная форма содержит субъективно-предположительную характеристику действия в следствии. *Эди* в этой конструкции теряет почти полностью временное значение и вносит модальный оттенок обусловленного предположения, желания, намерения, долженствования, решения, заключения и т. д., отражающие субъективную оценку говорящего. Поэтому более приемлемым для этой конструкции является термин „условно-сослагательная модальность“.

В условно-сослагательной конструкции иногда условие может отсутствовать, но всегда предполагается.

Как было отмечено, вся условно-сослагательная конструкция имеет оттенок предположения. Следствие может быть обусловлено реальной или нереальной предпосылкой. Примеры: *Башха адам болса, мени шыйыхха ушаганымы эс-лемей кетер эди. сен'а, хариб, тауукъ тюшюнде тары бюртюк дегенлей, джараулу адамны к'зараб к'ргенлей таныдынъ.* „Будь это другой, не заметил бы моего сходства с шейхом, а ты, бедняга, как говорится, у курицы просяное зерно на уме, нужного человека сразу признал“. *Бусагъатда Ибрагимни алыб келсем, не этер эдинъ?* „А что бы ты сделал, если я сейчас привел бы Ибрагима?“ *Таймай эки к'олун Тауджан топрак'дан айырмай сюртгени бла юге ушаб турады, ансы эски чабырны чыклары чачылг'ганча чачыллыкъ эди.* „Толькотем и похож на хату, что Тауджан постоянно, не отрывая своих рук от глины, мажет ее, не то развалилась бы она, словно старый чабур“ (вид обуви из сыромятной кожи шерстью наверх). *Сюдде мен алай сюд этерик эдим.* „На суде я бы судил так“. (Здесь нет условия, оно предполагается — „будь я судьей“). *Тауджан мыдах болг'аны бла бир к'зууаныр эди деб...* „Подумав, что обрадовалась бы Тауджан после своих переживаний.“ (Здесь как же нет условия; в предположении „обрадовалась бы“ содержится причинно-следственная связь со значением „если бы предварительно совершилось то-то“). *Сабийи болг'ан игиди, болмаса да, мен ёлсем, тоханаларым, джылк'ы, тууар к'ошларым худжуму к'аллыкъ эдиле.* „Хорошо, коли есть дети, но уж хотя их и нет, если я умру, разве оставались бы (без наследника) хоромы, стада скота, табуны лошадей.“ *Энди к'олума бир тюшселе, мен аланы джанлары хырт деб чык'гынчы сыг'арем (<сыг'ар эдим).* „Попадись они теперь мне в руки, прижал бы я их, пока душа из них вон“. (Примеры взяты из романа Х. Аппаева „Черный сундук“)

Иногда встречаются конструкции с отсутствующим следствием: *Айхай, заманында билсег'а...* „Эх, если бы мы уз-

нали вовремя". Условие содержит сожаление по поводу не-реализованного действия в следствии: Эх, если бы мы узнали вовремя, то сделали то-то..." (*Айхай, заманында бил-сег'а, ... алай этер эдик*).

Оттенки решения, вывода пожелания, угрозы и т. д. в плане предположения уточняются контекстом, наличием гластиц, особой структурой или семантикой самой основы глагола в следствии. Конструкция *-ав || -ыр эди-* чаще выражает гипотетическое обусловленное желание, умозаключение, намерение; конструкция *-лыкъ || -рыкъ || -ныкъ эди-* (<*-арлыкъ || -ерлик эди-*) выражает значение долженствования. Эта конструкция соответствует *-ажак || -ежек эди* других тюркских языков (в башкирском *-сакъ || -сэк ине*). Отрицательная форма конструкции *-лыкъ || -рыкъ || -ныкъ эди* обычно образуется аналитически—с помощью *тюл || тьююл: мен анъа берлик тьююл эдим* „я бы ему не дал“.

Условное наклонение, таким образом, в карачаево-балкарском языке объединяет ряд форм, простых и сложных (аналитических) по своей структуре, различных по своей семантике, отражающих многообразие временных форм и значений или выступающих с относительным временным значением. Общим признаком, характеризующим формы условного наклонения, являются их синтаксическая обусловленность сложным контекстом—сложноподчиненным предложением, где условие и следствие взаимно обусловлены. Отсутствие одного из компонентов упраздняет всю конструкцию, иначе говоря, употребление одного из них без другого невозможно.

Долженствовательная модальность

В карачаево-балкарском языке нет морфологически оформленного наклонения долженствования, как в некоторых тюркских языках (в азербайджанском *-малы || -мэли, -асы || -эси*,¹ в турецком *-малы || -мели*.²)

Трактовка значения и структуры категории долженствования у разных авторов различна. В. А. Гордлевский к долженствовательному наклонению относит форму на *-малы*:

¹ Н. З. Гаджиева. Категория долженствовательного наклонения в азербайджанском языке. В кн. «Вопросы описательных грамматик». М., 1961, стр. 205.

² В. А. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. М., 1928, стр. 107—108.

яз-малы „он должен (ему следует) писать“; в этом значении употребляются описательные конструкции с арабскими элементами *ваджиб*, *лазым*, *меджбур* — *олмак*, *гелмек*, а также и слово *герек*¹. А. А. Юлдашев к долженствовательному наклонению относит аналитические конструкции типа *-ы || -е — м бар || юк (ине)* или *-ы || е—м кьалгган (базаргга бараным бар | кьалгган*²). Категория долженствовательного наклонения более полно изложена в статье Н. З. Гаджиевой (на материале азербайджанского, отчасти турецкого языка)³. Автор, анализируя грамматические способы выражения долженствования в азербайджанском языке, обращает внимание на различие понятий „категория модальности, находящую свое грамматическое выражение в специальных грамматических формах (повелительном, желательном, долженствовательном наклонениях)“, „модальный оттенок“, присущий временным формам изъявительного наклонения⁴. Аналитическую конструкцию с модальным словом „*кэрэк*“ автор не считает аналитическим способом выражения долженствования, т. к. слово „*кэрэк*“ может быть связано не только с глаголом. Поэтому оно не может считаться составным (хотя бы аналитическим) элементом глагольной формы⁵.

В карачаево-балкарском языке основным способом выражения долженствования является аналитическая конструкция *-ргга || -рге* + модальное слово *керек*- в предикативной форме. Эта конструкция выражает „сознание субъектом (или говорящим—И. У.) необходимости совершения действия“⁶: *Барыргга керексиз*. „Вы должны пойти“.

Основной компонент на *-ргга || -рге*—целевой инфинитив— в этой конструкции значительно ослабляет целевой оттенок, а вся конструкция употребляется с значением долженствования — „должно“, „нужно“, „необходимо“, „обязательно“.

В составе данной конструкции „*керек*“— представляет служебный, связочный элемент, оформляющий конструкцию в форме предикатива. „*керек*“—, как именное слово, не содержит ни одной глагольной категории (залога, наклонения,

¹ В. А. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. М., 1928.

² А. А. Юлдашев. Система., стр. 171—172.

³ Н. З. Гаджиева. Категория долженствовательного наклонения в азербайджанском языке. — ВСОГ, М., 1961, стр. 201—210.

⁴ Там же, стр. 205.

⁵ Н. З. Гаджиева. Категория долженствовательного наклонения в азербайджанском языке. — ВСОГ, М., 1961, стр. 208.

⁶ А. А. Юлдашев. Система., стр. 171.

времени, форм глагольного отрицания, возможности). Однако вся конструкция всегда выражает значение действия, следовательно, управляет определенным падежом имени, проявляет категорию залога, форм отрицания, возможности-невозможности через основу на *-ргъа* || *-рге*, *керек* же вносит значение долженствования. Таким образом все сочетание в языке выступает как одна глагольная лексема, как составной глагол, где компоненты, „растворив“ частное значение, выражают одно общее значение — значение долженствования. С учетом структурно-семантических и функциональных особенностей, как нам кажется, правомерно отнесение этой конструкции к категории долженствования.

В отношении времени и лица конструкций с „*керек*“ нужно сказать следующее. Конструкция *-ргъа* || *-рге керек* выражает значение будущего обязательного действия, реализация которого представляется в неопределенном будущем; конструкция *-ргъа* || *-рге керек эди* — о прошлом действии, необходимость совершения которого была актуальной для субъекта или говорящего в прошлом, причем на фоне событий, ситуации, обстановки этого прошлого (как при описательных формах прошедшего времени с *эди*). Данная конструкция часто употребляется как безличная форма. Она тогда выступает в форме 3 л. ед. ч. „*Джазаргъа керекди*“ выражает: а) „он должен писать“ (или ему нужно писать); б) „нужно писать“ — вообще. В этой форме лицо конструкции уточняется контекстом или наличным субъектом: *Хасан (ол) джазаргъа керекди*. „Хасан (он) должен писать“. То же самое и в отношении конструкции, осложненной *эди*: „Он должен был написать;“ „ему нужно было написать“ (вообще).

Под влиянием русского языка употребительна конструкция типа „*анъа джазаргъа керекди*“ со значением:

- 1) „ему (нам, мне, тебе и т. д.) нужно написать;“
- 2) „ему нужно написать“ (это его долг, обязанность, он сам должен);
- 3) „ему нужно написать“ (вообще без указания на субъекта).

Во всех прочих случаях *керек*- оформляется личными полными аффиксами, и конструкция спрягается по схеме:

ед. ч.

мн. ч.

<i>-ргъа</i> <i>-рге</i>	{	<i>керекме</i> <i>керексе</i> <i>керекди</i>		<i>-рге</i>	{	<i>керекбиз</i> <i>керексиз</i> <i>керекдиле</i>
-----------------------------	---	--	--	-------------	---	--

Отрицательная форма образуется двояко:

- а) глагольное отрицание в составе основы на *-ргъа || -рге*: *бар—маз—гъа керекбиз* „мы не должны пойти“;
- б) именное отрицание *тюл || тьююл* в составе с *керек-*: *барыргъа керек тьююлбюз* „мы не должны пойти“. Двойное отрицание (отрицание при обоих компонентах) практически не употребляется в языке. (В этом случае оно усилит положительное значение конструкции).

Формы возможности-невозможности включаются в состав основы на *-ргъа || -рге*, но в языке встречаются крайне редко: *джаз — ал — ыргъа керекбиз* „мы непременно должны мочь написать.“

Долженствовательная модальность на *-ргъа || -рге керек-* вообще имеет значение обязательного нереализованного действия. Форма прошедшего времени (*-ргъа керек эди-*) имеет значение обязательного в прошлом, но не состоявшегося по причине действия, осложненного оттенком сожаления, позднего вывода. Если же по ситуации или в контексте выясняется, что обязательное действие совершилось, то это уточняется в причинно-следственной связи — сначала необходимость — затем вытекающее из нее следствие: *барыргъа керек эди — барыб келдим* „я должен был поехать — (поэтому) поехал и вернулся“.

Форма *-ргъа || -рге керекди-* имеет значение будущего времени, так как она представляет констатацию обязательного действия в момент речи, выполнение которого предстоит после сообщения о нем,

Значение этой модальности, кроме долженствования, включает модальные оттенки желания, сожаления, совета, предупреждения, решения и т. д. Категоричность долженствования, непреложность факта предстоящего действия усиливается модальными словами и частицами и другими экспрессивно окрашенными словами, в условной речи — интонацией, логическим ударением и т. д. Примеры: *Сен шыйых! Шыйых болургъа керексе.* „Ты (ведь) шейх! Ты должен стать шейхом“. *Ол кёзлюккю итин былайдан къысдаб, джалыбызны ёсдюргюнчю, бир адам ишге чыкъмазгъа керекди.* „Пока она не выгонит отсюда эту свою очкастую собаку и не повысит плату, ни один человек не должен выйти на работу.“ *Сиз билирге керексиз, хар бир ишни этген адамны къыйыны табылыргъа керекди.* „Вам следует знать, (что) у всякого человека любой его труд должен найти достойное вознаграждение“. *Иги-аман джюрюйдю, кече арасында ол къаны келликге эшикни ачмазгъа керек эдинь.* „Тут всякий

ходит, не нужно было открывать двери в полночь этому, чтоб ему истечь кровью“.

(Примеры взяты из романа Х. Аппаева „Черный сундук“).

„керек“ иногда осложняется вспомогательными глаголами, из которых чаще других встречается *бол-*; *Закон деген не болгъанын Биймырзадан ары озуб билмейди, билирге да керек болмайды.* (Х. Аппаев). „Что такое закон, далее Биймурзы он не представляет, да и знать-то нет надобности“.

Со значением долженствования в языке употребляется ряд аналитических конструкций, в состав которых включаются отрицательно-предикативные частицы. Отрицательное значение усиливает обязательность, непреложность содержащегося в конструкции факта. Большинство из них составляет именные сочетания, оформленные связкой *-ды (<тур)* со значением настоящего времени. Примеры: *Тёбентин санъа эки тюмен джасакъ келгенди, аны бермей боллукъ тюлдю.* (Х. Аппаев). „Снизу (из центра) на твое имя подать в два червонца поступила, не можешь ее не отдать“ („нужно тебе немедленно уплатить“). *Биз аланы табмай ызыбызгъа къайытыргъа амал джокъду.* (Там же). „Нельзя нам возвращаться назад, не поймав их“ (букв.: „их не поймав, назад возвращаться способа нет“). *Алыб келмей амалыгъыз джокъду.* (Там же). „Вы должны обязательно привести“. *Кесине кёрюб айтыргъа джарарыкъ туюлдю.* (Там же). „Считая своим (кого-либо), нельзя рассказать (ему)“.

Семантика долженствования содержится и в значении будущего категорического времени на *-лыкъ || -рыкъ || -ныкъ*: *Атанъ бери бир келсин, этгенлеринъи айтырыкъма.* „Пусть только придет отец твой, непременно расскажу о твоих проделках“.

С категорией долженствования сближаются конструкции с предикативными словами *бар-ды* „есть“ и *джокъду* „нет“. Наиболее часто встречается сочетание *-лыкъ* в притяжательной форме *+бар || джокъ-* в форме Зл. ед. ч.: *Санъа айтыр-(ыгъ)ым барды.* „Мне нужно сказать тебе нечто“. Отрицательная конструкция выражает оттенок долженствования более четко: *Барлыгъынъ джокъду, бош кюрешме.* „Ты не должен пойти, зря не старайся“.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев В. И. Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев. Язык и мышление. т. I, Л., 1933.
- Азербайжан дилинин грамматикасы I hissə (Морфоложија). Баку, 19 -
- Азизов А. А. Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков. Морфология. Ташкент, 1960.
- Айдаров Г. О языке памятника Тоньюкука и его отношение к некоторым современным тюркским языкам. А. к. д., Алма-Ата, 1959.
- Акбаев И. Ана тили. Тифлис, 1916.
- Алекперов А. К. Сложные глаголы в современном азербайджанском языке. А. к. д., Баку, 1961.
- Алиев У. Б. Вопросы сложного предложения в русском и тюркских языках, ч. I—II, Черкесск, Нальчик, 1959.
- Алиев У. Б. Залоги в глаголе русского и балкарского языков. Уч. зап. КБГУ, вып. 9. Нальчик, 1960.
- Алиев У. Б. Қъарачай тилини грамматикасы. Синтаксис. Черкесск, 1958.
- Алиев У. Б. Малкъар тилини грамматикасы, I кесек. Фонетика бла морфология. Нальчик, 1958.
- Алиев У. Б. Причастие карачаево-балкарского языка. Уч. зап. КБГУ, вып. 4. Нальчик, 1958.
- Алиев У. Б. Слово и части речи. Уч. зап. КБГУ, вып. 7. Нальчик, 1960.
- Алиев У. Б. Употребление вопросительного аффикса в карачаево-балкарском языке. Уч. зап. факультета языка и литературы КБПИ, вып. 1. Нальчик, 1940.
- Алиев У. Д. Карачаево-балкарская грамматика. (Горско-тюркский язык). Кисловодск, 1930.
- Алиев У. Д. О принципах составления карачаево-балкарской грамматики. Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ, т. I. Ростов н/Д., 1928.
- Аманжолов С. — Вопросы диалектологии и истории казахского языка, ч. I. Алма-Ата, 1959.
- Алпаев А. М. — Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960.
- Ахундов А. А. — Категория времени глагола (на материале азербайджанского языка). А. к. д., Баку, 1958.
- Ашмарин Н. И. — Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898.
- Базнев А. Т. — Система спряжения в кумыкском и ногайском языках. Канд. дисс., М., 1949.

Байлиев Х. — Сложные глаголы в туркменском языке. В кн. «Проблемы туркменской филологии», т. I, Ашхабад, 1944.

Байрамкѳулланы А. М. — Къарачай тилин грамматикасы. I кесек, Фонетика бла морфология. Черкесск, 1958.

Байрамкулов А. М. — Къарачай тилде къош айтым. Труды КЧГПИ, вып. 3. Нальчик, 1960.

Байрамкулов У. — Къарачай тилин грамматикасы, I кесек, Нарсана, 1930; II кесек, Нарсана, 1931.

Балтин П. И. — К семантике древнетюркского str. Труды КЧГПИ, вып. 3. Нальчик, 1960.

Балакаев М. Б. — Основные типы словосочетаний в казахском языке. Алма-Ата, 1957.

Баскаков Н. А. — Алтайский язык. Введение в изучение алтайского языка и его диалектов. М., 1958.

Баскаков Н. А. — Залог в каракалпакском языке. Ташкент, 1951.

Баскаков Н. А. — Каракалпакский язык, т II, ч. I. Фонетика и морфология. М., 1952.

Баскаков Н. А. — К вопросу о происхождении условной формы на-са/-се в тюркских языках. Сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию», М., 1953.

Баскаков Н. А. — Личные и лично-притяжательные местоимения в каракалпакском языке. Тюркологический сборник, I, Баку, 1951.

Баскаков Н. А. — Ногайский язык и его диалекты. М. — Л., 1940.

Баскаков Н. А. Краткий очерк грамматики каракалпакского языка. Каракалпакско-русский словарь под редакцией проф. Н. А. Баскакова. М., 1958.

Баскаков Н. А. — Причастие на-ды/-ты в тюркских языках. Труды Московского института востоковедения, № 6. М., 1951.

Баскаков Н. А. — Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. ИСГТЯ, ч. III. Морфология, М., 1956.

Баскаков Н. А. — Составные глаголы в каракалпакском языке. Сб. «Вопросы изучения языков Средней Азии и Казахстана...», Ташкент, 1952.

Баскаков Н. А. — Тюркские языки. М., 1960.

Баскаков Н. А. — Явления лексикализации аффиксов в тюркских языках. Лексикографический сборник, вып. IV, М., 1960.

Баскаков А. Н. — Обороты с неличными формами глагола и придаточные предложения в турецком языке. А. к. д., М., 1958.

Батманов И. А. — Грамматика киргизского языка, вып. III. Типы отглагольных образований. Фрунзе, 1940.

Батманов И. А. — Принципы построения описательной грамматики киргизского языка (тезисы доклада). Фрунзе, 1954.

Батманов И. А. — Части речи в киргизском языке. ВЯ, № 2, 1955.

Батманов И. А. — Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.

Богородицкий В. А. — Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, изд. 2. Казань, 1953.

Богородицкий В. А. — Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1933.

Боровков А. К. — Карачаево-балкарский язык. Яфетич. сборник 7, Л., 1932.

Боровков А. К. — Об единой карачаево-балкарской орфографии. Изв. АН СССР, 1935.

Боровков А. К. — Очерки карачаево-балкарской грамматики. Языки Северного Кавказа и Дагестана, вып. I. М. — Л., 1935.

Боровков А. К. — Учебник уйгурского языка. Л., 1935.

- Вагапова М. З. — Вопрос о форме глагола де в тюркологии. Труды КЧГПИ, вып. 2, Нальчик, 1959.
- Виноградов В. В. — О категории модальности и модальных словах в русском языке. Труды института русского языка АН СССР, т. II М., 1950.
- Виноградов В. В. — Русский язык, грамматическое учение о слове. М., 1947.
- Владимирцов Б. Я. — Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и калхасского наречия. Л., 1929.
- Гадельшин Л. С. — Инфинитивная форма в современном татарском языке. А. к. д., Казань, 1957.
- Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык, Учпедгиз. М. 1957.
- Гаджиева Н. З. — Карачаево-балкарский язык. Сб. «Младописьменные языки». М.—Л., 1959.
- Гаджиева Н. З. — Категория долженствовательного наклонения в азербайджанском языке. Сб. «Вопросы составления описательных грамматик», М., 1961.
- Гаджиева Н. З. — Придаточные предложения в азербайджанском языке (разделы о придаточном условном и уступительном). ИСГТЯ, ч. III. Синтаксис. М., 1961.
- Гаджиева Т. Н. — Система форм прошедшего времени глагола в современном азербайджанском языке. I—II, Изв. АН АзССР. Серия общ. наук, № 3—4, Баку, 1958.
- Гаджиева Н. З., Коклянова А. А. — Глаголы речи в тюркских языках. В кн. «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961.
- Гафаров В. Г. — Система спряжения в гагаузском языке. А. к. д., М., 1951.
- Гиганов И. — Грамматика татарского языка. Спб. 1801.
- Гордлевский В. А. — Грамматика турецкого языка. М., 1928.
- Грамматика алтайского языка, составлена членами Алтайской миссии. Казань, 1869.
- Грамматика русского языка. М., 1960.
- Грунина Э. А. — О роли неличных форм глагола в конструкции сложноподчиненного предложения в тюркских языках. В кн. «Тюркомонгольское языкознание и фольклористика». М., 1960.
- Гуломов А. Г. — Фейл. Ташкент, 1954.
- Джавадов А. М. — Безличные предложения в современном азербайджанском языке. Баку, 1956.
- Джафаров С. А. — Азәрбајчан дилиндә соз јарадычылыгы. Баку, 1960.
- Дмитриев Н. К. — Ассимиляция и диссимиляция согласных в кумыкском языке. ИСГТЯ, ч. I, Фонетика. М., 1955.
- Дмитриев Н. К. — Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках. ИСГТЯ, ч. I, Фонетика. М., 1955; Неустойчивое положение сонорных р, л в тюркских языках. Там же.
- Дмитриев Н. К. — Грамматика башкирского языка. М. — Л., 1948.
- Дмитриев Н. К. — Грамматика кумыкского языка. М. — Л., 1940. Категория принадлежности. ИСГТЯ, ч. II. Морфология. М., 1956; Категория числа. Там же; К истории аффиксов сказуемости. Там же.
- Дмитриев Н. К. — Турецкий язык. М., 1960.
- Дмитриев Н. К. — Очерки по кумыкскому синтаксису. Языки Северного Кавказа и Дагестана, вып. I. М. — Л., 1935.

- Дыренкова Н. П. — Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940.
 Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941.
 Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948.
- Егоров В. Г. — Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, ч. I. Чебоксары, 1954.
- Жанпейсов Е. Н. — Модальные слова в составе сложного глагола. Труды института языка и литературы АН КазССР, т. I. Алма-Ата, 1959.
- Жарихин А. Д., Байрамкулов У. М., Чанкаев А.-К. Учебник по изучению карачаевского языка. Микоян-Шахар, 1941.
- Жирмунский В. М. — Развитие категории частей речи в тюркских языках по сравнению с индоевропейскими языками. Изв. АН СССР. Отделение языка и литературы, вып. 3—4. М., 1945.
- Жубанов Х. — Исследования по казахскому языку, вып. II. Заметки о вспомогательных и сложных глаголах. Алма-Ата, 1936.
- Ильминский Н. Н. — Материалы для джагатайского спряжения из Бабер-Намэ. Уч. зап. Казанского университета. Казань, 1865.
- Исхаков Ф. — Имена действия и состояния в современном узбекском языке. Самарканд, 1960.
- Исхаков Ф. Г. — Формы настоящего времени глагола изъявительного наклонения в тувинском языке. ИСГТЯ. ч. II. Морфология. М., 1956.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.
- Казамбек А. К. — Общая грамматика турецко-татарского языка, изд. II. Казань, 1846.
- Караулов Н. А. — Краткий очерк грамматики горского языка. «Болгар». СМОМПК, вып. 42. Тифлис, 1912.
- Катанов Н. Ф. — Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.
- Кононов А. Н. — Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
- Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.
- Кононов А. Н. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. Тюркологический сборник, I. М.—Л., 1951.
- Корнев В. Г. Изъявительное наклонение в хакасском языке. А. к. д., М., 1955.
- Курш Ф. Е. — Происхождение форм настоящего времени в западно-тюркских языках. «Древности восточные». III. М., 1907.
- Кузнецов П. И. — Происхождение прошедшего времени на -ды и -мени действия в тюркских языках. В кн. «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1960.
- Макаров Т. — Татарская грамматика кавказского наречия. Тифлис, 1848.
- Малов С. Е. — Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.
- Малов С. Е. — Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
- Малов С. Е. — Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. — Л., 1959.
- Малов С. Е. — Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957.
- Маманов И. Е. — Вспомогательные глаголы в казахском языке. Алма-Ата, 1949.

Мелиоранский П. М. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1903.

Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I, фонетика и этимология, 1894, ч. II, синтаксис. СПб., 1897.

Милых М. К. — Глагол ногайского языка. Труды Черкесского НИИ, вып. II, 1954.

Михайлов М. С. — Перифрастические формы и категории вида в турецком языке. М., 1954.

Монгуш Д. А. — О временных формах в тувинском языке. Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ, вып. VII, Кызыл, 1959.

Муратов С. Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961.

Наджип Д. А. — Современный уйгурский язык. М., 1960.

Насилов В. М. — К вопросу о грамматической категории вида в тюркских языках. Труды МИВ, № 4, 1947.

Насилов В. М. — Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.

Орузбаева Б. О. — Формы прошедшего времени в киргизском языке. Фрунзе, 1955.

Поцелуевский А. П. — Происхождение личных и указательных местоимений. Ашхабад, 1947.

Поцелуевский А. П. — К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы. Ашхабад, 1948.

Радлов В. В. — Опыт словаря тюркских наречий. I—IV, СПб., 1893—1911.

Радлов В. В. — О языке куманов (по поводу издания куманского словаря). СПб., 1884.

Рамстедт Г. И. — Введение в алтайское языкознание. Морфология. Под редакцией и с предисловием Н. А. Баскакова. М., 1957.

Решетов В. В. — О категории настоящего времени в узбекском языке. Доклады АН Узбекской ССР, вып. V. Ташкент, 1948.

Рясяней М. — Материалы по исторической фонетике тюркских языков. Под редакцией Н. А. Баскакова. Перевод с немецкого А. А. Юлдашева. М., 1955.

Сайдуллин Ч. Г. — Опыт морфологической классификации фразеологических единиц уйгурского языка. Труды Среднеазиатского гос. университета им. В. И. Ленина. Иранская и тюркская филология. Ташкент, 1957.

Самойлович А. — Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925.

Санжеев Г. Д. — Наклонения в монгольских языках. В кн. «Вопросы грамматики и истории восточных языков». М. — Л., 1958.

Сауранбаев Н. Т. — Семантика и функции деепричастий в казахском языке. Алма-Ата, 1942.

Сауранбаев Н. Т. — О категории лица повелительного наклонения. Изв. АН Каз. ССР, серия филологии и искусствоведения, вып. 1—2, 1954.

Севортян Э. В. — Аффиксальное глаголообразование в азербайджанском литературном языке. А. д. д., М., 1957.

Севортян Э. В. — К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. Сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». М., 1952.

Севортян Э. В. — Категория сказуемости. ИСГТЯ, ч. II. Морфология, М., 1956; Категория принадлежности, там же.

Серебрянников Б. А. — Проблема глагольного вида в тюркских языках. «Вопросы грамматики тюркских языков». Алма-Ата, 1958.

Серебрянников Б. А. — О происхождении прошедшего времени типа алганмын и алыппын в казахском языке. Вопросы истории и диалектологии казахского языка, вып. 3. Алма-Ата, 1960.

Сухотин В. П. — Строение слога в балкарском и русском языках. Уч. зап. КБПИ, факультет языка и литературы, вып. 1. Нальчик, 1940.

Тенишев Э. Р. — Глаголы движения в тюркских языках. Сб. Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

Турсунов А. — Деепричастие в современном киргизском языке. А. к. д., Фрунзе, 1958.

Убайдуллаев К. — Категория прошедшего времени глаголов изъявительного наклонения в современном каракалпакском языке. А. к. д., М., 1955.

Убрятова Е. И. — О некоторых особенностях основы слова в якутском языке. Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка, т. VII, вып. 6. М., 1948.

Филоненко В. И. — Грамматика балкарского языка. Фонетика и морфология. Нальчик, 1940.

Хангильдин В. Н. — Татар теле грамматикасы. Казань, 1954.

Харисов А. И. — Категория глагольных видов в башкирском языке. Уфа, 1944.

Харитонов Л. Н. — Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947.

Харитонов Л. Н. — Типы глагольной основы в якутском языке. М. — Л., 1954.

Харитонов Л. Н. — Формы глагольного вида в якутском языке. М.—Л., 1960.

Чарьяров Б. — Категория залога в современном туркменском языке. А. к. д. Ашхабад, 1955.

Шаумян Р. — Балкарская лексика. Языки Северного Кавказа и Дагестана, I. М.—Л., 1935.

Ширалиев М. А. — Баки диалекти. Аз. ССР ЕА нәшријаты. Ба-кы, 1957.

Шербак А. М. — Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII веков Восточного Туркестана. М.—Л., 1961.

Юлдашев А. А. — Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958.

Юнусалиев Б. М. — Вспомогательные глаголы в киргизском языке. А. к. д. Фрунзе, 1949.

Ястремский С. В. — Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900.

На карачаево-балкарском языке.

Аппаланы Х. Къара кюбюр, 1 эмда 2 китабы. Микоян-Шахар, 1937.

Байкъланы Д. Джазгъанларыны сайламалары, Черкесск 1959.
Байрамукъланы Х. Биринчи атламла. Черкесск 1958; Джырла бла таурухла. Микоян Шахар, 1940.

Бирге Джырлайккъ. Фрунзе, 1956—57.

Гуртуев Б. Ленин биргебиздеги, Нальчик, 1960.

«Джилтинле». Къарачай джырчылары кюулеры, назмулары. Алма-Ата, 1957.

«Джюрек джырлайды». Черкесск, 1957.

«Джашауубузну байрагъы». Фрунзе, 1956.

- Ертенланы А. Джазгъанларыны сайламалары, Черкесск, 1959.
 Зумакулова Т. Қыяда гюлле. Нальчик, 1959.
 Кулиев Қъ. Сайлама. Эки томлукъ, т. 1—2. Нальчик, 1958.
 Қырачай фольклор. Микоян-Шахар. 1940.
 Малкъар жомакъла, нарт сёзле, эльберле, Нальчик, 1958.
 Малкъар поэзияны антологиясы. Нальчик, 1959.
 Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик, 1962.
 Мечиев К. Сайлама чыгъармалары. Нальчик 1959.
 Отаров К. Жолла, Фрунзе. 1956.
 Семенланы А. И. Тау бла таулу. Черкесск. 1961.
 Сюйюнчланы А. Қыобанны мынчакълары. Черкесск, 1959.
 «Таза джюрекден». Фрунзе, 1957.
 Хубийланы О. Аманат. Черкесск, 1959.
 Шахмурзаев С. Сарыйна. (Назмула). Нальчик, 1957.
 Газеты «Ленинни байрагы», «Коммунизм жол» — за 1960 — 1962 г.г.

ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

- Benzing J. Der Aorist im Türkischen. UA9, Bd. XXIV, Nr. 3—4, 1952.
 Böhlingk O. Über die Sprache der Jakuten. SPB, 1851.
 Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leyden, 1954.
 Dery J. Türk dili Gramari. Tercüme edeni: Ali Ulvi. Elove. Jstambul, 1941 — 1945.
 Kotwicz W. Shudia nad jazykami altajskimi. RO, t. XVI, 1950.
 Mansuroglu M. Türkçede — gayl — gey eki ve türemeleri. Jean Dery Armagani. Ankara, 1958.
 Nemeth G. Kumükisches und balkarisches Wörterverzeichnis. Keleti Szemle, XII (1—2), Budapest, 1911—1912.
 Pzöhle W. Karatschaisches Wörterverzeichnis. Keleti Szemle, t. X, Budapest, 1908; Karatschaische Studien. Keleti Szemle, t. X, Budapest, 1909; Balkarische Studien. Keleti Szemle, t. XV—XVI, Budapest, 1914—1916.
 Radloif W. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus, SPB, 1887.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список сокращений	3
Пометы	3
Условные обозначения	4
Вопрос о спряжении в тюркологии	5
Основные категории глагола	20
I Категория лица и числа	20
1. Лицо	20
2. Число	28
II. Категория наклонения	30
III. Категория времени	34
Форма возможности, невозможности отрицания и вопросительная	39
О структуре глагольной основы	43
Сложносоставные основы	58
ПРИЧАСТИЕ	58
Причастия на <i>гъан</i>	63
Причастия настоящего времени	65
Причастия будущего времени	65
ДЕЕПРИЧАСТИЕ	76
ИМЕНА ДЕЙСТВИЯ	82
ИНФИНИТИВ	83
Вспомогательные глаголы	87
Сложносоставные глаголы	89
Сложные и составные глаголы	93
Сложносоставные глаголы, обозначающие непроизвольное, неожиданное действие	105
Вспомогательные глаголы, обозначающие начало действия или приступ к нему	107
Вспомогательные глаголы, обозначающие конец, результат, определенный этап действия, его интенсивность	109
Вспомогательные глаголы с семантикой пробы действия	110
Модальные формы глагола	111
Модальные формы на <i>болур</i>	111
Модальные формы на <i>эке(н)</i>	112
Модальные формы на <i>кёреме</i>	113
Модальные формы на <i>кёрюнеди</i>	114
Модальные формы на <i>ушайды</i>	114
Модальные формы на <i>де</i>	115
Модальные формы, выражающие инсценировку	116
Модальные формы на <i>-гъан бол</i>	116
ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ	
Настоящее время	117
Спряжение простых основ	118
Спряжение сложносоставных основ	119
Форма на <i>-ыучу</i> <i>-ыучан</i>	123

Будущее время	123
Будущее неопределенное время	130
Будущее категорическое время	137
Спряжение простых основ	138
Прошедшее время	137
Прошедшее категорическое время	137
Прошедшее результативное время	142
Прошедшее неопределенное время	143
Значение формы на <i>-гъан</i>	145
Сложные (описательные) формы прошедшего времени	
Давнопрошедшее время	153
Прошедшее незаконченное время	156
Прошедшее результативное время	160
Прошедшее многократное время	162
Прошедшее регулярное время	164
Форма на <i>-лыкъ</i> <i>-рыкъ</i> <i>-никъ эди</i>	167
ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ	169
ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ	183
УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ	200
Условно-уступительная форма	216
Условно-сослагательная форма	216
Долженствовательная модальность	219
Библиография	224
На карачаево-балкарском языке	229
Литература на иностранных языках	231

Ибрагим Хаджи-Муратович Урусбиев.

Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке

Редактор *П. И. Балтин.*

Технический редактор *З. Т. Темирова.*

Корректоры *Н. А. Болохова, Р. А. Гочияева.*

Сдано в набор 13-VIII-1963 г. Подписано к печати 30-XI-1963 г.

Формат 60x92¹/₁₆. Печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 13,81.

Заказ № 3350. ВУ 09034. Тираж 1000 экз. Цена 47 коп.

Карачаево-Черкесское книжное издательство.

Черкесская типография, г. Черкесск, ул. Комсомольская, 32.

Цена 47 коп.